

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Любимый Евгений Анатольевич

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
«СООТНОШЕНИЕ ДОБРОЙ ВОЛИ И ПРАВА
В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО
ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА»

Тула 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. КАТЕГОРИИ ДОБРОЙ ВОЛИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ....	24
1.1. Развитие представлений о законодательных моральных принципах в отечественной философско—правовой мысли.....	24
1.1.1. Нравственные реитерации судебного института.....	24
1.1.2. Этико—правовые идеи в последний период русской истории.....	34
1.1.3. Советские тенденции.....	63
1.2. Этико—юридические принципы гражданского права.....	69
1.2.1. Справедливость.....	69
1.2.2. Разумность.....	77
1.2.3. Добросовестность.....	85
ГЛАВА 2. МЕСТО ДОБРОЙ ВОЛИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ. .	98
2.1. Судебное усмотрение.....	98
2.2. Постановления высших судебных органов, раскрывающие этико—правовые категории, применяемые в судебной деятельности.....	108
2.3. Проблема судебного усмотрения при недобросовестном поведении сторон в гражданском процессе.....	118
2.4. Внутреннее убеждение судьи.....	126
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	141
БИБЛИОГРАФИЯ.....	149
А. Нормативно—правовые акты.....	149
Б. Диссертации, монографии, статьи.....	152
В. Классические труды по цивилистике, правоведению и этике.....	177

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. С принятием новой редакции Конституции в 2020 г. в научном сообществе был оживлен вопрос о нравственных основаниях государственного порядка в России, отраженных, в т. ч., в Преамбуле Конституции, где отмечено «исторически сложившееся государственное единство», сохраненное благодаря «памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость», утвержденное «исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями». Все перечисленные сентенции носят моралистический характер и сформулированы под влиянием традиционалистских течений предыдущих столетий. В этом отношении Конституция являет собой юридический консенсус¹ доброй воли «многонационального народа» России. Неслучайно и новая редакция Конституции была именно «одобрена», а не принята или легализована народом. Эта добрая воля пронизывает всю человеческую деятельность, направленную к созиданию. Не лишнее здесь и право: вся история законодательства представляет собой борьбу с произволом, который противопоставлен доброй воле. Добрая воля есть первичная интеллектуальная сфера человеческого мышления, в которой присутствуют элементы юридических принципов, правосознания, этики, воспитания и образования², норма семьи, особо подтвержденная в редакции 2020 г. (п. ж.1) ч. 1 ст. 72); соотношение индивидуальной и групповой воли подчеркнуто в запрете нарушения прав и свобод одних людей при осуществлении прав и свобод другими субъектами (п. 3 ст.

1 С. М. Шахрай говорит об общественном согласии в отношении принципов и идей, закрепленных в первой главе Конституции, изложенных с целью создания консенсуса в будущем, см.: Шахрай С.М. О Конституции. — Москва: Наука, 2013 — с. 59, 61, 64—65. О консенсусе доброй воли в 1993 г. нельзя утверждать в т. ч. и потому, что в первой редакции Конституции отсутствовала формулировка нормы семьи. По теме поэтичности конституционных норм см.: Румянцев О.Г. Конституция Десяносто третьего. - Москва: Библиотечка РГ, 2013 — 334 с.

2 Легеза Л.А. Гносеологические корни и социально—правовые предпосылки возникновения принципов справедливости, добросовестности и разумности. — Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 160

17). В связи с поэтической краткостью преамбулы, возникает проблема определения понятия «доброй воли» и ее соотношения, включенности в систему современных российских законодательных норм. Особенно эта задача актуальна для гражданских отношений, которые, в отличие от уголовных отклонений, затрагивают обыденную сферу общественной статики, которая, согласно законным нормам, функционирует в соответствии с главной мыслью конституционного и, последовательно, гражданского строительства — доброй волей. Вместе с рецепцией досоветских юридических норм приобретает вес право доброй воли, известное в античных и средневековых каденциях. Введение в гражданскую кодификацию в 1994 г. этико—правовых принципов официально связывалось с задачами укоренения в цивилистических отношениях «цивилизованных норм» и «добрых нравов»¹.

Отрицание этики и права — проблема современного общества, которая касается и профессиональных групп юристов, медиков, педагогов, коммерсантов, чиновников. Распад идеологической и государственной систем в 80—90—е гг. привел к взрослению поколения людей, воспитанных на воровских ценностях и антисоциальных нормах. В особо тяжких случаях это оборачивается сознательным загниванием индивидуальности, отрицанию своей, а следовательно, и чужой личности, наслаждением ничтожеством и творением зла. Неумение отделить добро от зла даже на уровне персональной оценки становится отличительной чертой нынешнего «социально одобряемого поведения».

Юридическое мышление формируется в столкновении правительственной инициативы, их идей и предлагаемых формул кодификаций, и права, рожденного из практики работы отдельных социальных групп². Юриспруденция — искусство убеждения. Гражданское судебное разбирательство — словесный поединок, где грамотная речь является единственным инструментом

1 Голубцов В.Г. Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права. — *Lex Russica*, 2019, № 8 (153) — с. 45

2 Рулан Н. Юридическая антропология. — Москва: Норма, 1999 — с. 246—249

доказывания. Началом процесса написания закона является обсуждение, юридическая техника второстепенна и необходима для единообразия кодификации. Право действует не только в рамках позитивизма. В судебном гражданском споре, при столкновении двух законодательных наборов аргументов, диктат нормативизма рушится в решении судьи, навеянного внутренним убеждением. Если частное усмотрение законодателя хранится на нравственных представлениях, которые признаны позитивным правом в закрепленных принципах разумности, добросовестности и справедливости, то усмотрение суда держится дополнительно на системе судебной практики. Результаты решений высших судебных инстанций составляют прецедентное право¹. Существенную роль в формировании консенсуса доброй воли играет судебная юрисдикция, призванная разрешать споры и ситуации, причиняющие вред, и разрушающие отношения доброй воли в обществе.

Сегодня юриспруденция — это дисциплина, созданная в XVII—XVIII вв. математиками, и используемая ныне гуманитариями, поэтому исходный смысл базовых терминов не поддается точным формулировкам, юридический язык забыт. В настоящей связи между людьми, при невозможности исполнения различных законодательных систем норм, сводятся к универсальным правовым и неправовым (этическим) принципам², с помощью которых право не утрачивает монополию на регуляцию гражданских отношений, признавая моральное содержание принципарного подхода. Сегодня в России на основе сочетаний достижений правовых школ прошлого вырабатывается понятие

1 Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. — Москва: Статут, 2010. — с. 418—419; Верещагин А.Н. Судебное правотворчество в России. — Москва: Международные отношения, 2004 — с. 14, 139, 141, 156—174

2 Бойко В.Н. Пределы субъективной свободы граждан. Справедливость как юридически ценный компонент баланса интересов государства и гражданского общества. — Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 1 (18). С. 59; Татарников А.В. Классификация принципов гражданского права и место в ней принципов разумности и добросовестности. — Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 1. С. 142; Марченко Н.К. Об основных тенденциях развития права. — Государство и право, 2009, № 6 — с. 7—8

этико—юридических принципов гражданского права¹. Обширный выпуск нормативно—правовых актов свидетельствует о стремлении к правовой регламентации всех элементов деятельности, что неминуемо приведет к уравниванию правовых, социальных и этических норм. «Ассоциация международного права» призывает страны мира унифицировать законы в когнитивном поле доброй воли². Таким образом, центральная роль доброй воли достигается благодаря внедрению и расширительному толкованию этико—правовых принципов.

Отсутствие в отечественной литературе раскрытия соотношения права и доброй воли вместе с восстановлением культурно—юридического качества категории «правосознание» после 1991 г.³, и преодолением гегельянско—марксистского тоталитаризма требуют изучения и развития универсальных правовых начал, касающихся этических представлений всего общества. В современной российской юридической доктрине распространен взгляд, согласно которому правовые принципы⁴ добросовестности, справедливости и разумности объемлют собой «нравственно—моральную» сферу человеческой деятельности, где «нравственный» — элемент субъективный, личный, а «моральный» — элемент объективный, общественный. При синонимичности этих двух терминов, между тем, доктрина не идет дальше, объединяя эти элементы в праве личности, к чему пришла еще дореволюционная правовая мысль (см. § 1.1.2.), и нормативисты—законники не развивают более эти ка-

1 Докучаева Т.В. Гражданско—процессуальная доктрина истины в России конца XIX — XX веков: Историко—правовое исследование. — Дисс. канд. юр. наук. — Москва, 1999 — с. 138—140

2 Юридическая энциклопедия (под ред. Б. Н. Топорнина). — Москва: Юрист, 2001 — с. 64. Схожесть раскрытия формулировки с советским изданием, статья в которой посвящена «Международной ассоциации юристов—демократов», указывает на устойчивое и многолетнее присутствие идеи доброй воли в мышлении современных отечественных юристов, ср.: Юридический энциклопедический словарь (под ред. А. Я. Сухарева). — Москва: Советская энциклопедия, 1984 — с. 169

3 О правосознании см.: Лейст О.Э. Сущность права. — Москва: Зерцало, 2002 — с. 195—203

4 Об аксиологии правовых принципов см.: Волос А.А. Принципы гражданского права и их аксиология. — Известия Байкальского государственного университета, 2017. Т. 27, № 2 — с. 239—241

тегории в силу ограниченности методологического подхода, — из—за упадка права даже профессиональные юристы не осознают фундаментальных «мета-юридических категорий»¹. Поэтому в нашем исследовании учтен фактор права личности при определении доброй воли в праве.

Универсальность этико—правовых принципов подтверждается не только позитивной практикой, но и отрицанием, периодически возникающем в истории права и юридической доктрине. Возникновение и закономерное угасание этой критики только укрепляет устойчивость этико—правовых принципов, к которым человечество постоянно возвращается². Начало права, добрая воля — это «высшая идея», которая «характеризуется универсальностью, общей значимостью и высшей императивностью»³. Универсальность может быть гуманитарной, социальной, политической и национальной⁴. Юристы признают общую логику, но в вопросе об общей доброй воле мнения расходятся со значительным уклоном в отрицание. Вместе с нормативизмом, который представляет из себя отрицание положительного права, как писаного, так и неписаного, с заменой положительных юридических принципов, судебный процесс неминуемо превращается в сутяжничество, в торговое соревнование, где побеждает тот, кто перевесит барышей. Суды действуют из субъектной позиции, фактически изначально защищая одну сторону спора. Такое юридическое поведение стало образцовым. Категория доброй воли, изъясненная юридически и для юристов, обосновывает истинно правовой характер судебной деятельности. Воля судьи есть центр судебной деятельно-

1 Склоцкий К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России. URL: <https://web.archive.org/web/20111225091407/http://lawmix.ru/comm/4758>

2 Вязов А.Л. Принцип справедливости в современном российском праве и правоприменении: Теоретико—правовое исследование. — URL: <https://www.dissercat.com/content/printsip—spravedlivosti—v—sovremennom—rossiiskom—prave—i—pravoprimenenii—teoretiko—pravovoe—>

3 Легеза Л.А. Гносеологические корни и социально—правовые предпосылки возникновения принципов справедливости, добросовестности и разумности. — Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 161

4 Кюльпе О. Введение в философию. — Москва: ЛКИ, 2007 — с. 314—318. Здесь же о том, какие мыслители прошлого какого типа универсализма придерживались.

сти, все прочие участники процесса содействуют его воле, но не являются ее причиной¹.

Наша работа направлена на развитие вышеизложенного тезиса. Исследования в правоведении служат единой цели — улучшению отечественного законодательства, созданию правовым путем условий в родной стране, которые станут выше международных установок, превзойдя их морально и интеллектуально.

Объектом диссертации являются правовые идеи, вошедшие в категорию доброй воли или соотнесенные с ней, заключенные в правовые принципы и закреплённые в современном российском гражданском законодательстве (добросовестность, разумность, справедливость, внутреннее убеждение и усмотрение судьи). **Предметно** рассматриваются этико—правовые принципы, относящиеся к сфере отношений частных субъектов и затрагивающие свободный выбор доброй воли при исполнении права в гражданском судебном процессе. Право изучается через призму этики² доброй воли. В ходе работы происходит взгляд от настоящего к прошлому с выводом к нынешнему позитивному праву, где вычленяются положения современного российского гражданского законодательства, затронувшие тематику соотношения доброй воли и права, которые были выработаны исторически в теории этики и права, и вошли в нынешнее цивилистическое законодательство.

Цель работы заключается в рассмотрении деятельности судебного института при принятии решений, основанных на толковании гражданского законодательства в соответствии с доброй волей судьи.

Для полного, последовательного и точного исследования темы проблемное поле исследования разделено на **задачи**:

1 Нефедьев Е.А. Единство гражданского процесса. — Казань, 1892 — с. 18

2 Правовые оценочные категории через нравственный элемент изучены в работе: Рясина А.С. Оценочные категории: общетеоретический и нравственно—правовой аспекты. — Автореф. дисс... кандидата юридических наук. — Саратов, 2013 — с. 10, 12, 17, 20—22, 24

Первая задача состоит в определении «доброй воли» относительно отечественного судебного института. Для этого я изучаю нравственные реитерации, присущие российской юрисдикции с древнейших времен, и мнения русской гуманитарной школы по поводу того, что нужно включать в понятия добра и права.

Вторая задача решается путем раскрытия этико—правовых принципов, вошедших в нынешнее российское гражданское законодательство. Выводы первой главы работы дают ответ на вопрос, насколько эти законодательные принципы соотносятся с явлением «добрая воля».

Третья задача логически приводит нас к актуальному судебному институту России, к феноменам внутреннего убеждения и усмотрения судьи. В ответе на вопрос — насколько эти феномены при исполнении судебной деятельности согласуются с доброй волей — состоит достижение цели диссертации.

Эмпирическая база диссертации. В текущей западной юридической мысли на первое место выходит антропологически обоснованное понятие правосознания. Сужается первичность законодательства, на первый план выступает обычай, вводится регулирование воли с помощью принципа добрых нравов¹. В современной европейской цивилистике в основу международной торговли положены принципы права — добросовестность и разумность — которые означают признанный порядок толкования, основанный на презумпции, при котором конкретное правило в сложившейся ситуации преобладает над общими указаниями². В частном европейском праве добросовестность, в первую очередь, связывается с честным ведением дел³. В европейском дого-

1 Рулан Н. Юридическая антропология. — Москва: Норма, 1999 — с. 248, 281

2 Central List of Principles, Rules and Standards of the Lex Mercatoria. URL: [https://www.trans—lex.org/principles/of—transnational—law—\(lex—mercatoria\)](https://www.trans—lex.org/principles/of—transnational—law—(lex—mercatoria)). См. также: Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. — Prepared by the Study Group on a European Civil Code and the Research Group on EC Private Law (Acquis Group), 2009 — 643 s.; Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИ-ДРУА) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14121/

3 Рассказов Н.Ю. Модельные правила европейского частного права. — Москва: Статут, 2013 — с. 4, 12, 33, 52

ворном праве добросовестность, вместе со справедливостью, выступает как требование и как принцип безупречной деловой практики; также ценится доброе имя и репутация контрагента¹. В европейском конституционном праве² добро и добрая воля являются общепризнанными категориями. Так, в Конституции Франции (ст. 6) отмечен критерий добродетели для кандидатов к занятию государственных постов, в Конституции Германии (ст. 56) президент при принятии присяги клянется действовать добросовестно, в Конституции Италии (ст. 19, 21) свобода совести привязана к соответствию добрым нравам; добрососедство есть один из главных принципов организации Европейского Союза (ст. 8.1 Конституции), при котором финансовое управление исполняется по—доброму (п. 5 ст. 310 Договора о деятельности Европейского союза); в Преамбуле Хартии Европейского союза об основных правах заявляется о духовном³ и нравственном достоянии европейских народов⁴. Для судей Франции принят Сборник этических обязательств⁵, что подчеркивает моральный императив в исполнении профессиональных юридических функций судопроизводственного аппарата. В Нидерландах добросовестность исключена из гражданских правоотношений, с заменой ее справедливостью и разумностью⁶, что, впрочем, оставляет закон в рамках доброй воли.

1 Белов В.А. Кодекс европейского договорного права. — Москва: Юрайт, 2020. Книга 1 — с. 55, 62, 65. Там же. Книга 2 — с. 61, 140, 144

2 Дополнительные примеры нравственных основ конституционности приведены в: Левакин И.В. Исторические закономерности конституционной нравственности. — Журнал российского права, 2017, № 3 — с. 24

3 Напомним для дальнейшего, что понятие «дух» синонимично понятию «разумность»

4 Конституции зарубежных государств. Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония. — Москва — Берлин: Инфотропик Медиа, 2012 — с. 118, 187, 274, 339, 447

5 Муратов Р.Е. О допустимости использования в Российской Федерации нравственных начал судебной деятельности государств континентальной правовой системы. — Вестник Московского университета МВД России, 2019, № 1 — с. 185

6 По ст.: Мазур О.В. Требование разумности в механизме гражданско—правового регулирования: краткий сравнительно—правовой анализ. — Санкт—Петербургский государственный экономический университет: Журнал Ученые записки юридического факультета. 2012. № 24—25 (34—35). С. 92

Что касается нашей страны, то властвует ошибочное мнение, что правовое развитие России бедно и законодательный опыт устарел. Недавние периоды истории называют малоизученными, а затем об их загадках просто забывают. Иначе как незнанием и ленью это мнение объяснить нельзя. Советские юристы общие начала развития законодательства называли принципами. Этот подход сохранился сейчас. Признавая положительное право, отмечу, что эта методология не позволяет рассматривать юридическую сущность в универсальности и целостности государственного порядка.

Лидер современной отечественной конституционной идеологии В. Д. Зорькин, отрицая традиционализм, призывает строить право России на основе религиозной нравственности, которая приведет к евангелической «модернизации» общественного блага с постановлением «божества Закона»¹. Заметим, что плохо, когда религия² заменяет этику и закон, — это означает, что морали нет, поведение регулируется капризом религиозного чувства, самоцель добродетели отрицается. Поэтому необходима разработка морально—правовой теории, призванной заменить устаревшие положения религии.

Принципы права, составляющие эмпирическую базу обоснования закона, являясь концептами категорий блага и правдивости (условно объединенные в категорию «доверие», которая неточна, о чем ниже), внедряются в отечественное законодательств на протяжении тридцати лет. Изучение принципов права, начатое с их введения в 90—е гг. XX в.³, достигло своей логической вершины к 2010—м гг. в диссертационных исследованиях. Немаловажную роль в обосновании оценочных категорий законодательства играет раз-

1 Зорькин В.Д. Конституционно—правовое развитие России. — Москва: Инфра—Ц, 2011 — с. 528—533, 560, 574

2 Следует уточнить мою авторскую позицию: под религией в этом исследовании я подразумеваю общепринятое значение принадлежности к религиозной организации и ее догматам. Религия как рассудочная деятельность части права свободы совести человека мною не рассматривается.

3 Обзор современного отечественного правопонимания в историческом и концептуальном смыслах содержится в: Палеха Р.Р. Современное отечественное правопонимание. — Москва: Российская академия правосудия, 2010 — 232 с. Обзор идеи правовой культуры: Карташов В.Н., Баумова М.Г. Правовая культура. — Ярославль: ЯрГУ, 2008 — 199 с.

работка доктрины правовой культуры (правосознания)¹. Способность разбираться не только в юридических, но и в идеологических аспектах правовой культуры, характеризует профессионального легиста².

Принципы права отражают желание участников гражданского оборота действовать в соответствии с доброй волей³. В судебном процессе определяется и одобряется такое поведение; добродетель находится во главе законопослушного и сознательно—активного правового образа жизни. Презумпция добропорядочности человека стоит во главе гражданского судопроизводства⁴. Находясь идеологически между теориями правового позитивизма (традиция от Победоносцева) и социологизма (традиция от Муромцева), судебный корпус вынужден прибегать к этическим категориям для принятия наиболее правильного решения, которое отвечает требованиям политического равновесия страны и не позволит избежать ответственности криминальным элементам, которым выгодна дестабилизация государственного аппарата⁵, поэтому законодательных принципов здесь недостаточно. Итак, мы видим неудовлетворенность правовыми исследованиями в области соотношения доброй воли и права в первые два десятилетия XXI в. И поэтому теперь настал новый этап исследований в этом поле — в сфере действия доброй воли в праве.

Понятие доброй воли этимологически связано с категориями ценностей, достоинства, доблести, поощряемого поведения, которое приносит благо людям. В силу логической временной изменчивости понятий, слова из

1 Петручак Л.А. Правовая культура. — Москва: Юриспруденция, 2012 — 393 с.; Держивицкий Е.В., Ларионов И.Ю., Перов В.Ю. К вопросу об этике права. — Вестник Санкт—Петербургского университета. Философия и конфликтология, 2016. Сер. 17. Вып. 4 — с. 36

2 Матвеев Р.Ф. Правовая культура XXI века. — Москва: МИИТ, 2010 — с. 4; Рясина А.С. Оценочные категории в российском праве: современные подходы. — Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3 (52) — с. 35—36

3 Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. — Москва: Статут, 2001 — с. 134

4 Судебная власть (ред. И.Л. Петрухин). — Москва: Проспект, 2003 — с. 47, 80—81

5 Денисов С.А. Реальное государственное право современной России. Том 3. — Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017 — с. 168—171

древних языков не могут быть переведены одним словом, требуется трактование и справочный материал. Это относится и к древнеримскому понятию доброй воли, «*bona fide*». Классическая трактовка добродетели содержится в Словаре Радлова¹, который вот уже более ста лет неоднократно переписывался и неумело сокращался («редактировался и дополнялся»), так что теперь юристы воспринимают добрую волю («гудвилл») в узком коммерческом значении как нематериальные ценности предприятия или как повод для «международной вежливости»². Это определение в корне неправильное, потому что в том же английском языке³ многозначный термин «*fair*»⁴ переводится и как добрая воля, и как и справедливость, и как честность, и как гармоничная красота, и этот термин напрямую происходит из латыни и соответствует французской юридической категории «*jurisdiction volontaire*», которая объединяет понятия свободы, права и доброй воли (на практике используется как судебное управление без принятия постановления по делу (судебная опека)⁵). Во

1 Философский словарь (под ред. Э. Л. Радлова). — С.—Петербург, 1904 — с. 78—79

2 Барихин А.Б. Большая юридическая энциклопедия. — Москва: Книжный мир, 2010 — с. 174, 414. Примечательно, что в «Новой философской энциклопедии» понятия «добрая воля» — нет: Новая философская энциклопедия (рук. проекта В. С. Степин, Г. Ю. Семигин). — Москва: Мысль, 2010 — 744+636+692+735 с. В иных юридических энциклопедиях этот термин сползает к синониму добровольности: Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. — Москва, 1997 — 526 с.; или добровольности рабства: Борисов А.Б. Большой юридический словарь. — Москва: Книжный мир, 2010 — с. 144. Для того, чтобы доказать, что советская доктрина вовсе не понимала значение «*fides*», достаточно сравнить определения «*bona fides*» и «*fides*» в официальном издании для советских юристов: Латинская юридическая фразеология (сост. Б. С. Никифоров). — Москва: Юридическая литература, 1979 — с. 27, 90

3 Интересные варианты «*bona fide*», если перевести этот фразеологизм с английского, в частности, «*bona fide judicial process*» — настоящий судебный процесс, — и с голландского (настоящий, законный, истинный), см.: <https://context.reverso.net/перевод/английский—русский/bona+fide>

4 В английском праве издревле известно выражение «*fair judgment*», т. е. решение суда, правосудие в соответствии с доброй волей. *Fair* в английском языке произошло от латинского понятия «*forum*», под которым понималась и место сбора народа, носителя суверенной власти, и место свершения правосудия, см.: <https://archive.md/HB8sF> Поэтому в значении *fair* — ярмарка — имеет место подмена понятий, стремление перенести волевой суверенитет в плоскость базарных отношений.

5 La banque de données terminologiques et linguistiques du gouvernement du Canada. URL: <https://web.archive.org/web/20210723174323/https://www.btb.termiumplus.gc.ca/tpv2alpha/alpha—fra.html?lang=fra&i=&index=frt&srchtxt=JURIDICION+VOLONTAIRE>

Франции во времена классической монархии существовала система судебной защиты, основанная на доброй воле судьи (*bonne foi*)¹. В немецком законодательстве более ста лет действует принцип ничтожности сделки, противоречащей добрым нравам². В латыни добрая воля обозначалась терминами *bona fide, religiose, juste*, под термином справедливость объединялись слова с корнями *ben, ver, just, rect, legitim, integr*. Под термином «*fide*» также понимался союз (федерация). Слова «доверие» и «совесть» в латыни отсутствовали³. Опираясь на латинский первоисточник, в дальнейшем *bona fides* я буду переводить как «добрая воля»⁴.

1 «Римляне по примеру греков ввели у себя особые формулы для исков и признали необходимым вести каждое дело по соответствующей ему исковой формуле. Это было необходимо при их способе вершить правосудие: надо было определить состояние вопроса с неизменной точностью, чтобы он был всегда на глазах у народа. Иначе в ходе какого—нибудь крупного процесса состояние вопроса будет непрерывно изменяться, и его нельзя будет узнать. Именно по этой причине у римлян судьи принимали просьбы только по точно определенному предмету, который уже не подлежал никаким добавлениям, ограничениям и видоизменениям. Но преторы изобрели другие исковые формулы, которые получили название добросовестных. Эти формулы давали судье большую свободу в вынесении приговора, что более соответствовало духу монархии. Поэтому французские юристы говорят: Во Франции «все процессы ведутся по доброй совести»». — Монтескье Ш.—Л. О духе законов. — Москва: Мысль, 1999 — с. 74. Ориг.: Montesquieu C. *Défense de L'esprit des loix*. — Geneve, 1749 – p. 76

2 Покровский И.А. Справедливость, усмотрение судьи и судебная опека. — Киев, 1901 — с. 4—5. Категория «*Treu und Glauben*» в современных немецкоязычных комментариях к гражданскому законодательству объединяет «социально—этические ценности», см.: Захаров Г.А. Естественно—правовые категории в частном праве: некоторые аспекты сравнительно—правового исследования. — Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки, 2000, № 1 — с. 207

3 Орлов А.И. Полный русско—латинский словарь. — Москва: Либроком, 2020 — с. 99—100, 477, 488, 491. Интересно, что сегодня доверие объявлено конституционным принципом, который лежит «в основе взаимоотношений личности и публичной власти» - абз. 4 п. 2.1 Постановления КС РФ от 22.04.2013 N 8-П.

4 О том, что «добросовестность» и «*bona fides*» — разные категории, подтверждено как Карамзиным и М.М. Сперанским, так и их оппонентами, см.: Шлосберг Б.Л. Об источниках закона 21 марта 1851 года (О добросовестном владении) // Журнал Министерства Юстиции. – С.—Петербург., 1907. – № 1. – С. 201. См. также: Ульянищев В.Г., Бадаева Н.В. «Принцип добросовестности» и идея «справедливости» в гражданском праве // Юридические исследования. – 2018. – № 9. URL: https://web.archive.org/web/20210727151809/https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27240: «Римское равенство, равнозначность положений субъектов в споре легче поддается «юридизации», нежели русское честность (праведность), следование беспристрастности и правде: во втором случае требуется особенное нравственное, волевое и умственное усилие для отграничения правды от неправды, нежели утилитарное «взвешивание» доводов о равнозначности положений конфликтующих сторон».

Степень разработанности темы. При изучении российской юриспруденции необходимо иметь в виду, что правовая культура до Великих реформ Александра II представляла собой иной порядок норм, отражающий сословное разнообразие и концептуально отличный от государственной формализованной стандартизации, в условиях которой существует современная юриспруденция. С учетом сказанного, литература по теме делится на две отличные друг от друга части, границы между которыми размыты в пределах второй половины XIX в. и окончательно разбиты после 1917 г. При общности и преемственности ряда институтов, следует учитывать эту методологическую развилку в правоведении. При анализе отечественного законовещения, нами разбираются авторы, которые рассматривали как правовые, так и этические проблемы. Юридические труды, не ставящие моральную проблематику, не относятся к теме нашего исследования, а философские сочинения, затрагивающие правовые вопросы, также не могут быть приняты во внимание в силу фактической беспредметности абстрактных задач.

В русской классической юридической традиции тема доброй воли в праве занимала одно из решающих мест. Здесь необходимо отметить заслуги в интеллектуальной истории права В. Н. Лешкова, изыскания в области образования юридического мышления П. Г. Редкина, обоснование культуры права Н. Л. Дювернуа, самую содержательную историю отечественных судебных инстанций младшего сотрудника Сперанского Ф. М. Дмитриева, курс классического русского гражданского права К. И. Малышева, гимназический курс законов Ф. И. Проскурякова, в котором представлено полное обозрение гражданских отношений в Российской империи к середине XIX, т. е. накопленный юридический опыт к концу дореформенного периода, исследования о принципах, судебном признании и усмотрении М. И. Малинина, философия права К. Д. Кавелина, классификация гражданского права Е. А. Нефедьева, обзор обычного права русского народа Е. И. Якушкина. В советское время

тому соотношения права, совести¹ и добра поднимали В. К. Бабаев, В. А. Сапун, Г. А. Свердлык. Восстановление исторической преемственности в 90—е гг. XX в. привело к массе изысканий в области этико—правовых принципов. Так, принцип справедливости рассматривают с философско—юридической точки зрения Н. Н. Вопленко, семья Богдановых (Е. В., Д. Е. и Е. Е.), С. А. Иванова, А. Ю. Мигачева, С. Н. Черных; с этимологической — Н. В. Печерская; принцип добросовестности раскрыт в доктрине таких юристов как С. К. Соломин, Е. В. Вавилин, А. В. Чекмарева, К. В. Нам, Т. В. Дерюгина, Д. В. Дождев; принцип разумности стал предметом изучения О. В. Мазур, К. Е. Коваленко, а принципы в целом — Д. Л. Кондратюка, Г. В. Мальцева, А. В. Коновалова, М. Ф. Лукьяненко, В. И. Емельянова. Волю и ее нравственную характеристику в юридическом ключе разбирают С. Г. Шевцов, А. С. Рясина, Т. В. Докучаева, Ю. А. Гаврилова, О. Б. Никифорова. Судебные аспекты применения права и доброй воли затрагиваются в трудах И. Л. Петрухина, А. В. Ведерникова, П. А. Гука, О. В. Кораблиной, С. Ю. Некрасова, О. А. Папковой, М. Н. Марченко.

Современная теоретическая литература регрессивна сравнительно с состоянием русской юридической мысли начала XX в. Исключение гуманистической из науки не только делает прикладные профессии узкоспециализированным ремеслом, но и закрывает возможность универсального построения человеческой деятельности на началах разумности, цивилизованности и права.

Характер сегодняшней политико—правовой системы и определение «добрых нравов» создают правящие юристы² — В. В. Путин, Н. П. Патру-

1 Здесь и в дальнейшем термины «совесть» и «добросовестность» для меня синонимичны; «злая совесть» — оксюморон; добросовестность вариативно трактуется как гносеологически обогащенная (информированная, совесть как знание — мысль Петражицкого) совесть, о чем далее.

2 Мельник С.В. Нравственные требования к деятельности судебной власти: международные принципы и национальное регулирование. — Вестник Московского университета МВД России, 2018, № 2 — с. 215—216; Никифорова О.Б. Этические проблемы правоприменения. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Саратов, 2007 — с. 3

шев¹, Д. А. Медведев², В. Д. Зорькин, что соответствует отечественному государственному развитию последних веков и юридической доктрине³, принятой в нашей стране к началу XX в., и реципированной ныне. Например, понятие «добросовестность» не наследует одноименные дореволюционные русские понятия, не трактуется как категории добра или этики, а навеяно христианским мировоззрением В. Д. Зорькина⁴ с соответствующим интерпретационным аппаратом.

1 Патрушев Н.П. Нужны ли России «универсальные ценности»? // Российская газета, № 132 (8186)

2 Медведев Д.А. Гражданский кодекс России – его роль в развитии рыночной экономики и создании правового государства // Вестник гражданского права. 2007. N 2. Т.7.; Указ Президента РФ от 18.07.2008 N 1108 (ред. от 29.07.2014) "О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации"

3 Бернгефт Ф., Колер И. Гражданское право Германии. — С.—Петербург, 1910 — с. 197; Эннекцерус Л. и др. Курс германского гражданского права. Полутом 2. — Москва: Издательство иностранной литературы, 1950 — с. 107—120, 144—149, 268

4 Федин И.Г. Соотношение добросовестности с категориями «разумность» и справедливость». — Философия права, 2017, № 4 (83) — с. 26. Ср.: Зорькин В.Д. Конституционно—правовое развитие России. — Москва: Инфра—Ц, 2011 — с. 686—701, 707

Ряд исследователей¹ вплотную подходят к исследованию соотношения доброй воли и права, но, будучи связаны методологией нормативистской школы, не могут увидеть в полном объеме и изучить это явление. Невозможность преодолеть переписывание, присущее советским исследованиям, закономерно подвигает к **методологии** отечественной научной школы, поэтому наша работа, с одной стороны, не следует общему направлению нынешнего юридического нормативизма, но, с другой стороны, находит в тех же работах универсальные элементы правовой культуры, которые нельзя умышленно игнорировать в силу их аксиологического императива. Поэтому в нашей диссертации в основу методологии исследования заложен постулат актуализации правового знания: ценностно—правовыми признаются те концепты, которые подтвердили свою состоятельность исторически. В области гражданской методологии автор опирается на достижения русской юридической школы. Метафизический подход, рассматривающий явления в целостности

1 Беседкина Н.И. Разумность, справедливость и добросовестность в системе частного права. — Право и государство: теория и практика. 2015. № 6 (126). С. 84; Анциферова Э.Ю. Принципы разумности, добросовестности и справедливости как основополагающие категории частного права. — Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки», Т. 2. № 2 (6), 2016 — с. 43; Карлявин И.Ю. Методологическое значение категорий *fides* (совесть) и *bona fides* (добрая совесть) в римском частном праве. — *Lex Russica*, 2015. Том 48, № 1 — с. 135—138; Поляков М.А. Развитие принципа добросовестности в праве европейских государств в период от Средневековья до современности. — Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2012, № 18 — с. 203; Ульянищев В.Г., Бадаева Н.В. «Принцип добросовестности» и идея «справедливости» в гражданском праве // Юридические исследования.—2018.—№9.URL:https://web.archive.org/web/20210727151809/https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27240; Скловский К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России. URL: <https://web.archive.org/web/20111225091407/http://lawmix.ru/comm/4758>; Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. — Москва: Лекс—Книга, 2002 — с. 22, 31, 33, 44, 50, 81, 83, 97, 103, 120, 122; Рыженков А.Я. Моральное содержание основных начал гражданского законодательства. — Современное право. 2014. № 5. С. 47—51; Ульянов А.В. Добросовестность в гражданском праве. — Журнал российского права. 2014. № 6 (210). С. 137; Бибииков А.И. Принципы добросовестности в цивилистической доктрине и судебной практике: проблемы толкования. — Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 2. С. 196; Тулинова А.А. Принцип добросовестности в институтах гражданского права. — Российское право онлайн, № 2, 2019 — с. 59—68; Якубчик М.М. Комплексное понятие добросовестности: соотношение с доктриной злоупотребления правом. — Журнал российского права, 2012, № 10 — с. 113.

субстанций, логически распадается на позитивистский, начинающий изучение с мельчайших атомов социального организма. В этом синтезе позитивизма и социологизма состоит особенность отечественной юридической школы¹.

Разумение законодательной нормы означает знание юридических принципов, исторически приведших к писаной норме права². Поскольку право не является исключительно правовой категорией, а является частью общественной культуры, то при его исследовании использован культурологический подход. Право есть продукт аккумуляции человеческой деятельности, передаваемый по наследству традицией. Поэтому необходимо изучение интеллектуальных условий, предшествующих во времени современному российскому законодательству³. Право рассматривается нами как продукт разума, поэтому работа основана на понятиях правовой культуры (правосознания); в связи с этим ставятся правовые вопросы интеллектуальной истории. Право соответствует культурному строю своей эпохи. Единым во времени оставалось право личности человека европейского типа, которое породило этико—правовую категорию доброй воли. Право растет на почве культуры. Культурный принцип совершенствования человеческого рода проявляется в рецепциях, усовершенствовании права на протяжении сменяющихся друг друга цивилизаций. Первичным здесь является интеллектуальная работа великих мыслителей прошлого и будущего. Зная историю юриспруденции, правовед раскрывает этико—правовые факторы подъема и разложения общества, концепты, ведущие как к добру, так и к гибели⁴.

Виды гражданских отношений, урегулированные юридически и абстрактно, составляют правовые институты и нормы. Генетическая связь, су-

1 Самоквасов Д.Я. Исследования по истории русского права. Выпуск 2 — Москва, 1896 — с. 67. О принципах законодательства и социологическом постижении права: Залеский В.Ф. Лекции Энциклопедии права. — Казань, 1902 — с. 307—311

2 Муромцев С.А. Творческая сила юриспруденции // Юридический вестник. Том XXVI. Книга 1. 1887. Сентябрь. С. 112—113

3 Бибик О.Н. Культурологический подход к исследованию государства и права. — Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009, № 2 (19). С. 14—22

4 Колер Й. Право как элемент культуры. — Москва, 1896 — с. 7—9, 47—53. Сам Колер отрицает право личности, что предшествует торговой идеологии нацизма.

существующая между реальными отношениями и их абстрактной регламентацией, заключается в преимуществе настоящих явлений, которые определяют базу законодательства, направленного как на поддержание гражданских отношений, так и на препятствованию этому. С обратной стороны, сформировавшиеся юридические институты ставят критерии для оценки новых конкретных проблем и споров. Такая методология является отправной и практикоориентированной¹.

Юриспруденция создает идеалы государственного порядка. Исходя из высших нравственных целей, правоведение формулирует законодательные принципы, руководящие начала, которые объективно указывают направление развития юридической системы. Юридическая наука изучает историю института, выводит его типовые черты и предлагает критическую оценку происходящего, наводя на ценное и полезное. Правовые дефиниции не составляют самостоятельных, не связанных с моралью, предметов. Все правила поведения имеют нравственный характер и представляют указания воле человека, направленной к высшим идеалам человеческого общежития. Поэтому этика регулирует область совести, право — движение прогресса², на этой дихотомии методологически строится наше исследование.

Актуализация доктрины зависит от исторического изучения правовых идей, которые в настоящем образуют сумму пересекающихся интеллектуальных традиций. Ограниченность мысли приводит к перечню этико—правовых идей, универсальных по нынешнему умственному состоянию общества. В нахождении этих идей заключается труд юриста—исследователя. Систематическое освоение идей, поиск начал, на которые опирались представители правовой доктрины, помогает понять смысл юридического языка. Рецепция имеет условное значение, полное возрождение юридических понятий невозможно, общие идеи всегда наполняются новым содержанием, называемым трак-

1 Гримм Д.Д. Соотношение между юридическими институтами и конкретными отношениями. — Москва, 1914 — с. 5—8

2 Познышев С.В. Задачи общественных наук в связи с основами этики. — Москва, 1908 — с. 121—124

тованием. В каждом новом современном явлении есть как внутренний элемент преемственности, общий с прошлыми феноменами, так и общий внешний элемент, возникший в силу установленных ныне обстоятельств. Методологическая задача правового исследования состоит в установлении как современных характеристик юридического материала, так и его историко—культурного наследия¹.

Объясняются правовые нормы приемами описания, анализа, синтеза (с ответвлением генезиса) и детерминации. Эмпирические правила, основанные на отдельных примерах, приобретают в развитой системе научный порядок цивилистических норм. Результаты толкования разнородных явлений одной законодательной системы преобразует, упрощает и объединяет юридическая догматика. Научные (логические) приемы правоведа выстраивают тождество содержания юридических представлений у разных людей. Абстракция позволяет из сложных феноменов вычленить отдельный элемент, который изучается в двух формах: обособления (изолирование одного аспекта) и генерализации (обобщение нескольких частей феномена). Детерминация добавляет новые элементы к результатам абстрагирования с помощью коллигации (суммирование разнородных характеристик в одном объекте, в нашем случае — судебном институте) и спецификации (выведение из принципов законодательства категории доброй воли в судебной деятельности). Полученные результаты исследований именуется дефинициями, ставящие диагностическую (проблемную) характеристику явлениям, которые согласованы в номенклатуру классификации. Накопление большого числа новых цивилистических феноменов доброй воли, включенных в догматику, становится частью юридического конструирования, использованного в законотворчестве. Игнорирование правового положения доброй воли делает законодательные нормы устаревшими, искажает смысл действующих принципов и поощряет догматические фикции (намеренно неправильные конструкции). Введение термина доброй

¹ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. — Москва, 1901 — с. 4—5, 11, 16—28

воли только начинает процесс его юридического толкования и логического обоснования в гражданско—правовых нормах. В итоге методологии, теоретические понятия имеют силу для каждого правопорядка¹.

Научные знания о мире не могут быть прочными, как и постоянно изменчивый естественный порядок; решение этических проблем связано с признанием и изучением биологии, социологии, наук об интеллектуальной оценке явлений (логика, гносеология, аксиология)². В силу императивности авторского подхода, из перманентных **методов** в работе использован асертивный, сущностно входящий в сложившееся соотношение доброй воли и права, и органический, который координирует направление исследования в рамках единства социальной системы права и этики.

Новизна диссертации:

1) Впервые в отечественной юриспруденции прослежен исторический путь в России моральной идеи «добросовестность», законодательного понятия «добросовестность» и синтез этих полисемичных дефиниций в современной кодификации.

2) Разделены категории «добрая воля» и «добросовестность». «Добрая воля» исходит из древнеримского понятия *bona fides*, и ближе по значению к юридической разумности (см. выше лингвистическое определение объекта исследования), а «добросовестность» — исконно русское понятие, запечатленное в нравственно—правовых практиках судебного института и общественно—философской мысли.

3) Юридические явления, в частности российского цивилистического законодательства и гражданского судопроизводства, рассмотрены сквозь влияние на них феномена доброй воли с точки зрения возникновения правовых идей, исходящих из индивидуального мышления и группового творчества авторов законов.

1 Васильковский Е.В. Цивилистическая методология. — Одесса, 1901 — с. XIX, 316, 321—331, 344—347, 351—368

2 Кюльпе О. Введение в философию. — Москва: ЛКИ, 2007 — с. 83—85

4) Феномен внутреннего убеждения судьи исследован в совокупности категорий «усмотрение» и «добрая воля», показан естественный характер действия доброй воли, который обосновывает и реализует защиту права в гражданском процессе.

5) Впервые изучен и нравственный, и судебный аспекты понятия «добрая воля». Дефиниция «добрая воля» связана с сущностью права личности.

Теоретическое значение работы заключается в заполнении пробела современной российской цивилистики, связанного с отсутствием парадигмы определения и соотношения доброй воли и права в судебном институте.

Практическое значение заключается в поиске средств законной и вместе с тем нравственно обоснованной деятельности в гражданско—правовых отношениях. Рекомендации, произведенные на основе выполненного исследования, создают наиболее полный и текстуально усовершенствованный оценочный образ доброй воли в сфере права. Материалы диссертации предназначены для дальнейшего исполнения вопроса, в т. ч., при составлении лекций, учебников, монографий.

Структура работы. В соответствии с методологией, диссертация построена по дедуктивному пути от общего к частному, от раскрытия соотношения доброй воли и права к примеру этого паритета в судебной деятельности в современном российском гражданском законодательстве. Для этого применен метод параллельной связи идей, с учетом рецепции правовых норм. Первая глава работы раскрывает историко—теоретическое соотношение категорий доброй воли и права и собирает разрозненные положения этики доброй воли в нынешних законодательных оценочных формулировках и комментариях к ним. В первой части диссертации показаны основные этико—правовые идеи доброй воли, во второй разобрано, как эти идеи повлияли на отечественную культуру права, как были критикуемы, развиты и вошли в современную российскую цивилистику. Таким образом, анализируя концеп-

ции¹ прошлого, мы остаемся в настоящем, которое признает, хранит и практически реализует эти категории через законодательные сборники. Во второй главе рассматриваются цивилистические судебно—практические аспекты действия судьи при соотношении доброй воли и права.

1 Концептуальность и органичность с идеями и ценностями других интеллектуальных дисциплин — первая отличительная черта романо—германского права, см.: Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. — Москва: Проспект, 2017 — с. 176—177

ГЛАВА 1. КАТЕГОРИИ ДОБРОЙ ВОЛИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

1.1. Развитие представлений о законодательных моральных принципах в отечественной философско—правовой мысли

1.1.1. Нравственные реитерации судебного института

Русское право рождалось в соответствии с общим генезисом европейского права. На протяжении веков русское право сохраняло самобытность, иностранные заимствования касались терминов и судоустройства, которое оставалось в остове отечественного юридического быта¹. Правовые обычаи имели общие с другими индоевропейскими народами корни, уходящие в темную древность². В центре древнейшего русского права стояла воля личности³. Столкновения между свободными частными субъектами разрешались выборными князьями, выполнявшими роль третейских арбитров. Защита субъективных прав обосновывалась удовлетворением чувства правильного и порядочного, в чем заключалась основа правового сознания. Высшие формы правосознания в договорных отношениях объединяли вольные общины, — таким образом, понятия воли и сознания изначально являлись субстантивными. Степень личных прав и свобод определялась положением в общине. В имущественных отношениях восстановление нарушенного права являлось обязанностью потерпевшего. Суд и законодательные уставы имели разные правовые источники, что привело к разделению права по сословному признаку и к образованию двух правовых систем — для власти и для народа. Обы-

1 Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях. — Москва, 1859 — с. 575—576

2 Павлов—Сильванский Н.П. Символизм в древнем русском праве. — Журнал Министерства Народного Просвещения, 1905, июнь — с. 346, 350, 358—363; Капустин М.Н. Очерк истории права в западной Европе. — Москва, 1866 — с. 2, 7—8

3 В чем русское право в корне отличается от древнеримского, римская «добрая воля» — от русской «добросовестности». См.: Дождев Д.В. Добросовестность (bonafides) как правовой принцип. С. 18, 45—46 URL: https://web.archive.org/web/20210910234159/http://www.igpran.ru/public/articles/Dojdev.Bona_fides.pdf

чай создавал юридические институты и следовал за правом, тесно связанном с нравственными представлениями византийских правоведов. Юридическая культура развивалась, следуя цивилизационным образцам Римской империи¹, утверждая право в гражданских правоотношениях, признавая принципы разделения властей (что неминуемо приводит к этическому характеру эмпирической базы правосудия²), и ставя в основу институтов имущественных сделок и суда добросовестные отношения между сторонами. Судебное разбирательство понималось как выяснение правды, права в окончательном решении, которое означало объективную истину³. Понятия свобода, добро⁴, правда, право, закон и обычай отождествлялись, закон не отделялся от обычая до XV в. Правовые обычаи передавались и хранились в устной форме из поколения в поколение. Славянское право наследовалось и в форме песни⁵. При этом суд происходил в порядке «вещьбы» — песни юридического содержания. Вещатель песни — витезь⁶ (пророк) — мог быть судьей, юрисконсульт, адвока-

1 В т. ч., и в правовых принципах, см.: Легеза Л.А. Гносеологические корни и социально—правовые предпосылки возникновения принципов справедливости, добросовестности и разумности. — Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 162

2 Филатова Т.В. К вопросу о морально—этических основах функционирования судебной власти в Российской Федерации. — Социально—политические науки, 2013, № 1 — с. 6

3 Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса. — Москва: Городец, 2009 — с. 41

4 Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в древней России. Опыты по истории русского гражданского права. — Москва, 1869 — с. 11—12, 19—20, 27—30, 59, 76—77, 93, 96, 103, 109—110, 156—157, 319. См. также: Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Том 1. Выпуск 1. — С.—Петербург, 1902 — с. 188—189, 198—199.; Михайлов М.М. История русского права. — С.—Петербург, 1871 — 180 с. Иск как основа русского и римского права: Колокольцов Л.Ф. Понятие и юридическая природа владения вещами по римскому праву. — Ярославль, 1874 — с. 51. Об особом суде для чиновников и привилегированных лиц см.: Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях. — Москва, 1859 — с. 32, 90—103. Обзор древнейших источников закона см.: Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. — С.—Петербург, 1910 — с. 18—46; Дарест Р. Исследования по истории права. — Москва: Либроком, 2012 — с. 185—200.

5 «Чем древнее юридические положения, тем больше сохраняют они следов поэтического языка». — Капустин М.Н. Теория права. — Москва, 1868 — с. 112

6 Отсюда глагол «выть». Термин «выть» в Древней Руси означал сельский участок; «вытязь» предшествует должности чиновника; также под словом «выть» понималось вознаграждение, взятка. См. об этом: Павлов—Сильванский Н.П. Феодализм в удельной Руси. // В сб. «Феодализм в России». — Москва: Наука, 1988 — с. 261—265

том, правоведом, экспертом и ассоциировался с ученым человеком доброй воли¹.

Правила общежития основывались на четырех источниках воли: взаимном сознании общества, желаниях государственных учреждений, религиозных установках и традициях предков. Общинный суд в сельской местности состоял из глав домохозяйств². С XI в. управление и суд сосредоточены в юрисдикции удельного князя и его чиновников—наместников³, тиунов⁴. В отличие от иностранного, в русском праве наблюдалась тенденция к признанию правоспособности женщин, детей, рабов. В гражданском судебном процессе обе стороны являлись истцами, что указывало на их равноправие. Существовало поручительство, высоко ценилась свобода человека⁵. Свидетели делились на обычных очевидцев — «видоков» и нравственных союзников стороны процесса — «послухов», чья задача состояла в прославлении добрых качеств своего сутяжника. Наличие у стороны судопроизводства семи послухов, т. е. мнения семи человек о добрых действиях контрагента, освобождало его от обвинений⁶. Фактически таким образом имела место круговая порука⁷.

Юридические обычаи носили символический характер, связанный с бытовыми условиями жизни людей. Единство и преемственность языка образовало общие правовые принципы славянских народов. Из символизма обычаев выходили юридические формулы, афористичность которых закрепляла в памяти правовую норму, которая переносилась в договоры и законодательные сборники. Правовые принципы исходили из поэтических воззрений нации на свою политическую судьбу, и интеллектуально выражались в мате-

1 Леонтович Ф.И. История русского права. — Одесса, 1869 — с. 81—84, 88—93, 106

2 Самоквасов Д.Я. Древнее русское право. — Москва, 1903 — с. 76, 130

3 Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. — Москва, 1908 — с. 382, 387

4 Троцина К.Е. История судебных учреждений в России. — С.—Петербург, 1851 — с. 10—17

5 Владимирский—Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. — Москва: Территория будущего, 2005 — с. 438, 709, 711, 714

6 Грибовский В.М. Древнерусское право. Выпуск 1. — Петроград, 1915 — с. 86

7 Михайлов М.М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 года. — С.—Петербург, 1848 — с. 26

риальной культуре, философии, истории, праве, обычаях, религии, в осознании территориального суверенитета¹. До XV в. в русском языке отсутствовало слово «справедливость»².

До XVI—XVII вв. судебные процедуры оставались в рамках обычного права с усиливающимся влиянием государственных контролеров — целовальников («добросовестных», «добрых мужей»)³. Целовальников выбирали из числа местных жителей. «Добрые мужи»⁴ обеспечивали исполнение народных юридических обычаев, тем самым объединяя верховную власть и народ с помощью традиции в противовес местным клеркам. Целовальники следили за правильностью процесса, под которым понималась разумная справедливость. Судья, не знавший всех обстоятельств дела, доверял разбор фактического материала этим посредникам, которые являлись прообразом присяжных. С XVI в. начинается государственное строительство с увеличением роли верховного управления в организации и стандартизации общества. Упразднение системы кормлений Иваном IV с переложением налоговых потоков от местной власти в столицу явило переход от корпоративно—клановой к современной, объединенной модели государства, а учреждение земских судей создало гражданскую юрисдикцию с разделением местной и областной ветвей власти, что привело к федеральной структуре устройства территории с финансово—административным господством из Москвы. Впервые возникает независимая иерархия судов (земский — губной — приказы — боярско—думский — царский уровни)⁵.

1 Загоскин Н.П. Курс истории русского права. — Казань, 1906 — с. 172—183, 269. Разбор теорий социально—правового устройства древнейшей Руси см.: Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. — Москва, 1908 — с. 166—169; Павлов—Сильванский Н.П. Феодализм в Древней Руси. — С.—Петербург, 1907 — с. 3—8

2 Печерская Н. В. Метаморфозы справедливости: историко—этимологический анализ понятия справедливости в русской культуре. — Полис. Политические исследования. 2001. № 2. — с. 133

3 Загоскин Н.П. История права Московского государства. Том 1. — Казань, 1877 — с. 30—32

4 Михайлов М.М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 года. — С.—Петербург, 1848 — с. 90

5 Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях. — Москва, 1859 — с.

Истцом в гражданском производстве мог быть любой человек, в т. ч. женщина, холоп, малолетний. Единственным препятствием к подаче иска было представление о нравственной нечестности человека; нечестными людьми считались дельцы, которые с помощью судебных процедур продвигают свой бизнес; распространенной формой ложного иска являлось обвинение в несуществующем денежном долге. Существенным основанием для отвода судьи являлось, помимо родства, дружба, т. е. личное нравственное отношение к одной из сторон конфликта. Для установления имущественного права лица применялась очная ставка, которая состояла в справедливом рассмотрении столкновения вещных прав. Определение частной истины зависело от установок государственного характера, в которых истцу отдавалось предпочтение в сравнении с ответчиком, доказательства одной стороны принимались только при согласии другой стороны, а судья мог и не принять их, если приходил к умозаключению, что они неубедительны. При принятии решения судья руководствовался произволом, которое называется «внутреннее убеждение». Справедливость и достоверность приговоров могла быть опровергнута в следственном и апелляционном порядке («докладе»). Апелляционная жалоба указывала на злонамеренное нарушение справедливости¹.

С издания Уложения 1649 г. русское право приобретает формализованный, систематический характер, основные этапы преобразования которого произойдут при Петре I, Екатерине II, со сложением в единый свод законов к середине XIX в. В московский политико—правовой этап истории русского государства понятие «добрый муж» продолжал означать чиновника с представительско—правоведческими функциями². Суд учитывал добросовестность свидетеля, чья репутация обосновывала понятия истины и спра-

5—6, 41—50, 62—66, 71, 141—147, 154—160

1 Там же — с. 167—168, 210—211, 219—224, 230, 283—284, 294

2 Самоквасов Д.Я. История русского права. — Москва, 1906 — с. 404, 561. Этапы собрания единого свода законодательства см. с. 593—595. См. также: Клобуцкий М.П. Исследование главных положений основных законов Российской империи, в историческом их развитии. — Харьков, 1839 — с. 32

ведливости¹. Во главе областных судов стояли воеводы, ниже находились губные старосты, рассматривающие уголовные дела, и земские судьи (судейки), разбирающие мелкие гражданские споры. С увеличением силы государственного аппарата и построением тоталитарного политического режима объем полномочий земских судей падал. Воеводы были армейскими руководителями, для которых суд являлся способом заработать. В уездах судьями стали городничии и приказчики. Первое требованием к этим чиновникам заключалось в качестве «добрых людей из тамошних лучших людей», что противопоставлялось негативным нравственным характеристикам, в первую очередь, воровству. Для гражданского права в середине XVII в. наступает поворотный момент от свободного состязания тяжущихся к правительственному контролю над судебным процессом с отделением обычая от формального закона, что связано с увеличением доли крепостнической государственной собственности, дарованной аристократии, которая, таким образом, теряла самостоятельность частных субъектов права. Отсутствие теоретических основ юриспруденции привело к практико—казуистической подготовке юристов и главенству делопроизводства над реальными юридическими явлениями. К концу XVII в. впервые в отечественной правовой мысли появляется идея о разделении личного и имущественного иска. По моральным соображениям ограничивались показания жен, детей и рабов против свободных мужчин. Судебные решения открыто не оглашались и объявлялись через канцелярию. С этих же времен начинается опыт подробного изложения в приговорах².

При Петре I правила судопроизводства были составлены по европейскому образцу из доктринальных комментариев законодательного корпуса императора Карлоса V; гражданский процесс приобрел военизированные

1 Михайлов М.М. Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 года до издания Свода законов. — С.—Петербург, 1856 — с. 144

2 Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях. — Москва, 1859 — с. 299—300, 312—313, 321—324, 351—353, 366—367, 371, 403, 422—423

черты¹. Судебные органы сливаются с административными. С 1730 г. субординация судов подразделялась на воеводские, губернские и приказные (до 1782 г.). Купеческое самоуправление в провинциях привело к учреждению словесных торговых судов (1727 г., с 1808 г. — коммерческий суд). Судебная структура приобретает единообразные черты; в отличие от приказной системы, в которой федеративно сочеталось местное и центральное управление, областная и высшая власть при Петре были разграничены на разные ступени администрации. На региональном ярусе судебные функции разделены между губернскими канцеляриями и надворными судами, на столичном уровне возвращены коллегии. Судебные дела решались в юстиц—, вотчинной— и коммерц—коллегиях. Жалобы на постановления губернских властей решались составом коллегий большинством голосов с учетом понятий судей о справедливости. В 20—е гг. XVIII в. под именем акциденции восстановлено «кормление», ликвидированное в 1763 г. введением чиновникам казенного жалования. Высшая судебная власть сосредотачивается в Ближней канцелярии, выделенной из Боярской думы, и Сенате. Решения Сената принимались либо единогласно, либо отправлялись на окончательное решение императору. Впервые порядок восхождения дел был точно определен, обходить инстанции запрещалось. Инстанции составляли местный воевода, областной начальник, губернатор, сенат, император².

Рецепция правовых норм XVII в. и сословное распределение дел привело к неразберихе в судебном подчинении к середине XVIII в. Реформа Екатерины II учредила новый судебный порядок. Исполнительная власть обособлена от судебной. На местном уровне споры делятся на подведомственные контрольно—административным органам (губернаторы, городничии, исправники) с правом быстрого решения проблемы, и на коллегиально—судебные органы, чья задача состоит в ограничении частного произвола. В уездах это

1 Самоквасов Д.Я. История русского права. — Москва, 1906 — с. 574

2 Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях. — Москва, 1859 — с. 464—465, 490, 494—495, 499—505, 521—522

деление состояло из полицейской (административной) власти — городничий, капитан—исправник, — и низшего земского суда. На губернском уровне заседали высший земский суд. На этой второй ступени инстанций суд дифференцировался на гражданскую и уголовную палаты. Отсутствие системно—юридического и морального воспитания участников процесса обусловило введение полицейских мер порядка во время судебного заседания. Прокурору даются этико—полицейские полномочия: он наблюдал за справедливостью и добросовестностью действий судьи и других участников процесса. Помощники прокуроров — стряпчие — следили за нравственностью и имели право публично выделить людей, осужденных как нечестных¹.

При Екатерине II учреждены совестные суды, стоящие вне иерархии, которые судили на основе законов и естественной справедливости ряд дел гражданского и уголовного типа, в которых рассматривались дела лиц, оказавшихся в тяжелых жизненных обстоятельствах, а также детей и сумасшедших².

Бюрократические преобразования коллегий в министерства с разветвлением служб при Александре I нашло продолжение в строгой структуре администрирования при Николае I с постановкой субординации департаментов сената, канцелярий, отделений и секретариатов (столов). В губерниях действовали палаты гражданского и уголовного суда³. Гражданское судопроизводство делилось на частное, апелляционное и следственное. В следственном порядке рассматривались дела между государственными учреждениями и против них⁴. Кодификационные юридические понятия «добрая совесть», «добросовестный» и «недобросовестный» существовали в Проекте

1 Там же — с. 524—531, 554. Об управлении нравов при Екатерине II см.: Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII века. — С.—Петербург, 1896 — с. 107

2 Троцина К.Е. История судебных учреждений в России. — С.—Петербург, 1851 — с. 282—283

3 Там же — с. 347—348, 353, 383. См. также: Владиславлев И.А. Таблицы гражданского судопроизводства. — С.—Петербург, 1853 — 73 с.

4 Владиславлев И.А. Общие основания гражданского судопроизводства. — С.—Петербург, 1857 — с. 5—7

Гражданского Уложения 1810 г.¹, и были официально введены в ч. 1 т. 10 Свода Законов Российской Империи в 1832 г. (стт. 529—533, 609—643, 1539)².

Постниколаевское время современники характеризовали как эпоху отрицания прежних русско—дворянских норм³. Во времена судебных реформ Александра II впервые в отечественной цивилистике поставлен вопрос о законодательном закреплении ключевых нравственных принципов гражданского права. Введен принцип добросовестного убеждения судьи. Мировые судьи отделены от административного усложнения производства общих судов и призваны руководствоваться справедливостью в соответствии с народными воззрениями. Мировой судья мог разбирать любой гражданский спор, если обе стороны готовы к решению дела «по совести» с учетом категории доверия. От участников процесса требовалась добросовестность и правдивость. Гласность стала противодействием бесчестным ходакам, тайно обвиняющих невиновных в ложных правонарушениях. Мировая сделка приравнивалась к доброй воле, под которой понималась справедливость и гуманность⁴. Влияние на агрегацию нравственных принципов судебной деятельности оказали взгляды Иеринга и Ф. Дана. Синтез идей этих мыслителей породил подход к воле частных субъектов, направленной к удовлетворению цели, где система воли есть гражданский оборот, который является высшим культурным законом истории. Отсюда проистекает решение социальных проблем, связанных с независимостью личности, справедливостью и равенством. Принципы гражданского права строятся на осознании этического бытия общества. Этика связана с законом интеллектуально, исходя из внутренней логической необходимости права. Отсюда исходит первый принцип права — разумность. Ра-

1 Проект Гражданского Уложения Российской Империи. Часть 2. — С.—Петербург, 1810 — с. 6, 8

2 Свод Законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Том 10, Часть 1. — С.—Петербург, 1857 — с. 102

3 Соловьев—Андреевич Е.А. Опыт философии русской литературы. — С.—Петербург, 1909 — с. 173

4 Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. — С.—Петербург, 1876 — с. 64, 75, 125, 127, 141, 353—354, 399

зумность определяется народным чувством, которое является представлением о гармонии между правами и обязанностями. Русское гражданское право, не впадая в крайности мещанского солидаризма, к концу XIX в. признало право личности как источник гражданских отношений¹. Таким образом, отсылка к иностранной доктрине была обусловлена древнейшими правовыми принципами, присущими русскому законодательству.

К началу XX в. понятия разумности и справедливости связывались с хорошей организацией судебных процедур. Для ограничения судебного произвола признавались принципы гражданского процесса, которые состояли в диспозитивности, равноправии, формализме судейского руководства, состязательности, непосредственности отправления правосудия, концентрации, оценке доказательств, устности и письменности производства, публичности, почине сторон и суда, быстроте, дешевизне. Почин сторон и суда означал право движения процесса любыми его участниками. Судебный институт стоял на равновесии коренных принципов равноправия и свободы с одной стороны, и формалистской строгости с верховенством суда с другой стороны. Юридические и фактические обстоятельства дела делились на постулаты правомерности и материальной правды. Под равноправием сторон понималась возможность словесно высказать свою позицию, используя равные средства борьбы для выяснения истины, вытекающей из естественной справедливости. Так в споре частных лиц государство, согласно личной природе, обеспечивает собственное наилучшее функционирование, т. к. если вследствие отсутствия судебного разрешения будет всегда побеждать произвол, это разрушит государственный строй изнутри. Дополнительные принципы характеризовались как конструктивные. Непосредственность рассмотрения материалов дела возлагалась на судей, что противопоставлялось посредственному рассмотрению, которое могло осуществляться секретарями и помощниками, — тогда судьи безоговорочно принимают результаты их изысканий. Концен-

¹ Малинин М.И. К вопросу об основных принципах гражданского права и гражданского уложения. — Одесса, 1882 — с. 2, 7—14, 17, 19, 21

трация представленных сторонами документов выражалась формализованным порядком, разделенным на стадии. В оценке доказательств сочетались принципы канцелярского формализма, бесконтрольного внутреннего убеждения и логико—мотивированного заключения¹.

Итак, юридическое реформирование Александра II окончательно формализовало судебное производство, завершив заложенный Петром I процесс тоталитаризации законодательства². Приведение понятия права в современное состояние по результатам советского строя будут рассмотрены через пункт, а сейчас необходимо освятить те этико—правовые проблемы, которые поднимались русской гуманитарной школой в XIX в. Противостояние двух направлений — научно—гуманитарного и казенно—формалистического — определит вопрос соотношения доброй воли и права, вставший в отечественной юриспруденции в начале XXI в.

1.1.2. Этико—правовые идеи в последний период русской истории

Проследим элементы взаимодействия доброй воли, права, цивилистики, судебного и государственного законодательного установления, выраженных в идеях русских мыслителей Нового времени, — идей, приведших к современному пониманию исследуемых категорий.

Изучение гуманитарных наук началось в России с конца XVII в., с основания религиозной академии в Москве. Систематическое постижение философии (метафизика, логика, психология) входило в требование Петра I

1 Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса. Том 1. — Москва, 1913 — с. 353—363, 372, 375—377, 384. Введение императивных элементов в цивилистику рассмотрено в кн.: Зарудный С.И. Охранительные законы частного гражданского права. — С.—Петербург, 1859 — 155 с.

2 См.: Бертгольдт Г.В. Устав Гражданского Судопроизводства. — Москва, 1915 — 725 с.; Тютрюмов И.М. Устав Гражданского Судопроизводства. — С.—Петербург, 1912 — 1984 с.; Лебедев С. Краткий курс Русского гражданского права. — Харьков, 1915 — 280 с.; Мейер Д.И. Русское гражданское право. — Москва, 1873 — 730 с.; Долбин В.А. Курс законоведения. — С.—Петербург, 1896 — 307 с.; Гуляев А.М. Русское гражданское право. — С.—Петербург, 1913 — 638 с.; Синайский В.И. Русское Гражданское право. — Киев, 1917 — 256 с.

при подготовке гимназистов к техническим специальностям¹. Со второй половины XVIII в. ведущей философско—правовой школой стало вольфианство. В это время В. Т. Золотницкий впервые в отечественной юриспруденции поднимает вопрос о естественном праве, тесно связывая в своих сочинениях этико—правовые вопросы². Под внутренним убеждением Золотницкий понимает стремление к добру, обеспеченное честью, т. е. всеобщим добрым отношением, совестью, неслучайно в русском языке понятие «общество» указывает на общую честь, всеобщее доброе сознание³.

Систематическое изучение гражданского права началось в России в начале XIX в.⁴ Наука, образование и культура стремительно и плодотворно развивались благодаря покровительству и защите монаршей фамилии. Первая половина XIX в. делится на две эпохи Просвещения: Александровскую и Николаевскую⁵. В это время закладываются интеллектуальные образцы для всего последующего умственного развития. Александровское Просвещение⁶ характеризуется любовью к культуре, науке, образованию, гармонии с правом. В таком ключе написано сочинение Захара Горюшкина «Руководство к познанию российского законоискусства» — первое систематическое цивилистическое (вместе с учебниками—конспектами Г. А. Терлаича и В.Г. Кукольника) исследование, в котором право рассматривается как искусство правильно указывать отношения частных субъектов. Книга Горюшкина служила компендиумом для последующих дореволюционных правоведов, изучающих

1 Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Том 1. Выпуск 1. — С.—Петербург, 1902 — с. 225

2 Чуйко В.В. Русская философия. // В кн.: Кирхнер Фр. История философии. — С.—Петербург, 1895 — с. 331—333

3 Золотницкий В.Т. Общество разнородных лиц. — С.—Петербург, 1766 — с. 63—65

4 Загоскин Н.П. Наука истории русского права. — Казань, 1891 — с. 407

5 См. об этом в кн.: Чичерин Б.Н. История политических учений. Том 3. — С.—Петербург: РХГА, 2010 — с. 672—674. Прямая и единственная преемственность между французской философией XVIII в. и русской гуманитарной мыслью признана даже противниками: Макинтайр А. После добродетели. — Москва: Академический Проект, 2000 — с. 57

6 Про Александровское Просвещение см.: Веселовский А.Н. Просветительный век и Александровская пора. - Москва, 1916 — 180 с.

гражданское и государственное право¹. Современник Горюшкина, Л. А. Цветаев, отделял право от внутреннего убеждения, которое относил к сфере этики. Раздел этики под названием «нравственная метафизика» помогает определить права и обязанности (долженствования) человека. Внутреннее убеждение есть воля, в которой соединены разумность и правовое сознание. Цель нравственности — в свободе отношений человека к человеку без нанесения вреда. Таким образом, мораль, внедренная в право, является критерием истинного, т. е. законопослушного, поведения².

В Николаевское Просвещение научное знание приобретает педантичный, отточенный характер, напоминая современный отстраненный стиль. В правоведении инкорпорация Сперанского подвела к необходимости составления универсального современного законодательства, что будет осуществлено при Александре II. В 1839 г. М. П. Клобуцкий употребил термин «основные законы» для указания главных правовых положений, которые входят в общий свод российского законодательства. Основа общественной жизни — разум и совесть человека, человек — «нравственно разумное существо». Здесь мы видим продолжение идеи права как нравственной свободы человека — мысль, навеянная европейским правоведением Просвещения, развиваемая в России с екатерининской эпохи весь девятнадцатый век, и на которой построена концепция прав человека и этика доброй воли в праве. К этим абсолютным положениям прибавлены политические императивы общественной безопасности, источник которых тоже имеет место в европейской доктрине и привит в современном виде в николаевскую эпоху в культе верховной власти. К отечественным особенностям русского права относятся нравственные реитерации судебного института, составляющие «дух нации»³, (разум нации) и отмеченные нами в предыдущем пункте. Подчеркнем, что

1 Горюшкин З.А. Руководство к познанию российского законоискусства. — Москва, 1811 — 348 с.

2 Цветаев Л.А. Первые начала права естественного. — Москва, 1816 — с. 1—7

3 Клобуцкий М.П. Исследование главных положений основных законов Российской империи, в историческом их развитии. — Харьков, 1839 — с. 5—8, 11—12, 28, 39—40, 103, 124—126. Правовой аспект теории народности — с. 25—26

все перечисленные положения отражают взгляд исторической школы на природу права.

К середине XIX в. закон требовал от судей разбирать дела в соответствии с разумностью и «чистой совестью». Принцип «добросовестность» исходил из именованя сотрудников волостных судов и широко применялся в гражданском праве и судебной деятельности как требование к поведению государственных служащих. Под «добросовестными» понимались преемники целовальников с функциями надзора за судебными процедурами, а также свидетели и понятые. Сохранялось понятия добросовестного владения и договоров, изъясненных по принципу доброй совести¹, — институты, известные по римскому праву. — И в этом мы видим подытог дореформенного периода русской юриспруденции. Перед тем как завершить разбор русской юридической мысли и раскрыть соотношение этики и права в отечественной культуре, увенчаем и обычное право русского народа, с обозрения которого начиналась эта глава.

Русская народная культура включала в себя универсальные человеческие правовые ценности, свойственные русскому народу, дополненные унаследованными лучшими образцами скандинавской этики², закрепленные в сознании и выраженные в обычаях сельских общин, где каждая деревня составляла уникальную культурную и правовую цивилизацию³, которые были объединены в единую нацию тысячелетней традицией, единым языком и историей.

Нравственность русского народа проявлялась материально, в ежедневных актах жизни. Под справедливостью понимался внутренний трансцен-

1 Проскуряков Ф.И. Руководство к познанию действующих русских государственных, гражданских, уголовных и полицейских законов. Часть 1. — С.—Петербург, 1856 — с. 101, 141, 148, 151—152, 171; Часть 2 — с. 39—40, 118

2 См.: Дарест Р. Исследования по истории права. — Москва: Либроком, 2012 — с. 253—322

3 См.: Леонтович Ф.И. История русского права. — Одесса, 1869 — с. 85—86; Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. — С.—Петербург, 1910 — с. 12; Киреевский И.В. Полное собрание сочинений. Том 1. — Москва, 1911 — с. 181, 209—216

дентный призыв к добру. Это народное убеждение составляло устройство общества и сущность страны. По словам С. Ю. Витте, «русские люди на севере, крестьянство — представляют собою тип чисто русских людей, как по крови своей, так и по истории»¹. Здесь, как и в других сельских районах страны, юридический быт сосредотачивался в семье, которая давала личности идеи гуманности, справедливости, экономическое устройство домохозяйств переплетало понятия нравственного и целевого, что перекликалось с солидаризмом и являлось основой для теорий исторической (народной) школы права. Народные юридические концепции выражались практически в спорах перед мировым (волостным) судом. Народный обычай во второй половине XIX в. признавался законом. Право народа составляло единое русское право, и в ряде элементов совпадало с обычным правом разных областей России. В имущественных отношениях судельщиками называли разумных и добросовестных жителей, которые могли разрешить конфликтные ситуации; к воровским порядкам относились подчеркнуто отрицательно².

Продолжает тему правового сознания русского народа великий русский правовед В. Н. Лешков, который исходит из того, что история права есть история идей; народы носят в себе дух идей, который определяет их историческую судьбу.

«Идеями управляется человечество, которое хранит их в глубине своей природы, и образует из них основу для вечного сочувствия каждого настоящего поколения ко всем поколениям отжившим и будущим. Вера, нравственность, истина, добро, изящное для всех поколений составляют путеводные звезды в области убеждений и действий, воззрений и жизни»³.

В книге «Русский народ и государство» Лешков пишет, что частные субъекты, атомы общества, изначально одиноки и антогонистичны, затем объединяются в семьи, общины, сословия; высшим типом объединения яв-

1 Витте С.Ю. Воспоминания. Том 1. — Москва: Соцэргиз, 1960 — с. 360

2 Ефименко П.С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. — Архангельск, 1869 — с. 1—2, 20—25, 74, 83, 279—282

3 Лешков В.Н. Русский народ и государство. — Москва, 1858 — с. 35

ляется государство. Древнейшие философы—публицисты, рассуждающие о сущности человека и государства, обслуживали правящий класс, который создавал государства с целью подавления личности, поэтому в научной мысли утвердилось представление о единстве гражданского права с отделением от него права наций и государствоведения (политики). Если в античное и новое время преобладала государственная форма устройства общества и легитимности закона, то в средневековье источником права и социального быта была община, — такова классическая модель структуры русского народа. Основой государств западного типа стала религия безопасности, — под этим предлогом власть навязывала людям свою тоталитарную, ничем не ограниченную волю, называемую и оправданную законом, сытостью, процветанием. За века религии произвола европейские народы привыкли иметь в виду под свободой отсутствие внешних раздражителей, — отсюда идеология индивидуалистичного человека запада, породившая ницшеанство и экзистенциализм. Напротив, в русском правосознании свобода является нравственной категорией, на которой строится национальная теория, основанная на признании доброй воли государства. Общественное право народа построено на связи поколений, на общих мыслях, правилах, началах правового сознания. Начала общего сознания есть принципы, строй жизни. Меняются проблемы, образованность влияет на разумность при определении их решений, принципы остаются на протяжении веков и тысячелетий неизменными. Разрастаясь от единичных, наиболее разумнейших членов социума, идеи человечества становятся всеобщими, и посредством государственных инструментов воплощаются на практике. Поскольку невозможен не только унисон литературы, но и консенсус мнений ученых, то в законодательстве принимаются наиболее общие принципы права. Если первый принцип права — разумность, то второй — справедливость, которым обосновывается государственное понуждение. Свобода цивилистики заключается во власти над имуществом, свобода политическая

сводится к экономической выгоде, общественное право означает прогресс человеческих отношений¹.

Гражданские правоотношения порождены трудом людей, необходимостью регулировать систему действия частных субъектов. Труд обосновывает права владения, распоряжения, пользования и собственности приобретенного работой имущества². Труд являлся абсолютным началом русского крестьянского права. Право базировалось на понятиях собственности и справедливости. Имущественные отношения строились на нравственных принципах разумности и справедливости. Субъективизм заключался в удовлетворении естественной справедливости. Русский идеолог Александра Ефименко считала особенностью русского правового развития индивидуальный подход к юридическим событиям, который противопоставлен универсалистским, строго—определенным установкам римского права. Конфликт между субъективным правовым сознанием и объективным образованием континентальной системы в умах отечественных юристов порождает противоречие в законах и правоприменительной практике, вплоть до абсурда, при котором адвокат, чья задача состоит в защите, отвергает справедливость в пользу формальной неполной правды. Такое положение А. Ефименко называет «нравственной коррупцией», причина которой — отсутствие исполнения этико—правовых принципов — добросовестности, справедливости, разумности³. — Так русская гуманистическая мысль, обратившись к народному русскому праву и совместив его с лучшими европейскими идеями доброй воли, пришла к выводу о необходимости построения отечественных законов на основе этико—правовых принципов, утвержденных в преамбулах основополагающих кодексов.

Вершиной европейской этико—правовой парадигмы явилась русская юридическая и философская мысль конца XIX в. Русские правоведы и фило-

1 Там же — с. I—II, 1—2, 6—8, 19—20, 22, 29—30, 89

2 Там же — с. 13—15

3 Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. — Москва, 1884 — с. 136—153, 173—180

софы сумели избавиться от крайностей как биологической животизации человека, так и от религиозного догматизма, тем самым избежав идеологического развала на «прогрессистов» и «консерваторов» в западном значении. Единство научного языка гуманитарной школы обеспечивало взаимопонимание в вопросах этики и права среди специалистов юридического, филологического, социологического, философского, экономического направлений мысли¹. Новый гуманитарный век, новое возрождение античных идей произошло в классической форме именно в российской общественной мысли (что приведет в XX в. к эксперименту по созданию республики классического типа). Отталкиваясь от мнения Гегеля по этому вопросу, Б. Н. Чичерин указывает на изменчивость правовых норм, незыблемость природного порядка и руководящие начала разума в определении воли и закона. В своем учении Чичерин объединяет религию, философию и право. Предвидя синтез цивилистики и естественного права, Чичерин предупреждает о социализации и уничтожении личности с падением в средневековую юриспруденцию. Высшее право является единством личностных и универсально—нравственных интересов, при котором юристы осознают совершенство фактов, составляющих общественные отношения. Эту теорию с право—либеральных позиций раскрыл Р. Моль, что вошло в современную европейскую концепцию полицейского государства. Не желая такого заключения, Чичерин призывает к развитию учения Гегеля, в котором следует раскрыть чистые формы правовой жизни, ведущие к свободе и ценности личности. Практическая психология (фрейдизм), не относится к теме доброй воли, потому что личностью руководят не слепые инстинкты, а разум и воля. Существо, обладающее разумом и волей, есть субъект — ключевое понятие права и нравственности, их общая участь. Каждое явление обладает специальным характером, стремление найти всеобщие законы заменяют положительное развитие фикцией эволюции с отрицанием сущности явлений. Исходя из этих предпосылок, Чиче-

1 Гольцев В.А. Основные понятия о правоведении. — Москва, 1900 — с. 69—70

рин приходит к выводу, что воля людей выражается в действиях государств, которые образуются во множестве в силу разнообразия форм жизни. Идеалы народов составляют принципы, которые заставляют общество развиваться, стремясь к лучшему. Поголовная добродетель невозможна, т. к. люди свободны действовать нравственно, либо безнравственно. Установив позитивное законодательство, правоведы в первую очередь задумываются над принципом справедливости, под которым понимают объективную правду. Справедливость предполагает разрешение проблемы равенства и свободы. Здесь свобода противопоставлена левацким идеям, отрицающим свободный труд, разумность человека и юриспруденцию. Первая добродетель — сила воли, вторая добродетель — мудрость (разумность), которая позволяет правильно отделять добро от зла. Трактовка истины закреплена в законах¹. Несмотря на религиозно—фанатичные завихрения, доктрина Чичерина представляет интерес как первое выражение постреформенного, т. е. нынешнего взгляда на юриспруденцию и мораль в формализованном виде, в которой сильными сторонами являются признание как верховенства права, так и его системная связь с этикой, пусть и в приниженной каденции. По этой причине Чичерин стоит в нашем юридическом постреформенном обозрении прежде остальных русских ученых—классиков.

Социологическое направление формальной школы продолжил С. А. Муромцев, который уделяет много внимания установлению правовых принципов, которые, по его мнению, играют большую роль в переходные периоды истории. Под принципом может пониматься справедливость закона, что ошибочно; принцип является общим описанием существующего порядка вещей; закон есть правовая детализация юридических явлений; действующий закон незыблем, пока не отменен; принцип изменяем в зависимости от индивидуального мышления человека². В гражданском суде судье приходится до-

1 Чичерин Б.Н. Философия права. — Москва, 1900 — с. 1—5, 22—27, 70, 74, 77, 79, 81, 87—89, 95, 98—101, 196—199

2 Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. — Москва, 1879 — с. 16—17; Муромцев С.А. Право и справедливость. — С.—Петербург, 1898 — 12 с.

думывать содержание закона, потому что юридические нормы не могут поспевать за изменениями цивилистического быта и не могут все их описать и разрешить. Источниками измышления судьи служат постановления других судов по подобным делам и личное понимание справедливого, должного и истинного. При плохом законодательстве происходит постоянное «совершенство» законов, что на практике является обыкновенным раздуванием юридических документов, поэтому высокое развитие правовой культуры означает умение ведущих правоведов, судей и ученых, выявлять универсальные принципы права и этики под каждую спорную ситуацию, и, таким образом, приходиться к лучшему урегулированию конфликта. Гармония права и принципа у судьи называется внутренним убеждением. Если внутреннее убеждение перевешивает закон, имеет место упадок права, произвол. Помня о социальной борьбе, т. е. о соотношении частных субъектов общества, следует признать, что суд не всегда может уладить разногласия, особенно когда обе стороны не правы, требуется правовая сознательность граждан и готовность государственных учреждений заставлять исполнять закон. В правовые принципы, кроме юридических положений о справедливости, входят обычаи, сочинения авторитетных ученых—юристов, общественное мнение о нравственности¹.

П. И. Новгородцев развивает концепции Чичерина и понимает естественное право как идеал для позитивного законодательства. Естественное право не есть продукт природы, потому что человечество, рассматриваемое как часть природы и добавочная социально—прогрессивная субстанция к ней, в рамках исторического понимания права открывает для наблюдателя как зародыши новых юридических отношений, так и постоянные этико—правовые нормы человеческого разума². Правообразование совершается при участии человеческой воли. Право можно рассматривать либо с точки зрения це-

1 Муромцев С.А. Суд и закон в гражданском праве. — Юридический вестник, 1880, т. 5, № 11 — с. 386—393

2 Новгородцев П.И. Учения Нового времени XVI—XVIII в.в. — С.—Петербург, 1904 — с. 117—119

лесообразности, либо с позиции нравственности, когда от него ожидают удовлетворения моральных представлений. Твердость правовых принципов необходима для стабильности юридической системы. Естественное право стремится преодолеть косность и неподвижность формализованных норм¹.

Отталкиваясь от мнения Льва Толстого, согласно которому улучшение права возможно не благодаря политике, а с помощью религиозно—нравственного развития человека, Новгородцев указывает на упадок идеологии Просвещения и гибель представления о правовом государстве; с призывов О. Конта начинается вяение мещанского солидаризма, которое на практике означает возвращение к античным рабовладельческим порядкам. Но нельзя забывать, что крушение идеи правового государства произошло в самом зародыше демократической эпохи, в середине XIX в., времени, которое современниками по названной причине характеризовалось как упадочное. Стало ясно, что гармонии между свободной личностью и государством господства общей воли невозможно, общая воля — мистическая фикция соответствующего направления философии. Поэтому в политике идея общественного суверенитета заменяется всенародным голосованием, которое признается за усредненное мнение граждан. Так утверждается «мораль предусмотрительности» (термин Декарта), которую честнее именовать моралью посредственности. Общественное мнение неустойчиво, неопределенно, бессубъектно, не в состоянии охватить все политические вопросы. В итоге, общей воли не существует, назначаемые политические представители никак ее не выражают, а являются прежним неизменным правящим классом, который диктует свою волю большинству и организует ее².

Тему соотношения права и нравственности подробно разбирал Н. М. Коркунов. Старая юриспруденция была основана на метафизической философии, перед новой юриспруденцией встала задача быть сформированной в со-

1 Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. — Москва, 1896 — с. 6—7

2 Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. — Москва, 1909 — с. 3, 12—15, 47—54, 118—119, 121—126. См. также: Хольцендорф Ф. Роль общественного мнения в государственной жизни. — С.—Петербург, 1881 — 139 с.

ответствии с научным мировоззрением и методом, — в этом ключевое отличие дореформенного и постреформенного правоведения. Сознание права обусловлено идеями, выраженными в принципах, которые объединяют всеобщую совесть людей¹. Коркунов разделяет технические и этические нормы, понимая под техническими цели индивидов, под этическими — цели всего социума. Поэтому технические нормы бесконечно варьируются, этические универсальны и обязательны к исполнению. Коркунов делит этические нормы на юридические и нравственные. Нравственные имеют оценочный, законы разграничительный характер. Нравственность относится к сфере внутренней совести, законы действуют внешне, регулируя столкновения интересов в обществе². Воззрения Коркунова существенно повлияли на современную российскую юридическую трактовку соотношения права и нравственности.

В интерпретации нравственности как закона в русской гуманитарной традиции можно выделить и иные взгляды, оказавшие влияние на сегодняшние правовые принципы российского гражданского права и их соотношение с моралистикой. Так, А. Н. Бекетов выводил нравственное чувство справедливости из законов космической гармонии, поддерживающей всеобщее равновесие³, А. А. Берс — из разума, стремящегося к всеединству⁴, Вениамин Снегирев — из внутренней добросовестности⁵. Тихон Яблочков за пять лет до 1917 г. констатировал, что логико—диалектический метод юриспруденции XIX в. остался в прошлом, право находится в области свободного социологического анализа, а принципы «доброй веры», «добрых нравов», справедливости и обычаи оборота в законодательных сборниках широко распространены⁶.

1 Коркунов Н.М. Энциклопедия права. — С.—Петербург, 1883 — с. 2, 12—14

2 Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. — С.—Петербург: Юридический центр, 2004 — с. 22—27

3 Бекетов А.Н. Нравственность и естествознание. — Из сб.: Вопросы философии, Книга 6, 1891 — с. 66

4 Берс А.А. Нравственность как неминуемый продукт общественных инстинктов. — Москва, 1908 — с. 16

5 Снегирев В.А. Нравственное чувство. — Харьков, 1891 — с. 2

Кавелин продолжает западноевропейский философский спиритуализм. Движение прогресса осуществляется в силу нравственной энергии личности и поставленных им идеалах¹. Только человек обладает способностью ставить перед собой идеалы, которые воплощает в жизнь. Эти поступки реализуются благодаря зрелой разумности, первый признак которой — наличие сознания, связанного с совестью и направленного доброй волей. При развитости человека он действует не в силу ежеминутных желаний, а как часть человечества, в котором такие же разумно развитые люди поступают в соответствии со всеобщей доброй волей. Безучастие воли указывает на психопатию. Справедливость заключается в органичности добросовестности, хотя многие люди этого не понимают, нивелируя свои действия к торгашской выгоде. За расцветом общественной культуры следует крутой упадок, порожденный развенчанием индивидуальности, культом скорби, уныния, разочарования и немощи, который ведет к мечтам о совершенном обновленном человеческом духе (что и произойдет, ср. с советской пропагандистикой). Распад на прогрессистский и традиционный взгляд на мир бессмысленны, если помнить, что между окружающим миром и человеком нет резкого отличия. Категории этики (принципы) являются «гигиеной и диететикой нравственной жизни»; этика указывает человеку, как надо нормально развиваться, право устраивает для этого условия; помогает в объективном отношении к внешнему миру наука², — концепция, вплотную продвинувшая русскую мысль к сциентизму, учению, позже

6 Яблочков Т.М. Гражданское право и экономическое неравенство. — Ярославль, 1912 — с. 3, 5. См. также: Гольмстен А.Х. Русское гражданское право. — С.—Петербург, 1898 — с. 94, 107, 114, 143.; Муромцев С.А. Из лекций по русскому гражданскому праву. — С.—Петербург, 1899 — с. 10. О психологической теории права см.: Иванов Г.А. Новая теория права и нравственности, ее критики и монистическое понимание этики. — С.—Петербург, 1912 — 120 с.

1 Чуйко В.В. Русская философия. // В кн.: Кирхнер Фр. История философии. — С.—Петербург, 1895 — с. 362

2 Кавелин К.Д. Задачи этики. — С.—Петербург, 1885 — с. 16—20, 32—34, 43, 56, 77, 80—81, 92, 104—107

разработанному Каллистратом Фалалеевичем Жаковым³ и Вернадским (см. след. пункт).

Отечественные позитивисты Н. Я. Грот и А. А. Козлов полярно рассматривали нравственную корреляцию к праву. Ученик Г. Тейхмюллера, основатель философской школы Алексей Козлов ставит в центр совести личность, а не сообщества¹. Всемирно признанный русский психолог Николай Грот с материалистических позиций утверждал добросовестность в области естественных наклонностей. Юриспруденция изучает общественные отношения, которые есть совокупность психических единиц, склад их идей и чувств. Совесть есть всеобщий принцип, на котором основано совершенство мира с его добрыми и злыми действиями, индивидуальную характеристику которым дает человек, этой совестью обладающей. Прирожденных идей нет, но есть природенная организация человечества. Совесть расширяется нравственно, благодаря гуманитарному образованию, которое помогает достигнуть универсального понимания добра и зла².

Великий русский философ Петр Астафьев подчеркивает, что для определения добрых и вредных поступков человека необходимы общие основания в суждениях частных субъектов при их столкновениях. Эти основания находятся вне пределов как физической силы, так и ухищрений интеллекта. Нравственная система развитого человека образует его волю, у дикарей таких понятий нет. Индивидуальное развитие идеологически противопоставлено эволюционизму, в котором слияние с общественной массой стирает моральные нормы и приводит к гибели человечества. Отталкиваясь от теории Николая Грота, в которой выделено четыре фазы чувств: первичное познание, осознание удовольствия и страдания от этого познания, стремление к на-

3 Жаков К.Ф. Лимитизм: Единство наук, философии и религии. — Рига, 1929 — 226 с.

1 Ср.: Козлов А.А. Критический этюд по поводу книги г. Грота «Психология чувствований». — Киев, 1881 — 56 с.; Грот Н.Я. Еще по поводу вопроса о психологии чувствований. — Киев, 1881 — 38 с.

2 Грот Н.Я. О нравственной ответственности и юридической вменяемости. — Одесса, 1885 — с. 2, 8, 11, 14, 19

слаждению, приводящее к воле, и поступки, искаженные осложнениями, неизбежными при практической деятельности, — Астафьев переворачивает эту схему, ставя на первое место в деятельности волю, и лишь затем чувство и интеллект как результаты рефлексии на внешнее сопротивление воле. Воля может быть разрушена анализом интеллекта, поэтому необходимо общение, всеобщность воли, основанная на союзах приязни и отвращении к противникам¹. «Служение общественному благу» усыпляет личность, приводит к парадигме отрицания и уныния, вслед за которым неизбежен упадок науки, нравственности, права; наступает эпоха жуликов, циников и пустоговорения, от которой ничего не остается. Тогда в праве высшим достижением считается абстрактная справедливость, которую невозможно трактовать, законодательство формируется протокольно и противоречиво, этика уходит в философские дали и никак не влияет на право, все отношения сводятся к грубому экономическому утилитаризму. В таком обществе о доброй воле в праве быть не может, потому что принципы права имеют личностный характер, исходящий от каждого мыслящего человека. Предрекая будущие государства «темных рыцарей динамита и кинжала», Астафьев предупреждает о воцарении культа молоха, где нет места справедливости, добру, истине, а значит и праву, где атомизированный социум лишь временно удерживается железной волей власти².

Для Гольмстена принципом является мысль, объединяющая борьбу явлений. Гольмстен дополняет пробел в социологическом позитивизме, вводя в это направление правоведение. Ограничения воли составляют право, необходимость действия — обязанность частных субъектов. Юридическое подчинение имеет принудительный характер, нравственные слиты с категорией свободы. Правовая воля может быть только личной и истинной. Право является тождеством частных воли, при их столкновении имеет место конфликт и бес-

1 Астафьев П.Е. Чувство как нравственное начало. — Москва, 1886 — с. 5—9, 23—25, 27, 39, 51

2 Астафьев П.Е. Общественное благо в роли верховного начала нравственной жизни. — Москва, 1892 — с. 7, 10—11, 14, 16, 24—31

праве. Сводить юриспруденцию к изучению юридических ситуаций равносильно отрицанию права, т. к. происходит отделение законодательства от фактических обстоятельств¹.

Ряд авторов генерировали приведенные этико—правовые нормы к задачам на будущее, к мечтам об общественном идеале. Эти идеалы найдут свое идеологическое применение в XX в. Так, Гольцев отмечает, что в России функции нравственного воспитания высших слоев принадлежат государству, которое для этого издает законы, сообразные с моральными представлениями правительства². Личная обязанность человека — идти к истине, путь к которой указывает правоведение³. В этике разделены цели и побуждения, идеалы и мотивы поведения⁴. Крупнейший идеолог русского социализма Петр Лавров отмечает, что оценка нравственности зависит от партийной принадлежности автора. Противопоставлены такому подходу принципы добросовестности и справедливости. Опираясь на взгляды У. Лекки, Лавров добавляет, что третьим принципом нравственности является разумность. Все три принципа вместе составляют доверие, т. е. добрую волю⁵. Казанский отмечает, что общие условия места и времени создают общие законы и правила нравственности. Отступление от внутреннего требования исполнения нравственности означает психическое расстройство раздвоения личности. Человек — частный субъект человечества, он таков, каким его сделало общество и какой он необходим обществу, неслучайно больные и преступники называются «несчастливыми», т. е. не составляющие часть народа. Нравственность исходит от личности, право — от воли общества. Воля общества выражается тремя способами: законом, обычаем и договором. Право имеет внешний принудительный порядок, мораль внутренний свободный. Право и этика имеют

1 Гольмстен А.Х. Юридические исследования и статьи. Том 1. — С.—Петербург, 1894 — с. 2, 5, 12, 14

2 Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII века. — С.—Петербург, 1896 — с. V—VI, 157

3 Гольцев В.А. Основные понятия о правоведении. — Москва, 1900 — с. 8

4 Гольцев В.А. Воспитание, нравственность, право. — Москва, 1897 — с. 141

5 Лавров П.Л. Современные учения о нравственности и ее история. — С.—Петербург, 1904 — с. 7—8, 15—16

два общих отдела правил: первый касается преследования частными субъектами личных целей и меры к ограничению этого, второй находит инструменты к достижению совместных интересов и определяет разумность и справедливость этих интересов. Таким образом, гражданское право, в отличие от уголовного, теснее связано с моралью и нуждается в этико—правовых принципах. Двигателем права является нравственность. От чувств единичных субъектов исходит надобность в изменении существующего порядка вещей. Выполнение предписаний права также зависит от нравственности, которая требует исполнения закона. Нравственность прогрессивна, право консервативно, если законы часто видоизменяются, это говорит об интеллектуальной слабости законодателя. Распространение и устойчивость просвещения способно улучшить общественные отношения, при котором уголовное право станет ненужным, при этом гражданское право останется. Тогда этика будет указывать человеку путь к добру, а гражданское право укрепит социальную жизнь¹.

Капустин подчеркивает, что жизнь есть столкновение физиологических и нравственных сил. Для их примирения человек придумал высшую силу — право, которая соотносит физиологические и нравственные стремления, регулируя их в этико—правовых принципах. Принцип есть порядок, порядок организует институты права, и, таким образом, принцип есть практическая идея юридических отношений. Принципы дают начальный толчок к действию; внешнее выражение состоит в положительном праве, личное относится к внутреннему убеждению (добросовестность). Правопорядок заключается в нравственном порядке, который представляет из себя реализацию высшей природы человека, это его истина, разумность, гармония, достигаемая общественным воспитанием. Этико—правовые принципы крепнут в социуме по мере развития правосознания, что на практике приводит к законопослушности, стремлению к отсутствию конфликтов. Выражение сил всегда происхо-

1 Казанский П.Е. Право и нравственность как явления всемирной культуры. — С.—Петербург, 1902 — с. 10, 14, 17—18, 26—28, 36, 44—47

дит во взаимодействии. Обмен мыслями при речи, труде и использовании материальных благ приводит к созданию всеобщих убеждений, — это свойство человечности. Высшая сила и высшее благо именуется честью. Труд, который двигает человека через любовь к жизни, стремится к цели жизни, называемой правдой жизни (справедливостью), т. е. близостью права к удовлетворению частных интересов. Совокупность принципов труда, любви и справедливости является моралью. Единство правовых, этических и политических норм в обществе организует государство. Осознание нравственных принципов указывает на уровень цивилизованности общества. Признание государством нравственных основ законодательства равняется свободе и добросовестности. Свобода совести в абстрактном смысле не является правом¹, — здесь наблюдается влияние формальной школы, которая неизбежно приведет к возрождению понятий естественного права.

Исследования Залеского направлены на синтез органической и исторической школ права и этики. Индивидуальная борьба частных субъектов не оставляет равнодушными все общество в целом; влияние внешней среды, унаследованное в поколениях, вырабатывает совместные интеллектуально обоснованные правила поведения, которые подразделяются на моду, обычаи, нравственность, законы. Мода примитивна и не годится для прогресса, обычаи и мораль лучше, но неустойчивы и требуют культивации, которая приводит к высшей нравственности — этике и праву. Закон есть истинная, высшая форма права². Право не является общей волей людей, т. к. она всегда будет бита волей правящего класса, право есть охрана наиболее общих интересов социума, называемых этическим минимумом³.

1 Капустин М.Н. Теория права. — Москва, 1868 — с. 3—5 (1), 13—19, 24—37, 58, 60, 80, 216. Этимология слов «справедливость» и «право» в разных языках с. 58—59. Государство, право и этика как инструменты разграничения правящих и остальных с. 204—211

2 Залеский В.Ф. Власть и право. Философия объективного права. — Казань, 1897 — с. 289—294

3 Залеский В.Ф. Лекции Энциклопедии права. — Казань, 1902 — с. 51—54, 87. О том, что всегда правит меньшинство, этнически отличное, составляющее отдельный народ от основного населения, см. мой реферат «Понятие, сущность и происхождение госу-

Михаил Малинин подробно рассматривал фактор внутреннего убеждения судьи. Законы не могут охватить все поле правовой жизни. Законодатель в основе позитивного права указывает суду, регулятору общественных отношений, сущностные принципы разрешения гражданских столкновений, на базе которых детализируются нормативные акты. Если разработать закон, регламентирующий деятельность судьи, он не будет работать, потому что в каждом конкретном деле судья должен выводить уникальное заключение, свести все схемы решения всех видов дел к единым правилам невозможно; процессуальные нормы дают лишь форму, не согласованную с фактическими обстоятельствами и не служащую общественным интересам. Правовые идеи, накопленные наукой и опытом разных юридических школ и судебных институтов разных народов, не могут всегда соответствовать практике. Таким образом, в каждом правовом ингредиенте, в каждом юридическом случае судья берет на себя ответственность в соответствии с личными представлениями об истинном. Магистральными элементами внутреннего убеждения судьи являются разумность и добросовестность. Принцип разумности обусловлен этико—правовыми идеями, внедренными в сознание европейцев на протяжении тысячелетий истории западных народов. Таким образом, разумность единая для всех людей европейского типа¹.

Главной категорией при рассмотрении свободного убеждения судьи является воля. Гражданское право регулирует столкновения частных волей индивидов. Государство заинтересовано, чтобы конфликты между частными субъектами разрешались мирным путем с минимальным ущербом для общества. Участники гражданского правоотношения — государство, истец и ответчик — одинаково заинтересованы в восстановлении правового порядка. Судья в судебном процессе представляет из себя эксперта, который придает

дарства (теории насилия)» (Москва, 2017). О современной теории диктатуры меньшинств см. также: Тоффлер Э. Третья волна, гл. 28 «Демократия двадцать первого века. Власть меньшинств»

1 Малинин М.И. Убеждение судьи в гражданском процессе. — Одесса, 1873 — с. 3—5

своему мнению по рассматриваемому делу юридическую силу. Момент оценки представленных сторонами аргументов является внутренним убеждением судьи. Внутреннее убеждение основано на добросовестности, которая объединяет всех людей, ею обладающей, следовательно — добросовестное решение едино для всего разумного добропорядочного общества и не может быть иным. Требование исполнения заключения суда в гражданском процессе лежит на победившей стороне спора. Таким образом, и в постановлении судьи, и в частном интересе выигравшего контрагента имеет место добрая воля, зависящая и отличная в своих проявлениях от желания людей ею руководствоваться и претендовать на обстоятельства ее фактического совершения¹. Здесь можно усмотреть понятие о двойной истине, которое широко применялось в средневековой юридической практике.

Профессор британского Оксфорда Павел Гаврилович Виноградов отмечает, что, как первобытный человек превосходит животных, так цивилизованный человек возвышается над представителями примитивных народов, а поклонение внешней среде сменяется ее покорением и изучением. Точно также в правовой сфере вместо слепого следования законодательству приходит эпоха правоведения, которая выясняет основные принципы, согласно которым пишется закон и принимают решения судьи. Процесс создания законов непосредственно связан с наукой о мысли; полученное знание о правовой действительности позволяет разрабатывать законы на основе научного знания, сознательно развивая универсальные нормы добра и истины. Моралистика рассматривает две главные идеи: идею воли и идею разумной цели. Разумность воли означает подчинение мерилам нравственности и логики. Цель права заключается в установлении законодательной рамки этих понятий. Нравственные требования личности обусловлены общественным мнением и совестью, таким образом, эти категории зачастую сливаются. Этические правила имеют социальный характер; в случае их массового нарушения, становятся невозможны любые гражданские отношения. В отношении всех зако-

1 Там же — с. 15—18

нов существует презумпция, что они разумны и естественны. Естественное право влияет на понимание «прав человека», под которыми можно понимать все что угодно, однако, позитивные юридические концепции шире и лучше продуманы. Естественное право есть фермент, но не кодекс, оно изменчиво в соответствии с настроениями времени, которые могут иметь и вредоносный оттенок¹. В итоге, юридические принципы доброй воли могут быть санкционированы только законодателем.

Иосиф Викентьевич Михайловский в центр оценки человеческих поступков ставит понятие нормы, которое синонимично закону. Законы бывают природные, этические, юридические, математические, логические, социологические, грамматические. Законы естественного права являются вечными и неизменными, т. к. основаны на разумно—этических принципах человеческой природы. Юридические нормы являются не просто фактами юридической жизни, но вмещают в себя высшие сущность, идею и порядок социальной жизни. Правовые нормы составляют подвид этических и социальных норм. Другие подвиды — морально—нравственные нормы и конвенциональные нормы, называемые правами. Эти три подвиды составляют уровни применения доброй воли к конкретному явлению. Степень применения доброй воли зависит от личной совести и внешнего авторитета государства или общественного осуждения. Право есть часть этического порядка, право служит добру и истине. Нельзя сказать, что мир совершенен, поэтому и юридические нормы, отражающие реальность, не могут быть совершенны. Поскольку не все правовые нормы являются нравственными, то и совокупность юриспруденции не равняется категории истины. В связи с этим можно выделить лишь некоторые этико—правовые принципы. Справедливость — понятие этическое, когда речь идет об общественных отношениях; то же самое понятие в индивидуальном отношении называется совестью, и, возвращаясь в социаль-

1 Виноградов П.Г. Очерки по теории права. — Москва, 1915 — с. 7—8, 10—12, 14, 145, 148—149

ные рамки, окрашивается правовым смыслом. Так нравственность ограничивает произвол права¹.

Великий русский этик Маркеллин Олесницкий, опираясь на достижения европейской гуманитарной школы, отмечает, что логические построения непригодны для разнообразных и сложных явлений жизни, в которой взаимодействия частных субъектов происходят нелинейно и требуют точечного ухода и регулирования. Этика связывает личную человеческую волю с нравственной областью мира. С точки зрения права этика рассматривает явления воли в столкновении с другими частными волями. Моралистика определяет внутренние проявления воли, право выясняет, какие действия полезны для общества, эстетика учит, что выглядит прилично в глазах общества. Действия воли, сообразные с совестью, называются доброй волей, т. е. добрая воля равна добросовестности. Церковно—религиозные установления недостаточны для нравственных правил, т. к. затрагивают узкие богословские вопросы, не относящиеся к повседневности. Поэтому здесь на первый план выступает социальный фактор, связанный с родовой характеристикой человека в его единстве с космосом (природой). Библейский бог этерономичен, он дает законы для иного мира, непригодные для земной действительности. Этика же обращена к законам нашей реальности, поэтому всегда направлена и связана с человеческими юридическими законами. В моральных исследованиях необходима живая работа, в которой в постоянном совершенствовании юридических и этических законов сохраняется наследие предков².

На основе принципа «добросовестность», закрепленного в Проекте гражданского уложения 1899 г.³, существовало документальное намерение расширения действия принципа доброй совести в цивилистическом законода-

1 Михайловский И.В. Очерки философии права. — Томск, 1914 — с. 43, 46—47, 50—56, 149—152, 160—161, 165—166, 339. Типы соотношения права и нравственности: с. 143—148

2 Олесницкий М.А. История нравственности и нравственных учений. Часть 1. — Киев, 1882 — с. 2, 20, 24, 34, 112, 119—121

3 Варвенко А.С., Желонкин С.С., Жукавин В.В. Теоретико—правовые положения о принципе добросовестности в гражданском праве. — Ленинградский юридический журнал. 2020. № 1 (59). С. 106—107

тельстве, позволившее сохранить это понятие в интеллектуальном поле советского права и возродить его в наше время. Специалист по римскому праву И. Б. Новицкий рассматривает добрую совесть в объективном и субъективном значении. Объективный смысл добросовестности заключается во внешнем мериле добра, разъясненном в юридических нормах (законодательство и судебные решения). Субъективный смысл держится на противопоставлении сознательного и несознательного (отсутствие знания) правового поведения. Признавая преемство отечественного принципа «доброй совести» от древнеримского «*fide bona*», Новицкий, вслед за комиссией Государственной Думы 1916 г., переводит римское понятие как совокупность добросовестности и справедливости, что соответствует этимологическому развитию и значению этой категории в английском языке (*equity*)¹, и развито из соотношения римских категорий «*aequitas*» и «*bona fide*», что указывает на поворот позднеимперского права к прецедентному и торговому законодательству². В раскрытии категории доброй воли в судебной деятельности Новицкий отталкивается от мнений Штаммлера, Петражицкого, Штейнбаха и Эндемана, которые под добросовестностью понимали гражданское равенство и учет интересов

1 О соответствии нынешнего отечественного понятия «добросовестность» английскому, отличному от прочих правовых систем мира, см.: Новикова Т.В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве. — Автореф. дисс... кандидата юридических наук. — Ростов—на—Дону, 2009 — с. 23; Помогалова Ю.В. Институт заверений об обстоятельствах как правовой инструмент развития принципа добросовестности в гражданском праве. — Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2015. № 1—2. С. 185—186; Скловский К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России. URL:<https://web.archive.org/web/20111225091407/http://lawmix.ru/comm/4758>

2 Курбонов К.Ш. Обзор подходов к определению категории «добросовестность» в гражданском праве. — Юридическая наука: история и современность. 2016. № 1. С. 107—108. В т. ч. под влиянием Новицкого в отечественном правоведении происходит смешение древнеримских категорий доброй воли и справедливости в немецкую категорию *Treu und Glauben* (которая в Средневековье также была полунезависима от древнеримских категорий), которую машинально переводят и смешивают с русским термином «добросовестность», см.: Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории. — Москва: Статут, 2019 — с. 15—17. Принцип разумности также имеет англо—американские корни: Мазур О.В. Требование разумности в механизме гражданско—правового регулирования: краткий сравнительно—правовой анализ. — Санкт—Петербургский государственный экономический университет: Журнал Ученые записки юридического факультета. 2012. № 24—25 (34—35). С. 87

контрагента, основанный на естественной любви и стремлении к социальному идеалу¹.

Правовед С. В. Познышев указывает на временное единство вселенского закона природы, который неподвластен человеку, и человеку остается только изучать его; в отличие от естественного, общественный порядок создан человеком. Изменения в общественном порядке происходят по мере накопления в мышлении большинства индивидов новых волевых стремлений к осуществлению идей, пригодных для улучшения социального общежития. Основные принципы нравственности (этика) регулируют это движение. Естественное знание заключается в обособлении природных явлений, общественное — в творении идеала социальной жизни, поэтому ошибаются Конт, Милль и Спенсер, не замечающие как общих черт в социологии и биологии, так и противоположных конечных целей этих наук. Высший принцип нравственности есть высший закон человечества, его биолого—социальная сущность, заключенная в личном ощущении счастья. Сумма личного счастья, личных нематериальных благ составляет добрую волю. Сотрудничество людей наполняет добрую волю двумя источниками: любви друг к другу и любви к истине. Этические идеи становятся этико—правовыми идеями путем внешнего внедрения этих дефиниций в правоведение. Затем на основе юридической науки законодатели пишут позитивное право, а судьи принимают решения, руководствуясь идеалами (принципами) юриспруденции. «Естественное право с изменчивым содержанием» выводит юриспруденцию из области воли личностей в сферу схоластики, в которой термины приобретают сокровенное значение и ничего не обозначают. Юридические законы условны, священность юриспруденции зиждется на религиозном мистицизме и теологической вере в самоценность записанных слов, в то время как настоящая трезвая правовая

1 Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права. — Вестник гражданского права, № 6, 1916 — с. 56—62, 64—65. Взгляд на добрые нравы, перенесенный в советскую практику (экономический торг): Там же — с. 68—69. Машинальное образование принципа «разумность» через категорию «знания», общего с добросовестностью: Там же — с. 73

императивная рациональность заключается в выработке правовых принципов. Реализация этих правовых идеалов происходит в государстве, где личные отношения, в которых отсутствует имущественный элемент, исключаются из гражданско—правовой политики¹ — еще один пример, использованный в советском эксперименте.

Котляревский призывает к установлению сверхправовых норм, обоснованных культурой правосознания. Правовое государство есть справедливое государство верховенства закона. Представления об «архетипах», существующих с дочеловеческих времен, напоминает детскую метафизику, равенство и разумность законов исходят из достоинства личности, впервые воспетой итальянскими гуманистами, заключающейся в осознании космического и нравственного единства природы. Справедливость воспитывается в семье через практику добра и любви. Общественная справедливость регулируется государством через трудовую этику, когда произведенный продукт является достоянием человека, сделавшего мир вокруг себя лучше и богаче. В заключении, Котляревский предрекает реставрацию средневеково—отрицательных тенденций «духовного совершенствования», происходящих в результате вырождения позитивизма в постпозитивизм с диктатом нормативизма, переходящего в естественное право нового типа².

Великий русский философ Владимир Соловьев в своей главной книге «Оправдание добра» раскрывает добро как единственную истину, которой в идеале следует человек в жизни. Разумность позволяет исправлять как собственные ошибки на этом пути, так и вызывает потребность помочь другим идти дорогой добра; так личное отношение руководит и своей жизнью, и объединяет с другими на принципах истины и доброй воли. Добро доступно внутренне через совесть и разум. Идея добра универсальна, но формально

1 Познышев С.В. Задачи общественных наук в связи с основами этики. — Москва, 1908 — с. 160, 1—7, 11, 15, 25—27, 32, 48, 103—104, 124—130, 153, 153, 164—165. Критика Л. И. Петражицкого: Там же — с. 116—121. Четыре раздела Гражданского кодекса: Там же — с. 154

2 Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. — Москва, 1915 — с. 390, 392, 394, 397, 400, 403—407

может быть выражена неточно или даже мерзко, поэтому наряду со всеобщим понимаем добра могут стоять дикие и абсурдные правила общежития. У человека нет прирожденных идей, но есть способность эти идеи воспринимать и жить по ним, в отличие от животных. Выбор добра не зависит от свободы воли; добро детерминировано механически, психически и нравственно, а формы зла представляют собой лишь усугубление состояния природы, либо ее исправление на пути к добру. Нравственность оценивается с трех сторон: как добродетель, как правило и как условие для блага. Добродетель качественно стоит ниже человека и является действием по отношению к проблемам, которые осложняют его деятельность; правила нравственности регулируют поведение индивида по отношению к другим частным субъектам в бесконфликтных ситуациях, они равны их качествам; благо есть конечный результат людской инициативы, его высшее качество. В личности сосредоточено общество, а общество есть расширенная личность, солидарность есть осознанный, волевой компонент социальной жизни, в которой люди несут в себе высшее общественное сознание, которое проявляется в историческом развитии. Столкновения между частными субъектами происходят в силу разных мировоззренческих позиций экономически отличных друг от друга групп и индивидуальностей. Центром человечества всегда будет личность, ее расширение в семью, род, государство, и сужение к грубому индивидуализму всегда будет составлять суть исторического процесса и основу соотношения доброй воли и права в обществе. Нет противоборства между личностью и обществом, есть извращение человеческого государственного порядка, в котором происходит борьба между добром и злом, между нравственностью и безнравственностью, между правом и беззаконием, волей и произволом, безволием. Задача этики и права привести человечество в нравственное единение доброй воли. Отношения между частными субъектами носят либо кровно—родственный, либо договорной характер. Моральное единство родового разума возможно преемственностью нравственной традиции, осуществляемой

воспитанием, семейной религией (поклонение предкам) и браком. В целом, объяснения Соловьева носят политико—религиозный характер¹.

Рассмотрев теорию доброй воли Соловьева, мы можем остановиться на его этико—правовой доктрине. Закон может быть противоположен нравственности, если носит формалистский характер, несовместимый с моралью. Дедуктивный метод в юриспруденции ошибочен, необходима индукция, что значит персональный подход к каждому судебному делу с учетом принципов права, которые составляют добрую волю в праве. Право есть минимум нравственности, права человека индивидуалистичны, этические требования внутренне обоснованы, поэтому право реализует эту внутреннюю потребность объективно, в интересах общества. Чтобы понять собственные интересы, личности и социуму нужно совершенствоваться; законодательство здесь первый помощник и навигатор. Закон как добрая воля есть прямой принцип права. Отвлеченным принципом права являются справедливость (моя свобода равна свободе других, это общее право), при реализации которой законодатель стремится к уравниванию естественного и позитивного права². «Право есть свобода, обусловленная равенством». Естественное право слагается из понятий равенства, личности и свободы и относится к области разума, руководимого логическими конструкциями³. В теории развития личности Соловьева можно усмотреть влияние классической средневековой философии с возвышением человека до индивидуально—сверхъестественного состояния⁴.

Под влиянием нравственно—юридического учения В. С. Соловьева создал отечественную федеративную теорию А. С. Яценко, чьи политические идеи хронологически завершают эпоху Российской империи. Федеративная теория Яценко обсуждалась в проектах реформ начала XX в., а работа Яценко, в которой анализировались нравственные элементы правовых взглядов

1 Соловьев В.С. Оправдание добра. — Москва, 1899 — с. XXXV, 1, 17, 23, 38, 41, 131, 134, 263—265, 270—273, 278, 314—316, 326, 504—522

2 Там же — с. 454, 460—465, 468

3 Соловьев В.С. Право и нравственность. — С.—Петербург, 1899 — с. 1, 5, 12—14

4 Лешков В.Н. Русский народ и государство. — Москва, 1858 — с. 68—69

Соловьева, была опубликована¹ в Сенатской типографии — органе печати, издававшем официально подтвержденные государственные документы, законы и комментарии к ним. Федеративное устройство России, предложенное Яценкой, обосновано юридически и этически, политика занимает по отношению к этим областям науки последнее место. Наиболее продуманной этической системой для федеративного образования Яценко считает аристотелизм, реформированный Декартом, Гюйо, Контом, Дюркгеймом, Дюги, и называемый сегодня солидаризмом. Вопросы организации общества, как правило, адаптируются к монизму, решение проблем предлагается в сфере какой—нибудь одной науки, юриспруденции, социологии, этики или политики. Федеративный взгляд на устройство общества помогает устранить это упрощение, разграничив компетенции и сведя санкции к типологическим ситуациям. Такая система строится из начал согласованных друг с другом этико—правовых принципов. Согласование этико—правовых принципов происходит в соответствии с тремя способами обоснования императивности законодательных норм:

- в силу теории самозаконности нравственный идеал заложен в сознание человека, универсален для каждого и находится с помощью разумности;
- позитивизм указывает на внешнюю среду, природу и социум как условия, которые детерминистически определяют действия индивида;
- религиозная гетерономия учит о высших, надчеловеческих идеалах долга, выраженных в законах и морали.

Этико—правовые принципы налаживают людскую жизнь в соответствии с понятиями истины, справедливости и добра. В противовес Коркунову, Яценко делит право на юридические нормы и научную систему. Научная доктрина вторична по отношению к позитивному праву. Формальное право пишется в соответствии с нравственным сознанием, которое есть естественное право. Таким образом, юридическая конструкция замыкается по схеме правосознание — законодательство — доктрина — естественная нравствен-

1 Яценко А.С. Философия права Соловьева. — С.—Петербург, 1912 — 43 с.

ность. В этом заключается содержание этико—правовых принципов в отношениях частных субъектов. В приложении федеративно—этической теории к союзу всего человечества состоит смысл и итог правоведения¹, а идея федерации есть государственное воплощение идеи доброй воли.

Итак, в юриспруденции русский ум, руководствуясь критико—юридическим методом, т. е. умением и знанием в определении разумной истины, способен к абсолютным исчерпывающим заключениям, касающихся действия доброй воли. Русская гуманитарная мысль в итоге пришла к выводу, что в центре права и воли стоит личность, которая едина с обществом, идеал соотношения между частными субъектами составляет добрая воля, которая выражается в правовых принципах.

1.1.3. Советские тенденции

Упадок² гуманитарных наук обусловил вырождение науки в целом, в т. ч., юриспруденции, научно—правового мышления. Эпоха отрицания³ наступила в нашем обществе раньше, чем в остальном мире. Тенденция, начатая «либеральными реформами», привела к революции и «новой экономической политике», означавшей победу не красных и не белых, а торговцев⁴. Семейные ценности были заменены коллективными («бессознательными», т. е. в которых отсутствуют универсальные воля и совесть)⁵. Подтверждением торгашской сущности советского строя является не только современная преем-

1 Яценко А.С. Теория федерализма. — Юрьев, 1912 — с. 1, 8—9, 36—37, 57—62, 89—93, 106—107, 812—816

2 Калина В.Ф., Милохова А.В. Гражданско—правовой принцип добросовестности как этическая и правовая категория. — Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право», 2019, № 3 (13) — с. 130

3 О гибели 1917—1918 гг. см.: Из глубины (Научное издание). — Изд—во Моск. ун—та, 1990 — 297 с. Об отрицании нравственности в праве, государственного порядка и юриспруденции: Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. — Берлин, 1923 — с. 6

4 См. по теме: Гордон В.М. Система советского торгового права. — Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1924 — 123 с.

5 Сапун В.А. Социалистическое правосознание и реализация советского права. — Владивосток: Дальневосточный университет, 1984 — с. 45—71

ственность советского наследия, но и юридическая трактовка: советские юристы, опираясь на марксизм, делят право на процессуальный и материальный части, таким образом, приравнивая к юридическим все экономические отношения. Этот марксистский подход означает абсолютно коммерческое включение всех частных субъектов в торговый оборот, в котором нет места потребностям отдельного человека, семьи и домохозяйств: все подчинено погоне за барышом. Этим объясняется циничная жестокость советских владык во внутренней политике, исключаяющей понятие благополучия людей (разграбление и распродажа за рубеж культурных богатств, убийства носителей гуманитарной мысли, продажа хлеба за рубеж в голодные послевоенные годы, закупка иностранного зерна при выращивании на отечественных полях кормового и проч. действия, порождающие дефицит и нищету). Дефицит внедрил в людей навыки торговли и спекуляции. Основой социалистического порядка стало отрицание частносубъектных правовых отношений¹, переросшее в поздний период советского государства в искаженное юридическое представление о гражданском праве, из—за чего этот период идейно беден для темы нашего исследования. Юридическая наука покрылась коррозией. Профессор, носитель криминальных ценностей, стал обыденностью. Пренебрежение к закону стало нормой².

Диалектика, как двойственность оценки, действительно, присуща отечественной интеллектуальной истории XX в. С одной стороны, советская примитивизация легализовала и культивировала криминальный элемент³, который на протяжении предыдущих веков стремился захватить власть в России и установить вместо людской и государственной морали понятия уголовные и преступные, в т. ч. выраженные в главной ценности республики — де-

1 Что обосновано теоретически, см.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. — Петроград, 1917 — с. 17. См. по теме: Новицкий И.Б. История советского гражданского права. — Москва: Всесоюзный институт юридических наук, 1957 — 323 с.

2 Тилле А.А. Советский социалистический феодализм. — Москва: Пробел—2000, 2005 — с. 110

3 См. об этом: Батычко В.Т. Теория государства и права. — Таганрог: ТРТУ, 2005 — с. 65

мократической форме коллективистских судилищ (товарищеские суды), что привело к загниванию общества по типу древнегреческих демократий. С другой стороны, до войны существовало общество, наследующее русские гуманитарные традиции, как народные, так и интеллектуально—избраннические, которое сумело внедрить через педагогику¹ (П. П. Блонский, синтез сильной личности берклианства и панлогизма Плотина с методологией спиритизма Гартмана и педагогики Коменского) и официозную этику универсальные учения о свободе человеческой личности, внушив моду на человека—творца, ориентированного на высшие гуманитарные ценности — труд, добро, красоту, естественность, технологии. Достоинство советской системы, полновластно введшей атеистические элементы в человеческую мысль, заключено в материальном развитии, что в гуманитарной сфере дало возможность в будущем развить классическую мысль на новом уровне, исключив из нее ложнонаправляющие религиозные ухищрения. Развить и реализовать лучшее в своей системе советизм не мог, поставя во главе действия государственную волю, забывал и подавлял общественную и личную волю, в результате чего на государственных должностях стали оказываться не люди, наделенные сильным правом личности, а «винтики», «схемы», «функции» административной машины; слабовольные, они не понимали и не могли соответствовать идеям, заложенным основателями советского государства.

В раннем Советском Союзе отрицалось верховенство закона, делался упор на «социалистическую законность», пришедшую на смену прежней правовой идеологии. Под законностью понималось исполнение экономического плана государства. Законодательством стали называть результат «коллективного разума» составителей кодификаций. Надзор за законностью возлагался, в числе прочего, на прокуратуру, которая возобновляла преемственность функций этого института, существовавшую до реформы 1864 г. В ст. 4 ГПК РСФСР 1923 г. судьям рекомендовалось принимать решения по делам, не регламентированных законом, в соответствии с «общими началами» советского

1 Педагогические институты наследовали дореволюционные гимназии

права, исходящих от «политики партии». Справедливость отторгалась как «буржуазная ценность», которая, впрочем, неминуемо вошла в советский юридический жаргон и пропаганду как «социалистическая справедливость». В процессуальных отношениях термин «справедливость» не использовался. Признавалось восстановление справедливости («правосудность») при недобросовестном поведении участника сделки; угрозы признавались за норму, допускались формы обмана¹, что отражало психологию правящих азиатских лавочников².

По оформлению советской юриспруденции ко второй половине XX в. достигнуто соглашение, что юридические науки нельзя включать ни в гуманитарные, ни в органические системы знания; невозможно подчинять законодательную деятельность не схоластической рационализации, не религиозным догматам, не математическим моделям, — юриспруденция составляет самостоятельную дисциплину и порядок мышления. В юридическое сознание введены термины «справедливость», «добро», «совесть»³. Вместе с тем, цензурное ограничение литературы, запрет на публикацию и полузакрытость юридических исследований и законов, монополизм марксизма привели советское правоведение к состоянию замкнутости категорий, которое исключало развитие и регулирование общественных отношений. Государственный и идеологический тоталитаризм делал профессию юриста — бессмысленной, правовые исследования — неактуальными. Общечеловеческие нормы морали отрицались⁴.

1 Ильинский И.Д. Категории «законности» и «справедливости» в советском праве // Советское право. — Москва; Ленинград, 1926. — № 2. — С. 4–7, 10–11, 16, 19, 22. См. также: Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. — Москва: Мысль, 1977 — с. 180–183; Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. — Ленинград: ЛГУ, 1980 — 119 с.; Баранов В.М. Истинность норм советского права. — Саратов: Сарат. унив., 1989 — 398 с.

2 Торговый архаизм советского права: Рейхель М.О. О взаимопомощи и добросовестности в гражданском праве // Советское государство и право. — Москва, 1948. — № 10 (октябрь). — С. 64–65

3 Сапун В.А. Социалистическое правосознание и реализация советского права. — Владивосток: Дальневосточный университет, 1984 — с. 7

4 Лейст О.Э. Сущность права. — Москва: Зерцало, 2002 — с. 167. См. также: Васильев А.М. Правовые категории. — Москва: Юридическая литература, 1976 — 264 с.

Нравственность в условиях эксклюзивности марксизма понималась как свобода трудового самоутверждения. Нравственные проблемы рассматривались с биологических и социальных позиций. Верно замечая, что в капиталистическом строе обычный человек ничтожен и унижаем полицейским и пропагандистским давлением, а правящие магнаты теми же инструментами присваивают себе божественные качества, советские идеологи не смогли и не хотели, по вышеуказанным причинам, предложить принципиально отличных концепций. Мораль делилась на сферу бытия и сознания. В область бытия относились отношения (трудовая, боевая и духовная дружба), поведение (поступки, речь) и деятельность (цель воспитания и материальная активность). Нравственный элемент выводился из этого перечня и градировался в экономическом, политическом и правовом аспекте. Нравственное сознание изучалось с устаревших положений психологии, религии и дихотомии «индивид — социум»¹; в предроссийские годы сделана попытка внедрить «христианские ценности» протестантского характера в советское воспитание, при которых добрая воля понимается как элемент воздаяния и раскаяния, действующий вместе с «сотворчеством»².

Юридические вопросы ставились бегло и поверхностно. В работе с характерно абсурдным названием, отражающим советский примитивно—религиозный формализм, «Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права (очерки по истории)», подчеркивается императивная роль судебного органа по отношению как к государству, так и к участникам процесса. В исследовании приводится детальная классификация вариантов именования и расположения участников процесса, вспоминается о добросо-

1 Зыбковец В.Ф. Происхождение нравственности. — Москва: Издательство политической литературы, 1974 — с. 3—25. См. доп.: Архангельский Л.М. Марксистская этика. — Москва: Мысль, 1985 — 238 с. Советские термины «добропорядочность», «добросовестность» и «добровольность» раскрыты в кн.: Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. — Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1974 — 123 с.

2 Кон И.С. Словарь по этике. — Москва: Издательство политической литературы, 1989 — с. 45, 198

вестном принципе гражданско—процессуальных отношений¹, но нравственный элемент судебной деятельности не рассматривается.

Необходимость удержания государственной власти привела к признанию и возвращению к привычным формам общественного устройства с завершением «советского эксперимента». Начинает признаваться индивидуальная правосубъектность и единство развития гражданского права, вне зависимости от идеологических рамок государства²; вместе с тем, формируются общие (демократизм, равноправие, законность) и процессуальные принципы гражданского права: диспозитивность, состязательность, открытость (гласность) суда. Наметились тенденции к отказу от позитивистской примитивизации и признание «системы недостатков», связанной с трудностями определения отраслевых принципов права³.

Советское гражданское право к 80—м гг. признавало волевой характер частносубъектных отношений. Под принципами понимались закономерности развития права⁴. Принципы гражданского права прямо в законе не записывались, но рекомендовались за основу в толковании юридических норм; среди этих принципов можно выделить защиту интересов личности, исходящую от стт. 56—57 Конституции СССР, — принцип, который планировалось расширять и совершенствовать⁵. Под законностью, в числе прочего, понималось воспитание «коммунистической нравственности», высокой гуманитарной и нравственной культуры, справедливости, духовных ценностей, направленные против преступлений и саботажа. При неосновательном приобретении и сбе-

1 Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права (очерки по истории). — Москва: Изд. Моск. Уни—тета, 1967 — с. 22

2 Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. — Рига: Зинатне, 1976 — с. 26—28

3 Гурвич М.А. Принципы советского гражданского процессуального права // Советское государство и право. 1974. № 12. — с. 20—26

4 Букина В.С. Принципы советского гражданского процессуального права // Дисс... канд. юр. наук. — Ленинград, 1975 — с. 41. О добросовестности в позднесоветской доктрине см.: Бондаренко Н.Л. О месте принципа добросовестности и разумности в системе принципов гражданского права. — Вестник Омского университета. Серия: Право. 2013. № 1 (34). С. 90—91

5 Советское гражданское право. — Отв. ред. О. Н. Садилов — Москва: Юридическая литература, 1983 — с. 5, 11, 13

режении имущества, несмотря на всеобщность социалистической собственности, полагалось такое имущество возвратить, или, в случае невозможности этого, компенсировать его. Советское право заявляло о себе как о представителе воли народа, сформированной в воле государства, именуемой правом¹. Воля правящего класса или народа могла быть выражена в нормах морали. Правоведение определяло свой предмет в изучении явлений государства и права, таким образом, разделяя эти образования. Этические вопросы исключались, практическое назначение сводилось к помощи в политической деятельности управляющих органов. В общественных организациях допускались нормы морали, составляющие свободу обоснованного поведения. Категория «общесоциального права» означала разумное исполнение закона в силу обычая, нравственных норм, уставов организаций. За право признавалось только позитивное, писаное законодательство. Судьям рекомендовалось учитывать «моральные нормы» криминализованных групп, под которыми ошибочно понималось «народное право» (и в чем усматривается предвестник неолиберализма с его идеей союза государства с организованной преступностью). Правовые ценности измерялись в правовой истине и юридической технике², что делает юриспруденцию бестолковой, т. к. замыкает ее на нормах ради нормы.

Недоработанность проблематики, боязнь нарушить установленные идеологические рамки в исследованиях с возведением в норму средневеково—схоластического переписывания — таков был итог советского правоведения. И это обусловило рецепцию этико—правовых принципов в конце XX в., к изучению чего и приступаем.

1 Основы советского права. — Под ред. С. М. Корнеева — Москва: Юридическая литература, 1985 — с. 8—9, 12, 156

2 Алексеев С.С. Проблемы теории государства и права. — Москва: Юридическая литература, 1987 — с. 7, 76, 168—169, 179—181, 183, 185, 189—190, 193. См. также: Бердичевский Б. Добросовестный приобретатель похищенного или утраченного имущества (К ст. 60 Гражданского Кодекса) // Вестник Советской Юстиции. — Харьков, 1925. — № 19 (1 октября). — С. 744—745

1.2. Этико—юридические принципы гражданского права

1.2.1. Справедливость

Правовые принципы сформированы с целью регуляции баланса между объективным развитием общества и субъективным взглядом законодателя¹. Гражданско—процессуальные принципы призваны воплощаться в действиях частных субъектов и составлять правопорядок². Для этого этико—правовые принципы вводятся в законодательство³. Справедливость отождествляется с правом и поэтому ставится нами на первое место в числе юридических этических принципов. Между тем, среди основных начал гражданского законодательства (ст. 1 ГК РФ) этот принцип не указан, но как требование закреплен в стт. 6, 308.3, 393, 1101, 1252 ГК РФ. Призывы к справедливости наблюдаются также в стт. 65.2, 451 ГК РФ. Справедливость, составляя часть системы гражданско—правовых принципов, присутствует в каждом элементе цивилистических норм, справедливость есть начало и равенство права самому себе. В цивилистической судебной практике справедливость означает соразмерность компенсации⁴. По мнению ряда авторов⁵, определение справедливости воз-

1 Тищенко А.В. Принцип справедливости как стандарт правоприменительной деятельности в механизме отправления правосудия. — Вестник Южно—Уральского государственного университета. Серия: Право, 2017. Т. 17, № 4 — с. 114

2 Ференс—Сороцкий А.А. Аксиомы и принципы гражданско—процессуального права: Дисс... канд. юрид. наук — Ленинград: ЛГУ, 1989 — с. 20

3 Рясина А.С. Оценочные категории: общетеоретический и нравственно—правовой аспекты. — Автореф. дисс... кандидата юридических наук. — Саратов, 2013 — с. 22

4 Бурцева Д.С., Селезнёва А.А. Категория «справедливость» в гражданском праве. — Actualscience. – 2016. – Т. 2, № 4, 2016 — с. 104—106; Мутасова М.А. Проблема законодательного закрепления принципа справедливости. — Социально—экономические явления и процессы, т. 10, № 7, 2015 — с. 174; Паламарчук В.М. Справедливость как принцип правоприменения в правовом государстве. — Вестник Московского университета МВД России, 2010, № 3 — с. 144; Ревина С.Н., Саменкова С.Е. Место и роль принципа справедливости в системе принципов российского права. — Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева, 2018, т. 1, № 2 — с. 133

5 Агибалова Е.Н. Принцип справедливости в гражданском праве. — Юридический вестник ДГУ. 2019. Т. 30. № 2. С. 65—76; Вопленко Н.Н. Понятийный ряд теории справедливости. — Legal Concept, 2010, Сер. 5, № 2 (13) — с. 14; Вязов А.Л. Принцип справедливости в научном дискурсе правоприменительной деятельности. — Власть и управление на Востоке России, 2007, № 4 (41) — с. 150—159; Маркова Н.О. Справедливость как критерий обеспечения баланса интересов участников гражданских правоотно-

можно только в судебных решениях, исходя из обстоятельств каждого конкретного дела. Тогда справедливость есть вся судебная деятельность в совокупности с законностью постановлений. Справедливость играет роль «доброй законности»¹. Судебные решения являются истиной права. Понятие истины объединяет законодательство и категорию справедливости. Законность опирается на справедливость, и, в итоге, равняется ей при обоснованном решении судьи. Такое положение означает совпадение законности и справедливости². Принципы права, которые являются началом, набором функций права, трактуются во взаимосвязи, согласно легальному толкованию Верховного суда³. Верховный суд, по сути, создает прецедентное право, давая оценку юридическим фактам и вынося рекомендации нижестоящим судам. На решение судебных органов может влиять общественное мнение, сконцентрированное в результате компаний «адвокации»⁴. Поэтому важное значение имеет общественная нравственность, уровень образованности и разумности социума⁵. Справедливость в качестве компонента общественных отношений является аксиологическим идеалом и объектом гносеологического исследования⁶.

Принцип справедливости мало изучен и осознан, вследствие отсутствия единой концепции отечественного позитивизма; в этих условиях зако-

шений. — Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве материалы международной научно—практической конференции. Ответственные редакторы: Т. А. Сошникова, Е. Е. Пирогова. 2018. С. 134.

1 Катомина В.А., Санисалова Н.А. Законность и справедливость: единство, различия и взаимодействие. — Вестник Пензенского государственного университета, 2013, № 2 — с. 40

2 Черняева А.В. Единство принципов законности и справедливости в современном гражданском обществе. — Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. № 1, 2009 — с. 127—130

3 Агибалова Е.Н. Принцип справедливости в гражданском праве. — Юридический вестник ДГУ. 2019. Т. 30. № 2. С. 67

4 Вопленко Н.Н. Истина и справедливость: проблемы взаимосвязи. — Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2013, № 6 (95) — с. 106

5 Мутасова М.А. Формы выражения принципа справедливости в отраслевом законодательстве. — Вестник экономической безопасности, № 1, 2017 — с. 74

6 Храмов К.В. Категория справедливости в гражданском праве (философско—правовой анализ). — Вестник Омского университета. Серия: Право. № 1 (10), 2007 — с. 42

нодательство представляет из себя сборники правовых норм, зачастую отделенных от основных юридических начал. Справедливость в разные исторические эпохи трактуется по разному; на сегодняшний день существует тенденция к отрицанию универсальности этого российского правового принципа и юридической истины; основываясь на старой советской схеме права — субъективного интереса, и экономической политики государства — объективной действительности¹, наследники марксистского примитивизма и современного «евромарксизма» в распаде фактов общественной жизни на экономические (фактические) и юридические исходят из «социального обмана» в отношениях государства к населению, что правильно, но марксисты идут далее, провозглашая, что раз справедливость невозможна, то надо исключить из закона саму категорию правового равенства². Умеренные сторонники отрицания справедливости атакуют ее со стороны вопроса определения истины: истина есть естественный порядок вещей, который машинально перенесен в социальную плоскость философами, доработан социальными науками, и, таким образом, в изуродованном виде включен в юриспруденцию³; в более безграмотной формулировке справедливость исключается из гражданского процесса⁴; сторонники противоположного мнения призывают понимать под справедливостью стандарт добросовестности⁵ — другой отечественный принцип, уходящий в далекое русское прошлое (см. §§ 1.1 и 2.2.3). Справедливость и

1 Бойко В.Н. Пределы субъективной свободы граждан. Справедливость как юридически ценный компонент баланса интересов государства и гражданского общества. — Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 1 (18). С. 56—60

2 Богданов Е.В. Проблема выравнивания (сглаживания) фактического неравенства в гражданско—правовой сфере с позиции социальной справедливости. — Журнал российского права, 2018, № 3 — с. 28—38

3 Вопленко Н.Н. Истина и справедливость: проблемы взаимосвязи. — Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2013, № 6 (95) — с. 109

4 Чапанов Т.И. О роли справедливости в российском правоведении. — Вестник ПАГС, 2009, № 20 — с. 84

5 Агибалова Е.Н. Принцип справедливости в гражданском праве. — Юридический вестник ДГУ. 2019. Т. 30. № 2. С. 65—76; Бойко В.Н. Пределы субъективной свободы граждан. Справедливость как юридически ценный компонент баланса интересов государства и гражданского общества. — Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 1 (18). С. 56—60

добросовестность ограничивают правовой произвол¹. Кроме того, справедливость определяется с помощью третьего правового «этико—юридического феномена»² — разумности³. Неизбежно исследователи приходят к выводу, что принципы права неотделимы друг от друга⁴, что для нашей работы полезно в рамках включения российских правовых законодательных принципов в категорию доброй воли и ее соотношения с правом.

Итак, различные виды справедливости собраны единым этическим генезисом⁵. В системе российских законодательных принципов справедливость квалифицируется по нескольким порядкам. Справедливостью называется единство чувства, идеи, социального идеала, правовой нормы. Содержание справедливости заключается в разумности и честности (совести) частных субъектов, при которой достигается внутренняя симметрия общества. Процессуальная справедливость складывается из этико—правового единства норм, легитимности, законности и результата судебной деятельности⁶. В справедливость включают юридическую ответственность (равенство, гуманизм,

1 Воробьева О.А., Чертакова О.М. Понятие и принципы гражданского права. — Балтийский гуманитарный журнал, 2017. Т. 6, № 4 (21) — с. 471

2 Вязов А.Л. Принцип справедливости в современном российском праве и правоприменении: Теоретико—правовое исследование. — URL: <https://www.dissercat.com/content/printsip—spravedlivosti—v—sovremennom—rossiiskom—prave—i—pravoprimerenii—teoretiko—pravovoe—>

3 Кулаков В.В. Основные принципы гражданского права как особая форма права. — Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4 (22). С. 188; Мохов И.А. Определение справедливости в гражданском праве. — Правовая система и современное государство: проблемы, тенденции и перспективы развития: сборник статей VII Международной научно—практической конференции. Пенза, 2020. С. 66

4 Кондратюк Д.Л. Нравственно—правовые принципы в гражданском праве России: На примере справедливости, гуманизма, разумности и добросовестности. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Москва, 2006 — с. 6, 13; Мохов И.А. Определение справедливости в гражданском праве. — Правовая система и современное государство: проблемы, тенденции и перспективы развития: сборник статей VII Международной научно—практической конференции. Пенза, 2020. С. 66; Василенко Е.В. Понятие и значение добросовестности и разумности в современном гражданском праве. — Власть Закона. 2010. № 4 (4). С. 97

5 Коновалов А.В. Понятие справедливости в гражданском праве. — Lex russica (Русский закон). 2019. № 8 (153). С. 31

6 Вопленко Н.Н. Понятийный ряд теории справедливости. — Legal Concept, 2010, Сер. 5, № 2 (13) — с. 8—14

законность, неотвратимость, индивидуализация, преследование за виновное деяние)¹.

Справедливость группируют на коммутативную, ретрибутивную и дистрибутивную. Коммутация означает мену и является основой торгового оборота, дистрибуция направлена на обоснованное распределение материальных благ. Под ретрибуцией понимают воздаяние, состоящее из столкновения двух симметричных моральных правил древнего мира: «око за око» и «делай другому то же, что хочешь, чтобы делали тебе». Синтез этих двух правил и трех типов справедливости пропагандируется современными сторонниками «прав человека»². По иному мнению, под справедливостью понимается гарантия правосубъектности, закрепление обоснованных приоритетов, юридическое равенство, недопустимость необоснованного обогащения, исполнение обязательств, защита слабых, распределение рисков, недопустимость нанесения вреда³. Присутствует мнение, что справедливость — самостоятельная дефиниция, которая предшествует как морали, так и праву⁴. В этом смысле справедливость восходит к гуманистической мысли⁵. При соотношении закона и этики позитивное право обращается к нравственности для моральной оценки, этика объясняет критерии добра и справедливости⁶, замыкая эти ка-

1 Тищенко А.В. Принцип справедливости как стандарт правоприменительной деятельности в механизме отправления правосудия. — Вестник Южно—Уральского государственного университета. Серия: Право, 2017. Т. 17, № 4 — с. 116

2 Пресняков М.В. Конституционная интерпретация принципа справедливости в социокультурном аспекте. — Ленинградский юридический журнал, 2012 — с. 50—51

3 Мохов И.А. Определение справедливости в гражданском праве. — Правовая система и современное государство: проблемы, тенденции и перспективы развития: сборник статей VII Международной научно—практической конференции. Пенза, 2020. С. 65

4 Катомина В.А., Санисалова Н.А. Законность и справедливость: единство, различия и взаимодействие. — Вестник Пензенского государственного университета, 2013, № 2 — с. 42

5 Макеева М.В. Справедливость как нормативно—ценностный регулятор общественных отношений. — Преподаватель XXI век, 2010, № 3 — с. 235. Противоположное мнение: Ревина С.Н., Саменкова С.Е. Место и роль принципа справедливости в системе принципов российского права. — Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева, 2018, т. 1, № 2 — с. 128

6 Тенденция единства добра и справедливости — от древнеримской юриспруденции, см.: Бурцева Д.С., Селезнёва А.А. Категория «справедливость» в гражданском праве. — Actualscience. — 2016. — Т. 2, № 4, 2016 — с. 104—106

тегории для области законодательства. Тогда в кодификации справедливость равняется законности, широко понимаемому гуманизму, обоснованности и целесообразности действий участников правовых отношений¹. Добавим, что юридическая категория справедливости отличается от политического, социально—экономического и нравственно—психологических терминов справедливости².

Идея справедливости рассматриваемая как часть правовой культуры, элемент истинной правовой нормы, закон — воля к справедливости³. Справедливость — фундамент правовой системы, который определяет поощряемое в обществе поведение людей⁴. Истина выступает предикатом справедливости, которая приводит к конечной цели — добру. Деление обязанностей между частными субъектами неизбежно приводит к общей чести, доверию к действиям контрагента. Дискурс о справедливости воплощает абстрактные концепты в институты правосудия и правоотношений. Поскольку среда формирует желания живых существ, а система желаний включает в себя единство, то все вожеления обусловлены этой цельностью природных потребностей; для контроля и универсального разрешения конфликтов, которые представляют из себя искажение биологической гармонии, над естественным порядком создается социальный порядок, известный как государство. Главное назначение государства — политическое, правовое и мораль-

1 Вопленко Н.Н. Механизм формирования представлений о юридической ответственности. — *Legal Concept*, 2012, Сер. 5, № 2 (17) — с. 8—9

2 Черняева А.В. Единство принципов законности и справедливости в современном гражданском обществе. — *Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право*. № 1, 2009 — с. 131; Чапанов Т.И. О роли справедливости в российском правоведении. — *Вестник ПАГС*, 2009, № 20 — с. 83

3 Бабурин С.Н. Современное общество между несправедливым законом и справедливим беззаконием. // В сб.: *Социальная справедливость и право: проблемы теории и практики* Материалы международной научно—практической конференции. Под общей редакцией Т.А. Сошниковой. 2016. С. 19

4 Бойко В.Н. Пределы субъективной свободы граждан. Справедливость как юридически ценный компонент баланса интересов государства и гражданского общества. — *Вестник Владимирского юридического института*. 2011. № 1 (18). С. 56—60; Тищенко А.В. Принцип справедливости как стандарт правоприменительной деятельности в механизме отправления правосудия. — *Вестник Южно—Уральского государственного университета. Серия: Право*, 2017. Т. 17, № 4 — с. 113

ное регулирование информации, определяющей поступки индивидов¹. Таким образом, процесс истина — справедливость — свершенное благо составляет ступени доброй воли.

На формирование современного взгляда на законодательный принцип справедливости, по мнению некоторых авторов², влияют юридическое мировоззрение правящих чиновников, — так образуется государственная идеология, отраженная, в т. ч., в Конституции и официальных выступлениях глав государства. По мнению др. авторов³, в нынешних социально—экономических условиях под справедливостью нужно признать мнение большинства по ключевым политико—правовым вопросам; в этом случае имеет место народный юридический обычай, что противопоставлено современному западно-европейскому уравниванию закона и справедливости с отрицанием исторического взгляда на право как сложившегося самосознания национальностей⁴.

Борьба за доказывание на всех стадиях судопроизводства, отстаивание личной позиции формирует консенсус участников судебной деятельности по определению справедливости в каждом конкретном деле. Ключевым здесь является речь, направленная на юридически обоснованную защиту позиции и актуализацию юридических норм. В борьбе за право осуществляется испол-

1 Черных С.Н. Право и справедливость: единство и противоречие в социальном процессе. — Автореф. дисс... канд. философских наук. — Воронеж, 2011 — с. 7, 15, 17—20

2 Андреева Л.А., Трухина И.Н. Проблема справедливости в философии, праве и гражданском обществе. — В сборнике: Актуальные проблемы юриспруденции Сборник статей по материалам VII международной научно—практической конференции . 2018. С. 77—78; Агибалова Е.Н. Принцип справедливости в гражданском праве. — Юридический вестник ДГУ. 2019. Т. 30. № 2. С. 71; Бойко В.Н. Пределы субъективной свободы граждан. Справедливость как юридически ценный компонент баланса интересов государства и гражданского общества. — Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 1 (18). С. 56—60; Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Справедливость в праве: аксиологический подход. — Вестник Поволжского института управления, 2017. Т. 17, № 5 — с. 52—59

3 Бабурин С.Н. Современное общество между несправедливым законом и справедливым беззаконием. // В сб.: Социальная справедливость и право: проблемы теории и практики Материалы международной научно—практической конференции. Под общей редакцией Т.А. Сошниковой. 2016. С. 19—25

4 Боловнев М.А., Руф Е.Е. Понятие «Справедливость» в гражданском судопроизводстве: юридико—лингвистический анализ. — Юрислингвистика. 2017. № 6. С. 34; Вопленко Н.Н. Истина и справедливость: проблемы взаимосвязи. — Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2013, № 6 (95) — с. 107

нение желаний и жизненных задач. Это игровой элемент культуры, стремление доказать состоятельность личности¹.

Справедливость является первым началом гражданско—правовой ответственности. В договорных отношениях на смену индивидуального понимания справедливости приходит публичное заключение сделок, при котором общество изначально пресекает антисоциальное поведение сторон. Балансом справедливости здесь служит материальная ответственность коммерсантов за товар ненадлежащего качества. Право предпринимателя на извлечение прибыли, торговая наценка, уравнивается его личным ручательством за полное соответствие товара запросам покупателя. Императивность гражданской ответственности вытесняет элемент деликта из торговли; договор становится фикцией. Средством сильного против слабого выступают идолы «свободы договора» и «толкования договора» — письменные оговорки и логические конструкции, обосновывающие несправедливость и неразумность. Только в судебном разбирательстве возможно перевернуть этот нравственно—юридический вред (по правилу *Contra proferentem*), восстановив магистральные принципы права (справедливость, разумность), которыми обязаны руководствоваться участники правоотношений². Чтобы предотвратить судебную тяжбу, вводится принцип преддоговорной ответственности, предусмотренный ст. 171, 172, 175–177, 426, 445, 507 ГК РФ³. Таким образом, при анализе понятия «справедливость» проблема сводится к императивности использования доброй воли в поведении людей.

1 Честнов И.Л. Концепт справедливости в постклассическом понимании. — Известия высших учебных заведений. Правоведение, 2013, № 2 (307) — с. 40, 43; Черных С.Н. Право и справедливость: единство и противоречие в социальном процессе. — Автореф. дисс... канд. философских наук. — Воронеж, 2011 — с. 16—17; Вопленко Н.Н. Механизм формирования представлений о юридической ответственности. — *Legal Concept*, 2012, Сер. 5, № 2 (17) — с. 10

2 Богданов Д.Е. Справедливость как основное начало гражданско—правовой ответственности в российском и зарубежном праве. — Москва: Проспект, 2015. — с. 4, 54, 62—64, 75

3 См.: Кучер А.Н. Теория и практики преддоговорного этапа: юридический аспект. — Москва: Статут, 2005 — с. 213

Заклучим, что справедливость является модусом законности, т. е. копией правовых отношений в моральной плоскости. Невозможность справедливости самостоятельно, подобно закону, регулировать общественные отношения, с одной стороны, исключает ее из универсальных критериев доброй воли, но, с другой стороны, приводит справедливость в соприкосновение с понятиями разумности и добросовестности.

1.2.2. Разумность

Разумность объединяет всю осмысленную человеческую деятельность, согласно биологической классификации нашего вида¹. Таким образом, разумность одновременно и составляет часть доброй воли, и отделена от близких по значению юридических категорий добросовестности и справедливости; поэтому разумность стоит в порядке нашего исследования между ними, включенными в этико—правовые принципы, и как категория, ставящая границы и определение понятия доброй воли.

В отличие от справедливости, которая более широко распространена в нормах уголовного права, разумность в большей степени относится к гражданско—правовым отношениям, где разумность — это субъективное начало всякого правоотношения. Разумность находится на стыке права и нравственности, объединяя область морального поведения и его юридической оценки (или, говоря зеркально, правовой природы и моральной нормы²). Трактовка разумности в современном гражданском праве России восходит к ее англо—американскому пониманию³. Техничко—юридически разумность

1 Что признано и юристами, см.: Виниченко Ю.В. Разумность и справедливость как принципы гражданского права и начала функционирования системы гражданского оборота. — Вестник Пермского университета. Юридические науки, № 3 (25) — с. 106

2 Татарников А.В., Голышев В.Г. Соотношение принципов разумности и добросовестности в гражданском праве. — Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6. С. 114

3 Мазур О.В. Требование разумности в механизме гражданско—правового регулирования: краткий сравнительно—правовой анализ. — Санкт—Петербургский государственный экономический университет: Журнал Ученые записки юридического фа-

можно интерпретировать как дефиницию (доктринально), принцип (законодательно) и презумпцию (с универсально—правовой точки зрения)¹.

Разумность объединяет в себе дефиниции рационального и иррационального, называемого интуицией, которая помогает личности совершать правильные и невредные поступки, сохраняющие добросовестность отношений и экономико—интеллектуальную выгоду гражданского порядка².

Правосознание квалифицируется разумностью, куда включены чувства, идеи, мыслительная оценка, что в совокупности называется волей. Универсальные принципы отражают правовой и государственный быт народа³; в современном русском правосознании оригинальной чертой юриспруденции является включенность разумности в гражданское законодательство, которая развивает исторически присущую отечественному законодательству категорию доброй воли; здесь разумность — это высшая нравственность, баланс законодательства и сознания⁴.

Разумность — феномен естественного права, это равенство права самому себе⁵. Опираясь на тенденции послевоенного международного права, где принцип разумности был введен под влиянием рецепции общих норм римского права⁶, в нашей стране принцип «разумность» впервые законодательно закреплен в ст. 63 Основ гражданского законодательства СССР 1991 г. и

культета. 2012. № 24—25 (34—35). С. 87

1 Рогачев Д.Н. Разумность как общеправовая категория: проблемы теории, техники, практики. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Нижний Новгород, 2010 — с. 6, 11, 16, 18, 24

2 Виниченко Ю.В. Разумность в гражданском праве Российской Федерации. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Санкт—Петербург, 2003 — с. 10

3 Коваленко К.Е. Разумность применения правовых норм как основа построения правового государства. — Вестник Санкт—Петербургского университета МВД России, 2012, № 3 (55) — с. 21—22

4 Коваленко К.Е. Формы проявления принципа разумности в праве. — Известия Алтайского государственного университета, Серия Право, 2013 — с. 118—119

5 Власенко Н.А. Разумность и право: связь явлений и пути исследования. — Журнал российского права, 2011, № 11 — с. 47

6 Муравьева А.М. Аккультурация принципа разумности в российскую правовую систему. — Юридическая техника, 2020 — с. 637. О международно—правовом компоненте см. также: Татарников А.В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Москва, 2010 — с. 5, 17

перенесен в ГК РФ в 1994 г. Сегодня в этом основополагающем нормативно—правовом документе цивилистического права, которому не могут противоречить прочие частно—правовые акты, — разумность в различных качествах упоминается более сотни раз. Вместе со справедливостью и добросовестностью разумность фигурирует как дополнительный инструмент при невозможности использования аналогии закона и права (п. 2 ст. 6 ГК РФ). Разумность в Гражданском кодексе тесно переплетается с добросовестностью. Так, п. 5 ст. 10 предполагает разумность и добросовестность участников гражданских отношений (вариации этого положения представлены в п. 3 ст. 53, в пп. 1, 3 и 5 («неразумность» и «недобросовестность») ст. 53.1, п. 4 ст. 62, п. 4 ст. 450, п. 4 ст. 450.1, п. 3 ст. 602, ст. 662). Разумностью в ГК РФ также называется:

— добросовестное отношение к партнерам по корпорации (п. 2 ст. 65.2),

— интеллектуальные способности уполномоченных лиц (п. 2 ст. 72, п. 2 ст. 76, п. 5 ст. 1244),

— разумный срок (п. 2 ст. 157.1, п. 3 ст. 183, п. 2 ст. 187, п. 2 ст. 314, п. 4 ст. 345, п. 1 ст. 358.3, п. 3 ст. 367, стт. 386, 397, п. 1 ст. 399, п. 2 ст. 415, п. 3 ст. 417, ст. 464, п. 2 ст. 466, п. 4—5 ст. 468, п. 1 ст. 470, п. 1 ст. 475, п. 2 ст. 477, п. 1—2 ст. 480, п. 1 ст. 483, п. 3 ст. 495, п. 3 ст. 499, п. 2 ст. 510, п. 2 ст. 514, п. 2 ст. 515, п. 2 ст. 518, п. 2 ст. 519, п. 1—2 ст. 524, п. 3 ст. 611, п. 1 ст. 616, стт. 619—620, п. 1 ст. 621, п. 2 ст. 668, п. 3 ст. 715, п. 2—3 ст. 716, п. 4 ст. 720, п. 1 ст. 721, п. 1, 3 ст. 723, п. 2 ст. 724, п. 1 ст. 737, п. 4 ст. 755, стт. 792, 806, п. 2 ст. 830, п. 2 ст. 876, п. 1 ст. 888, п. 3 ст. 889, п. 2—3 ст. 973, п. 1 ст. 981, п. 1, 3 ст. 995, п. 2 ст. 1021, 1.1 ст. 1037, п. 3 ст. 1191),

— объективное знание о полезности договора (п. 1 ст. 178, п. 2 ст. 428),

— расчет на возмещение поручителю должника (п. 4 ст. 363),

— предположения и догадки (п. 2 ст. 367, п. 5 ст. 393, п. 1 ст. 404, п. 1 ст. 431.2, п. 2 ст. 434.1, п. 1 ст. 451, п. 1 ст. 926.3, п. 3 ст. 962),

— умение сравнивать цены (п. 2 ст. 393.1, п. 1—3 ст. 524, ст. 738),

- необходимые расходы (п. 1 ст. 520, п. 3 ст. 530, п. 4 ст. 744),
- действия преодоления препятствий (п. 1 ст. 750, п. 1 ст. 962),
- возможность действия (п. 4 ст. 1127),
- минимальные потребности человека (п. 5 ст. 1149, п. 1 ст. 1268, п. 1 4) ст. 1323, п. 3 ст. 1333),
- соблюдение конфиденциальности (п. 1 ст. 1465),
- определение размера компенсации, при которой суд не руководствуется добросовестностью, но учитывает требования разумности и справедливости (п. 2 ст. 1101, п. 3 ст. 1252) — два места в Гражданском кодексе, где эта пара этико—правовых принципов указана в замкнутой связке.

Процессуально понятие разумного срока производства раскрыто в стг. 6.1., 107, 154, 323, 333, 417.10 ГПК РФ. В стг. 99—100 ГПК РФ разумность, без справедливости и добросовестности, налагается на судей при определении компенсации стороне производства, пострадавшей от затягивания рассмотрения дела контрагентом. В самом конце ст. 244.22 ГПК разумность и добросовестность указаны как обязательные требования к человеку, представляющему интересы группы лиц. П. 3 ст. 282 ГПК РФ содержит требование к обоснованию неразумности несовершеннолетнего, который тратит свои доходы нерационально.

Таким образом, мы видим обилие гражданско—правовых формулировок в действующем российском законодательстве, обращенных в область рационального поведения, связанного, в т. ч., с доброй нравственностью. Таким образом, разумная добросовестность — это предел гражданских прав¹. Альтернативное мнение, навеянное советским пониманием гражданских отношений, добавляет к перечисленным статьям п. 1 ст. 713 ГК РФ, по которой экономичность и трезвый расчет также проявляют разумность. Ключевым элементом этой нормы выступает юридическая оценка происходящего, в которой типологизированы:

1 Татарников А.В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Москва, 2010 — с. 21

- квалификация основ гражданских прав и обязанностей;
- раскрытие понятия нематериальных благ, не входящих в имущественные отношения, но относимые к гражданским правоотношениям;
- трактовка заблуждений (в соответствии со ст. 178 ГК РФ)¹.

Современная отечественная доктрина, вслед за античными авторами, понимает под разумностью то общее в индивидуальностях, которое объединяет человечество и связывает в его сознании окружающий мир². Разумность можно понимать двояко: как интеллектуальные качества человека и как судебную оценку поведения. В первом случае имеет место повседневные частно—правовые отношения, во втором — судебное решение³. Рассматривая вопрос более широко, скажем, что юридически разумность выражает себя в принципах и идеях (идеалах). Н. И. Беседкина выводит от принципов разумности и справедливости добросовестность, которую приравнивает в совокупности с перечисленным к доброй воле. На государственном уровне стандарт доброй воли устанавливается правящими чиновниками⁴. Общество, для лучшей выживаемости, развивает в себе социализацию, частью которой являются моральные идеи, внесенные в законы и ставшие этико—правовыми принципами, которые включают в себя понятие истины, правила поведения и раскрываются, следуя внутреннему убеждению человека⁵, — рассмотрение этого феномена в судебной деятельности будет посвящена вторая глава. Сейчас ограничимся замечанием, что разумность — категория интеллектуальной борьбы в судебском усмотрении⁶. По вопросу же о сохранении социума, еще

1 Коновалов А.В. Принцип разумности в гражданском праве. — Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 12, 14

2 Виниченко Ю.В. Разумность в гражданском праве Российской Федерации. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Санкт—Петербург, 2003 — с. 9

3 Виниченко Ю.В. К вопросу о «разумности» в российском гражданском праве. — Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 146

4 Беседкина Н.И. Разумность, справедливость и добросовестность в системе частного права. — Право и государство: теория и практика. 2015. № 6 (126). С. 82, 84—85

5 Беседкина Н.И. Разумность как принцип, категория, целевое требование и один из критериев юридической техники. — Государство и право. 2016. № 7. С. 106

6 Воронцова И.В. О категории «разумность» в юридической науке и в гражданском процессуальном законодательстве Российской Федерации. — Современное право. 2009. № 7. С. 5

раз подчеркнем, что более продуманной нам представляется теория о движении от личности, его мировоззрения к универсальному порядку общежития, в котором соблюдается единство и баланс человека, семьи и организованного в государстве народа¹.

Ступени разумности составляют:

- начало (принцип, главенство) права, которое
- формирует право в законодательстве, идейно пронизанном разумной волей законодателя,
- на доктринальном уровне ученые, оценивающие законы профессионально, но с независимой от законников стороны, пытаются ввести всеобщее осознание юридических норм, которые увенчаны
- государственной императивностью существующей политико—правовой системы².

Предметно разумность квалифицируется на:

- субъективные права,
- юридические обязанности,
- условия и факторы социальных действий,
- состояния и режимы политического строя государства³.

Разумность означает истинность юридического знания⁴. Разумность является юридической презумпцией, а неразумность указывает на ущербную волю. В судебной деятельности определяется юридическая истина, которой фактически нет в абстрактных редакциях кодифицированных норм. Поэтому неопределенность юридической истины разрешается судебным усмотрением,

1 Коваленко К.Е. Разумность как мера реализации норм права. — Законность и правопорядок в современном обществе, 2011. С. 125

2 Виниченко Ю.В. Разумность в гражданском праве Российской Федерации. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Санкт—Петербург, 2003 — с. 11

3 Рогачев Д.Н. Разумность как общеправовая категория: проблемы теории, техники, практики. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Нижний Новгород, 2010 — с. 21

4 Василенко Е.В. Разработка методологии и создание системы принципов гражданского права как комплексная научная проблема. — Власть Закона. 2011. № 2 (6). С. 132

основа которой — разумность¹, т. е. разумность — это практика судебного усмотрения², которая, вместе с добросовестностью, является выработанными веками аксиомами права³. Законодательно—судебными способами регулирования разумности являются запреты, дозволения и наложение обязательств⁴. Таким образом, юридическая разумность означает возможность легального ограничения ущерба и вреда участникам имущественных отношений⁵.

Разумность в цивилистике обладает обязательным характером, т. к. равняется совокупности дееспособности лица, его совершеннолетия и психическому здоровью. Нормальный взрослый человек не может сослаться на свою недееспособность, т. к. это можно установить только в отношении слабоумного. Разумность также близка к обычаю, который не входит в законодательство. Разумность и обычай идентичны в аспекте правомерности — оба явления обоснованы позитивным правом. Различия заключаются в том, что разумность реализуется в методе судебных органов и требует разъяснения, а обычай заключен в практике имущественного оборота и изначально известен⁶.

Разумность отлична от рассудка, рассудок есть первый этап внешнего мышления человека, поэтому это только часть разумности⁷. Объективная ра-

1 Власенко Н.А. Разумность и право: связь явлений и пути исследования. — Журнал российского права, 2011, № 11 — с. 49, 52, 55; Мазур О.В. Требование разумности в механизме гражданско—правового регулирования: краткий сравнительно—правовой анализ. — Санкт—Петербургский государственный экономический университет: Журнал Ученые записки юридического факультета. 2012. № 24—25 (34—35). С. 87; Татарников А.В., Голышев В.Г. Соотношение принципов разумности и добросовестности в гражданском праве. — Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6. С. 111

2 Мамонтов В.А. Проблема реализации принципа разумности в российском гражданском праве. — Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 89

3 Попова Ю.А., Василенко Е.В. Место принципов разумности и добросовестности в системе принципов гражданского права. — Общество и право. 2012. № 1 (38). С. 86

4 Рогачев Д.Н. Разумность как общеправовая категория: проблемы теории, техники, практики. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Нижний Новгород, 2010 — с. 22

5 Коваленко К.Е. О некоторых особенностях общих принципов права. — Вестник Санкт—Петербургского университета МВД России, 2011, № 4 (52) — с. 22

6 Виниченко Ю.В. Разумность в гражданском праве Российской Федерации. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Санкт—Петербург, 2003 — с. 7, 17—18, 21

7 Власенко Н.А. Разумность и право: связь явлений и пути исследования. — Журнал российского права, 2011, № 11 — с. 46—47

зумность означает взгляд идеального человека на право и юридические конфликты частного характера, субъективная разумность характеризует личный взгляд конкретного человека на свои и чужие действия¹.

Под разумностью договора следует признать толкование и восполнение недостающих звеньев в правах и обязанностях контрагентов. Критериями оценки разумности здесь являются выгода стороны, возможность юридической поддержки при спорных ситуациях, риск убытков и возможная прибыль. В итоге, разумность при заключении контракта означает баланс интересов участников², что, напомним, соответствует главному пути доброй воли — равновесию действий частных субъектов общества. В этой области разумность синонимична совести³.

Разумность, интерпретируемая только как желание получить прибыль, противопоставлена добросовестности⁴, поэтому, как и в случае со справедливостью, эту гражданско—правовую трактовку возможно включить в категорию доброй воли частично и с оговорками.

Презумпция «разумности права» определяет магистральный критерий оценки личности, которая характеризуется внутренним побуждением к добру⁵.

Итак, кто действует разумно, тот действует законно, чем более человек разумен, тем более он соответствует понятию человека правового.

1 Коваленко К.Е. Разумность как мера реализации норм права. — Законность и правопорядок в современном обществе, 2011. С. 124

2 Мазур О.В. Требование разумности в механизме гражданско—правового регулирования: краткий сравнительно—правовой анализ. — Санкт—Петербургский государственный экономический университет: Журнал Ученые записки юридического факультета. 2012. № 24—25 (34—35). С. 87, 94

3 Рогачев Д.Н. Разумность как общеправовая категория: проблемы теории, техники, практики. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Нижний Новгород, 2010 — с. 4

4 Коваленко К.Е. О некоторых особенностях общих принципов права. — Вестник Санкт—Петербургского университета МВД России, 2011, № 4 (52) — с. 21

5 Татарников А.В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Москва, 2010 — с. 23—26

1.2.3. Добросовестность

Добросовестность является центральным из российских законодательных принципов, входящих в содержание доброй воли; правовые корни доброй воли и добросовестности идентичны, этимологически схожи, зачастую одинаково переводятся на разные языки, отталкиваются от древнеримских времен, что показано во введении. Однако в компаративистском качестве, при оценке современного российского гражданского законодательства, эти термины не просто не схожи, но противоположны друг другу, что подвергает сомнению лингвистические методы толкования понятий. Если добрая воля является дореволюционной категорией естественного права, направленной на учет прав других лиц, то нынешняя добросовестность не только не связана с историческими терминами добросовестности, разобранными в п. 1.1.1, но исходит от советского термина (который, как показано выше, навеян позднейшей трактовкой петербургской юридической школы и сохранен И. Б. Новицким). Отсутствие отсылок к средневековым русским понятиям добросовестности в текущей доктрине подтверждает оторванность советской добросовестности от терминологии до 1914 г¹. В Советском Союзе механическое введение «добросовестности» связывалось исключительно с государственными интересами², с осторожным обоснованием судейского произвола (развитого сегодня в «усмотрении») и закреплением монополии нормативизма в условиях эпохи тоталитаристского перехода и стагнации XX в.. Поэтому принцип добросовестности может рассматриваться как соотносящаяся с доброй волей идея, но не как ее часть.

Преемственность термина «добросовестность» от советского права произошла в результате рецепции законодательной добросовестности в Гра-

1 Стагнированность, заторможенность сегодняшней юридической науки на термине столетней давности отмечена: Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории. — Москва: Статут, 2019 — с. 203—209

2 Варвенко А.С., Желонкин С.С., Жукавин В.В. Теоретико—правовые положения о принципе добросовестности в гражданском праве. — Ленинградский юридический журнал. 2020. № 1 (59). С. 109

жданском кодексе РСФСР 1964 г.¹ Укрепление идеи (принципа, что подтверждают высшие судебные инстанции²) добросовестности в законодательной форме наблюдается в Основах Законодательства 1991 г., где презумпция добросовестности была введена вместе с понятием разумности. В современной государственной политико—юридической идеологии принцип добросовестности принят с публикацией первой части Гражданского кодекса в 1994 г., где добросовестность указана в дополнительной каденции как требование. Включение принципа добросовестности в гражданское законодательство носит материально—экономический характер³, унаследованный у советского права. Поскольку принципы, являясь этическими мерилami поведения, отражают различные этические системы, существующие в разные периоды истории, взгляд общества на решение нравственных проблем неодинаков в силу гибели одних социумов и прихода на их место новых этносов и культур. Поэтому изменение в сознании и науке трактовки «добросовестности» носит неизбежный характер⁴, хотя нельзя забывать, что полного забвения и исчезновения не бывает в силу возобновления рецепций; так, нынешние законодательные этико—правовые принципы добросовестности, разумности и справедливости в будущем могут объединиться в надпринцип⁵ — моральную естественно—правовую категорию, придающую гибкость праву⁶, которая нами мыслиться, вслед за русскими юристами—классиками, как добрая воля, к осознанию которой нынешняя юридическая доктрина еще не пришла.

1 Харсеева В.Л. Понятие и содержание принципа добросовестности в гражданском праве. — Общество: политика, экономика, право. 2013. № 4. С. 123

2 Зарубина Н.П., Иванов В.В. Эволюция принципа добросовестности в гражданском праве. — Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2014. № 1. С. 108

3 Бибииков А.И. Принцип добросовестности в цивилистической доктрине и судебной практике: проблемы толкования. — Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 2. С. 197

4 Богданова Е.Е. Принципы добросовестности, справедливости и разумности как основные начала гражданского законодательства. — Российская академия правосудия Минюста России, 2012. — с. 73

5 Там же. — с. 76

6 Рыженков А.Я. Моральное содержание основных начал гражданского законодательства. — Современное право. 2014. № 5. С. 47

Словарного определения добросовестности в гражданских кодексах нет; обычно для нахождения этого принципа в гражданских отношениях обращают внимание на:

- действие либо использование права,
- оценку (по ст. 51 ГК РФ), которая равняется объективному знанию,

и

- присутствие/отсутствие предпосылок для нарушений закона¹.

Сущность² добросовестности заключается в:

- характеристике частного субъекта,
- поведении при материализации прав и
- принципе права, т. е. главенствующем юридическом начале, дей-

ствующем во времени и пространстве, на котором разветвляется система норм, установленных единым сувереном — эта многовековая выработка является честностью (честью) общества, интеллектуально—нравственным фундаментом, на котором возводится форма организации социума — государство³.

Критерии добросовестности составляют:

- отсутствие злого умысла при совершении гражданско—правового действия;
- получение полной информации об условиях сделки;
- осознание личного доброго интереса контрагента⁴;
- не присвоение чужого труда или предмета⁵.

1 Рудов М.В. Проблемы нормативной коннотации гражданско—правового понятия «добросовестность». — Имущественные отношения в Российской Федерации, 2015, № 9 (168) — с. 91—93

2 Доп. см.: Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Москва, 2005 — с. 8, 15

3 Дерюгина Т.В. Сущность понятия добросовестности в гражданском праве России. — Юрист — Правоведь, 2010, № 3. — С. 46; Дерюгина Т.В. Добросовестность участников гражданских правоотношений как предел и принцип права. — Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 3 (20). С. 52

4 Куява Т.Ю. Принцип добросовестности: современное состояние и тенденции развития. — Тенденции развития науки и образования. 2019. № 56—9. С. 67

5 Фомина Л.А. Добросовестность при преодолении пробелов в гражданско—правовом регулировании. — Пробелы в российском законодательстве. Юридический жур-

Дополнительно к специфике добросовестности прибавляют привязку к предмету или юридически квалифицируемому действию, честность, пунктуальность, аккуратность, старательность и соблюдение подозрительности, осмотрительности и осторожности¹.

Правовыми признаками добросовестности называют:

— необходимость законодательного использования,
— защиту права с установкой санкции и
— юрисдикционную регламентацию — так в качестве субстантива закона добросовестность самодостаточна, она не ограничение и не дополнение закона, а сам закон, логическая связь юридических положений².

Несмотря на прямое указание на принцип добросовестности в законодательстве, есть мнение, что добросовестность — это фикция, и принципа добросовестности не существует³.

Современное судебное толкование «добросовестности» исходит от трактовки словаря Брокгауза—Ефрона за 1893 г.⁴, в которой автором статьи «Добросовестность» является В. М. Нечаев (1860—1935)⁵, а правопонимание этого термина сформировано в соответствии с государственной Концепцией, принятой в 2009 г.⁶ Важно подчеркнуть необходимость разделение добросовестности в дефинициях презумпции и принципа⁷. До 2013 г. законодатель-

нал, 2008, № 2 — с. 137

1 Моданов В.В. Правовая оценка добросовестности как оценочной категории гражданского права Российской Федерации. — Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 1А. С. 75—76, 79

2 Соломин С.К. Теория добросовестности в российском гражданском праве: становление, развитие, перспективы. — Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 2 (47). С. 82

3 Ульянов А.В. Добросовестность в гражданском праве. — Журнал российского права. 2014. № 6 (210). С. 136

4 Овдиенко Е.Б. Судебное толкование категории «добросовестность» в гражданском праве. — Успехи современной науки. 2016. Т. 6. № 11. С. 145—146

5 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том ХА (20). — С.—Петербург, 1893 — с. 828—829

6 "Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации" (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009)

7 Вышемирский И.О. Соотношение принципа презумпции добросовестности в гражданском праве. — Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 1. С. 134—135

ная добросовестность в первую очередь трактовалась как презумпция, в соответствии с прямым указанием в ст. 10 ГК РФ¹.

По мнению ряда исследователей², добросовестность едина с разумностью, согласно другим — этот этико—правовой принцип ближе всего к справедливости, которая выражает объективный «дух законов» (разум законов), который подробно дополнен в гражданское законодательство в 2013—15 гг.³. Использование правовых принципов в судебной практике фактически создает новую законодательную систему; на основе прецедентов⁴ высших судебных инстанций в будущем будут переписаны кодификационные сборники, и редактирование 2013—15 гг. представляет лишь один из этих этапов⁵.

Что является добросовестным, а что — не является, определяется в результате судебного спора, в оценке и разрешении противоречий⁶. Внесудебная интерпретация добросовестности невозможна в силу презумпций законности и истинности судебного решения⁷, что толкает контрагентов к изна-

1 Бронникова М.Н. Проблемы применения презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений. — Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право, 2007, № 1 — с. 56, 58

2 Василенко Е.В. Некоторые доктринальные подходы к проблемам разумности и добросовестности в гражданском законодательстве России. — Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 95; Дрезин М.А. Соотношение принципов разумности и добросовестности в системе оценочных категорий частного права. — E—Scio, 2019; Беребенья Н.В. Понятие добросовестности как правовой категории. — Вестник экономической безопасности, 2008, № 3 — с. 133; Богданова Е.Е. Принципы добросовестности, справедливости и разумности как основные начала гражданского законодательства. — Российская академия правосудия Минюста России, 2012. — с. 74

3 Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории. — Москва: Статут, 2019 — с. 158—159, 201—202; Моданов В.В. Правовая оценка добросовестности как оценочной категории гражданского права Российской Федерации. — Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 1А. С. 77

4 Рыженков А.Я. Принцип добросовестности в обновленном гражданском законодательстве. — Право и образование. 2013. № 9. С. 65

5 Коновалов А.В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике. — Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 9

6 Свит Ю.П. Понятие и значение добросовестности и разумности в современном российском праве. — Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 9. С. 5

7 Заулочная С.А. Разумность, добросовестность и справедливость в гражданском законодательстве и судебной практике. — Правотолкование и проблема судебного правотворчества материалы III Всероссийской научно—практической конференции. Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2020. С. 108

чальному добросовестному поведению в соответствии с их разумностью¹. Так добросовестность охватывает и принцип разумности, и принцип справедливости через учет равенства, а объединяет эти три принципа мораль², или, говоря точнее, — добрая воля.

Законодательный универсализм добросовестности связан с идеологией Конституции³ и признанными в ней международными понятиями прав и свобод человека (ст. 17 Конституции)⁴.

Если добросовестность носит императивный характер, то законодатель в принципе устанавливает обязанность для участников гражданских правоотношений вести себя добросовестно, честно⁵. Тот же тезис, представленный с диспозитивной грани, наделяет добросовестность атрибутом равенства участников юридических процессов. В этом смысле добросовестность выражает справедливость гражданского оборота с той разницей, что справедливость — требование (экономический императив), а добросовестность — свобода человека действовать в соответствии с доброй совестью (естественный диспозитив), что по сути уравнивает приведенные категории на практике, сводя проблему к конкретным условиям соглашений и поведению сторон при их реализации⁶.

1 Кирина Е.О. Добросовестность как одно из начал в гражданском праве: догматические основы понимания. — Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 215

2 Коновалов А.В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике. — Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 6—7

3 Федин И.Г. Добросовестность как правовая категория. — Актуальные проблемы российского права, 2018, № 4 (89) — с. 27; Федина А.С. Внедрение принципа добросовестности в законодательство о гражданском судопроизводстве. — Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 3. С. 136

4 Вавилин Е.В., Чекмарева А.В. Некоторые проблемы добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей: материальный и процессуальный аспекты. — Вестник Томского государственного университета, 2020, № 451. С. 196; Дерюгина Т.В. Добросовестность участников гражданских правоотношений как предел и принцип права. — Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 3 (20). С. 52—53

5 Виниченко Ю.В. Разумность и справедливость как принципы гражданского права и начала функционирования системы гражданского оборота. — Вестник Пермского университета. Юридические науки, № 3 (25) — с. 99, 104

6 Гаврилов Ю.В. Значение принципа добросовестности в системе принципов российского гражданского права. — Вестник Балтийского федерального университета им.

Так, в принцип добросовестности входит доктрина «*rebus sic stantibus*», согласно которой договор может быть неприменим из—за фундаментально изменившихся обстоятельств, что закреплено в ст. 451 ГК РФ, которая перекрывается императивностью исполнения договора, что отвечает торговому характеру гражданской кодификации¹. Противоположное мнение наделяет добросовестность императивной силой, ограничивающей свободу договора².

Поэтому у некоторых исследователей имеется тенденция привязывать добросовестность не к доброй воле, а к «свободе воли» (читай договора)³, под которой понимают юридическое равенство частносубъектных отношений⁴, координацию субъектных прав в обществе⁵, безконфликтность⁶. Если рассматривать добросовестность не с позиций концепции воли, а с точки зрения теории интереса, то добросовестность — объективная презумпция права, отличная от субъективной защиты интереса, основа которого — защита индивидуального права, т. е. субъективной добросовестности⁷. Субъективная добросовестность основана на осознании и противопоставлена виновности⁸.

И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 9. С. 88—92

1 Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории. — Москва: Статут, 2019 — с. 246—252

2 Вольфсон В.Л. Добросовестность в гражданском праве: категория и принцип. — Научные труды Северо—Западного института управления РАНХиГС. 2015. Т. 6. № 3 (20). С. 105

3 Бибииков А.И. О понятии добросовестности в гражданском праве. — Евразийский союз ученых. 2014. № 8—10. С. 9—10

4 Бибииков А.И. Реформирование норм Гражданского кодекса РФ об основных началах гражданского законодательства: концептуальные посылки и проблемы реализации. — Научный поиск. 2015. № 1.3. С. 7

5 Волков А.В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотреблением правом в современном гражданском праве. — Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 3 (20). С. 45

6 Вольфсон В.Л. Принцип добросовестности как легальная презумпция бесконфликтности намерений в осуществлении субъективного гражданского права. — Юридическая мысль. 2018. № 3 (107). С. 63

7 Виниченко Ю.В. О презумпции добросовестности в российском праве. — Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки, 2018. Т. 160, кн. 2 — с. 291

8 Пермяков А.В., Кириллов Д.А. Сравнение логических конструкций добросовестности в российском гражданском праве и невиновности в российском публичном праве. — Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 193—195

Тогда по этой старой, но принятой в настоящем интерпретации, объективная добросовестность не зависит от участников гражданских отношений, толкование субъективной добросовестности зависит от личных воззрений человека на добро и зло, честное, полезное и необходимое, поэтому может включать в себя самые неблагоприятные поступки, направленные на обогащение и доминирование¹. А в связи с тем, что по праву личности субъект давит над обстоятельствами объективного характера, для активных членов социума субъективное становится объективным и «своим правом», а для слабовольных представителей социума субъективное исчезает, уступая место «внешним обстоятельствам», которые созданы противными сторонами юридических гражданских столкновений. В этой связи недобросовестность может быть как правомерной, так и неправомерной². Правомерна недобросовестность при ее соблюдении физическими лицами, действующими от своего имени, неправомерной она становится, когда лица, участвующие со стороны юридического лица, настаивают на добросовестности хозяйствующего субъекта и доказывают это. При этом их персональная правовая психология (в т. ч. знание объективной правды — совесть) расходится с задачами, поставленными руководством юридического лица³, т. е., говоря иначе, они обманывают в пользу своего коллегиального образования, — тогда добросовестность (соблюдение коммерчески предвзято понимаемых договоренностей) предприятия сохранена, но имеет место нарушение правовой истины. Таким образом, даже при нормативистском разделении добросовестности на объективную и субъективную, продолжают действовать исключительно личности, их ответствен-

1 Бронникова М.Н. Проблемы применения презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений. — Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право, 2007, № 1 — с. 62—63

2 Вавилин Е.В., Чекмарева А.В. Некоторые проблемы добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей: материальный и процессуальный аспекты. — Вестник Томского государственного университета, 2020, № 451. С. 197

3 Вышемирский И.О. Принцип добросовестности и субъекты гражданского права. — Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 3. С. 123—124. Напоминаем о ложности понятия «юридическое лицо»: Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. — Одесса, 1901 — с. 346

ность, совесть, деяния, обусловленные идеями, запечатленными в головах, в мышлении. Объективный аспект присутствует только потому, что среди частных субъектов существуют государства, региональные объединения, муниципалитеты, сообщества и проч. Их субъектность создает объективную зону распространения добросовестности¹. По этой причине при действии объективной добросовестности исчезает понятие законности, все сводится к личным понятиям о должном исполнении. Поэтому в целях государственной безопасности и устойчивости законодательный принцип ст. 6 ГК РФ, в случае отсутствия законных или договорных элементов отношений, рекомендует использовать добросовестность только когда исчерпаны возможности обычая, аналогий закона и права². Принцип добросовестности, в силу отсутствия преемственности с дореволюционными торгово—этическими понятиями, не может ограничить предпринимательский произвол и эгоизм, что мешает всем обогатиться и повышать материальный достаток³.

В Гражданском кодексе добросовестность установлена как:

— требование (п. 3 ст. 1, п. 2 ст. 6, п. 3 ст. 53, п. 3 ст. 53.1, п. 4 ст. 62, ст. 307, п. 2, 5 ст. 434.1, п. 4 ст. 450, п. 4 ст. 450.1),

— характеристика приобретения и владения (п. 6 ст. 8.1, п. 1 ст. 145, ст. 147.1, п. 1 ст. 149.3, п. 1 ст. 220, п. 2—3 ст. 223, п. 1, 4 ст. 234, п. 3—4 ст. 302, ст. 303, п. 1 ст. 1361, п. 1466),

— презумпция (п. 5 ст. 10),

— оценка исполнения обязанностей (п. 2 ст. 29, п. 3 ст. 36, п. 4 ст. 37, п. 2 ст. 53.1),

— предположение без злого умысла (п. 2 ст. 60.2),

— полное информирование контрагента (п. 2 ст. 179),

1 В т. ч. и по этой причине во Введении нами ограничен предметный круг, к которым мы относим частные субъекты.

2 Дерюгина Т.В. Добросовестность участников гражданских правоотношений как предел и принцип права. — Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 3 (20). С. 54—55

3 Есенова В.П. Добросовестность, разумность и справедливость в гражданском праве России. — Научные труды Северо—Западного управления РАНХиГС. Т. 6, № 3 (20), 2015 — с. 100

— обобщенная совокупность обстоятельств, называемая принципом (п. 3 ст. 432, п. 3 ст. 602, ст. 662).

Также затрагивает добросовестность норма ст. 169 ГК РФ «Недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности»¹ и ст. 431.2 ГК РФ, которая ввела институт заверений².

Несмотря на то, что Гражданский кодекс весь пронизан конструкциями добросовестности³, и практически, и теоретически ее невозможно приложить ко всем типам имущественных отношений. Нельзя сузить добросовестность и к сфере «знания — незнания» (см. стт. 234, 303 ГК РФ и др.)⁴. В вещных отношениях понятие добросовестного, но незаконного владельца, определяется по теории Петражицкого как невиновность⁵, по уточняющим степеням типа «знал» и «не мог знать», которые помогают дать законодательную идентификацию по стт. 167 и 302 ГК РФ. Помимо «психических» факторов, незнание может быть вызвано неосмотрительностью и неосторожностью. При оценке добросовестности заключения сделки суд на первое место ставит критерий доброй воли сторон⁶, учет интересов противоположной стороны — базовый критерий добросовестности, применяемый как в торговле, так и при квалификации и разрешении бытовых конфликтов⁷.

1 Куликов К.А. Принцип объективной и субъективной добросовестности и механизм его реализации в гражданском праве России. — Право. Законодательство. Личность. 2016. № 2 (23). С. 46

2 Помогалова Ю.В. Институт заверений об обстоятельствах как правовой инструмент развития принципа добросовестности в гражданском праве. — Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2015. № 1—2. С. 189

3 Соломин С.К. Теория добросовестности в российском гражданском праве: становление, развитие, перспективы. — Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 2 (47). С. 82—83

4 Дерюгина Т.В. Добросовестность участников гражданских правоотношений как предел и принцип права. — Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 3 (20). С. 53—55

5 Бибииков А.И. О понятии добросовестности в гражданском праве. — Евразийский союз ученых. 2014. № 8—10. С. 9

6 Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. — Москва: Статут, 2010. — с. 370—371, 374, 379

7 Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории. — Москва: Статут, 2019 — с. 257—258

Итак, добросовестность по современному российскому Гражданскому кодексу, в силу доктринальных особенностей, ближе к иностранным средневековым критериям интеллектуального знания, завязанных на профессионально—цеховых качествах людей, чем к исконно—русским определениям добросовестности, в которых главным является доброта и человеколюбие. Таким образом, в законодательной формулировке добросовестности мы видим попытку уравнивать естественно—правовые и позитивистские нормы¹, что возможно с учетом быстроты правки законов, записанных на электронных носителях; добавим, что само обращение к законам повсеместно происходит благодаря компьютерным справочным интернет—системам.

Выводы по первой главе:

Основания доброй воли в российском праве исторически обусловлены развитием отечественного судебного института, народным правом и русским научно—гуманитарным течением, дополнены европейскими этико—правовыми идеями и выражены:

— личным добрым отношением к согражданам, признанием частных, семейных и общественных интересов, в центре которых властвует право личности;

— право личности действует в силу нравственной энергии жизни, сохраненных в мышлении идеалах, связанных с помощью воли с этической областью накопленного многотысячелетнего сознания;

— традиционным (т. е. наследственным), не ограниченным религией, но включенным в естественную (природную) правовую структуру интеллектуальным поведением семьи, рода, социума и государства, что составляет единство космического и нравственного, называемое истиной и любовью, противопоставленное извращениям зла;

— поэтическим характером правовых связей, в которых люди стремились узнать истину;

¹ См. о программе правового развития до 2020 г.: Зорькин В.Д. Конституционно—правовое развитие России. — Москва: Инфра—Ц, 2011 — с. 577, 579

— отрицанием лжи и воровства как средств достижения индивидуального благополучия, направленного во вред другим;

— целевым характером цивилистического оборота, правовым и этико—культурным состоянием человечества;

— осознанием гармоничного, разумного устройства миропорядка, единого со всеми народами европейского типа, в улучшении которого помогает наука, в т. ч. юридическая, связанная со всеми областями познания;

— принципиальным единством воли, правосознания и разумности в юридических функциях доброй воли, утвержденных законодателем;

— свободным трудом, обеспечивающим прогресс индивидуальности и саму возможность действовать по—доброму, а не бездействовать из—за нищеты и озлобленности;

— совестью (совместным знанием), определяющем в человеческой организации универсальные понятия добра и зла.

Заключим, что правовые принципы доброй воли, разбитые на дефиниции «справедливость», «разумность», «добросовестность», выделены из прочих этико—правовых категорий вследствие дополняемости двух течений в отечественной законодательной мысли — логико—формальной и свободной воли. Из логико—формальной системы получена кодификация с определением трех главных принципов доброй воли в праве, из теории юриспруденции свободной воли сформированы понятия внутреннего убеждения и усмотрения суда. И теперь, когда известно содержание доброй воли и законов, с нею связанных, можно перейти к судебно—практическому аспекту соотношения доброй воли и права в современном российском гражданском праве, чему посвящена вторая глава.

ГЛАВА 2. МЕСТО ДОБРОЙ ВОЛИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

2.1. Судебное усмотрение

Итак, изучив теоретические аспекты доброй воли и права, историю вопроса, выяснив ключевые современные этико—правовые элементы, раскрывающие это соотношение, мы подошли к центральной части проблемного поля исследования — к судебным действиям, связанным с возникновением и принятием решений в соотношении с доброй волей.

Судебный ритуал основан на обращении к высшему авторитету. Чем больше в судебном процессе принуждения, тем более он символичен. Поэтому императивные элементы в гражданском праве являются санкционированным юридической догматикой порядком обычая. Тогда юридическая техника становится выше слов сторон, а правовая теория выше аргументов тяжущихся. Так складывается правовая власть судьи, позволяющая ему, постороннему человеку, разрешать чужие конфликты. Смысл символизма выражается в правовых принципах, а не законодательной норме. Разрешение конфликта исключает справедливость, но подразумевает иное¹, что мы называем доброй волей. Эта добрая воля в судебных процедурах, в первую очередь, связана с феноменом судебного усмотрения. Введенные в гражданско—правовую кодификацию этические принципы приобретают императивный характер².

Судебная, как и другие виды власти, обладает способностью подчинять своей воле и контролировать обыденное поведение людей, направлять и манипулировать ими. Таким образом, имеет место воспитательная функция права. Контроль и надзор указывают на публично—правовой характер судебной власти, который противопоставлен частно—правовой свободе. Согласно учению школы «политической юриспруденции», правосудие охватывает как

1 Рулан Н. Юридическая антропология. — Москва: Норма, 1999 — с. 285—288

2 Комарова Т.А. Справедливость как морально—правовая и гражданско—процессуальная категория, применяемая при пересмотре судебных актов. — Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2014. № 4 (12). С. 46

юридические, так и общественные ценности (этику и политику), все, что выражено текстуально; в условиях юридизации языка, предметом права, по примеру нынешней «семиотики», отрицающей идеи и логику, становится умение строить грамматическую конструкцию; трафаретность языка объявляется абсолютной нормой судебного постановления¹. Баланс между правом и моралью называется волей, а в судебной деятельности именуется усмотрением², которое следует отделить от усмотрения частных лиц³. В нашем исследовании это понятие воли расширено до категории доброй воли с целью лучшего анализа приведенного соотношения.

Подобно тому, как частный взгляд Новицкого послужил советской и нынешней оценке дефиниции «добросовестность», так же понятие судебного усмотрения в советское время было внедрено, развито и унаследовано к сегодняшнему дню благодаря П. И. Люблинскому, дореволюционному правоведу, вошедшему в класс политических идеологов, основателей советских юридических норм. В понятие усмотрения судьи Люблинский включает оценочную власть, столкнувшуюся с частными субъектами общества; власть судьи выше интересов отдельных личностей в силу владения знанием⁴ (совестью, по Петражицкому, см. предыдущую главу). Таким образом, для граждан «интересы» занимают место свобод по аналогии с организациями (на сегодняшний день ср. с п. 2 ст. 12.1 Закона «О статусе судей»). В позднем советском правоведении воля в судебском усмотрении находилась на последнем месте. На первое место выходили «принципы права», продиктованные

1 Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. — Москва: Проспект, 2017 — с. 12—13, 15, 64—66, 70—71

2 Назаров И.Д. Этико—философский анализ факторов судебного усмотрения. — Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2017 — с. 119

3 Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Екатеринбург, 2008 — с. 10

4 Люблинский П.И. Основания судебного усмотрения в уголовных делах // Журнал Министерства юстиции. 1904. № 1 — с. 3—4

официальной идеологией⁵; их влияние на последующее законодательное становление сохраняется до сих пор.

Нынешняя доктрина интерпретирует усмотрение в предикатах «права» и «обязанности», обращает внимание на связь с «универсальными» юридическими принципами, которые теперь трактует в рамках не марксистского экономизма, а подражая нормам международного (западного) права. Умение судьи исполнять свои должностные обязанности интеллектуально ставится в прямую зависимость от «статусной» комфортности работы и требований Кодекса судейской этики. Усмотрение судьи прослеживается в форме мотивированной части судебного решения. Составление решения с учетом «конкретных» обстоятельств характеризуется как теоретико—практическая деятельность по толкованию юридической нормы с выявлением содержания правоотношения. Прецедент не является актом судебного усмотрения, усмотрение высших судебных инстанций реализуется в надзоре и указаниях по пересмотру постановлений нижестоящих судов. Усмотрение судов первой инстанции соотносится с общей идейной тенденцией действующей философии права, и, проходя через критику и осмысление доктринеров и других судов, внедряется в законодательство¹. Итак, судебное усмотрение схоластируется как способность классифицировать; ссылка на то, что судьи при усмотрении не творят закона, а являются частью исполнительной власти, достаточно старинная².

Если при определении дефиниций «справедливость», «добросовестность», «разумность» современная отечественная цивилистика избегает обращения к волевой теории права, то при трактовке термина «усмотрение» волевая природа права превалирует³. Так, отталкиваясь от теории интереса,

5 Боннер А.Т. Применение закона и судебное усмотрение // Советское государство и право. — Москва, 1979. — № 6 (июнь). — С. 36–42

1 Тарусина Н.Н. Проблемы судебного усмотрения по гражданским делам. — Ярославль: Яросл. гос. ун.—т. им. П. Г. Демидова — с. 3—4, 7, 14, 16—21, 27—31

2 Гольбах П. Избранные произведения. Том 2. — Москва: Издательство социально—экономической литературы, 1963 — с. 276—280

3 Игнатъев А.С. Проблемы усмотрения как общетеоретическая проблема в контексте практики Конституционного суда Российской Федерации. — Управленческое

усмотрение трактуется как умение судьи использовать диспозитивные нормы гражданского права. Стадии усмотрения здесь составляют самоанализ, выявление интереса, выбор цели, познание действительности и средств права личности, волевая субъективная реализация. Источником усмотрения выступают оценочные понятия законодательства. Значение оценочного понятия определяет сам судья, исходя из своего образования, юридической деятельности и обстоятельств дела. Правило поведения обуславливается предметно, субъективный интерес, внимание к индивидуально понимаемым деталям должно быть отсечено судьей в пользу объективных, универсальных критериев рассматриваемого конфликта, в этом заключается всеобщность действия доброй воли, по которой судья разрешает дело. Таким образом, постановление судьи является осуществлением права личности, а результат этого решения для истца и ответчика — правовой нормой доброй воли. Процесс усмотрения аналогичен законодательному мышлению; если при написании законов имеет место коллективная работа, то судья усматривает закон в одиночку, — это объективный и субъективный факторы правотворчества; единым в этом процессе является добрая воля — разумная деятельность по совершенствованию законов. Характер усмотрения зависит от оценки политического консенсуса правящей верхушки, практики судебных актов, личного правосознания, юридической доктрины, эстетических и моральных воззрений судьи. Важность оценочных понятий усмотрения выясняется с помощью прецедента, общественного мнения и юридической науки. Итог оценки усмотрения называется внутренним убеждением. Человека доброй воли, по примеру англоязычной юридической семьи, называют человеком разумным. При совокупности ин-

консультирование, 2012, № 3 — с. 115; Кораблина О.В. Усмотрение в правоприменительной деятельности: общетеоретический и нравственно—правовой аспекты. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Саратов, 2009 — с. 15; Жиленкова Т.В. Понятие и соотношение воли, риска и вины в гражданском праве России. — Сибирский юридический вестник. 2015. № 3 (70). С. 39

теллектуального и волевого возникает новое юридическое знание¹, равное истине. По последнему утверждению присутствует и обратное мнение².

По типу возникновения усмотрение бывает относительным (при конфликте законодательных норм), аналогичным (при обращении к подобным законам) и оценочное (при применении этико—правовых принципов). Этико—правовые принципы ограничивают судебное усмотрение³; тогда их называют «добрыми нравами», вспоминая древнеримские категории *fide*⁴. Усмотрение, таким образом, само является этико—правовой категорией⁵. Судейское усмотрение ограничено конституционными правами (презумпция невиновности, отсутствие обратной силы закона, гласность, состязательность) и нормами федеральных законов «О статусе судей» и «О судебной системе»⁶. Поскольку усмотрение есть выбор, суженный законом, то ограничения составляют также процессуальный предмет, монополия применения закона судьей и срок рассмотрения гражданского дела⁷.

Усмотрение является как юридической обязанностью судьи (неприменение акта публичной власти, противоречащей закону по абз. 13 ст. 12 ГК РФ), так и категорией доверия к суду⁸ (т. е. доброй воли, см. Введение). Рассматривая усмотрение как категорию этики в процессуальной практике,

1 Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. — Москва: Статут, 2010. — с. 154—165, 169—173, 197, 202, 418

2 Марков П.В. Проблема судебного усмотрения и установление правовых норм. — Труды Института государства и права Российской академии наук, 2010, № 6 — с. 130—131

3 Берг Л.Н. Судебное усмотрение и его пределы: общетеоретический аспект. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Екатеринбург, 2008 — с. 8, 20

4 Шевцов С.Г. Проблема ограничения свободного усмотрения в гражданском праве. — Бизнес в законе. 2012. № 3. С. 56, 59

5 Никитин А.А. Усмотрение в праве и его признаки. — Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2012, № 6 (89) — с. 39

6 Гук П.А. Принципы российского законодательства как технико—юридическое средство ограничения судебного усмотрения. — Юридическая техника, 2020, № 14 — с. 137—138

7 Артемова Д.И., Куканова И.А. Пределы применения судейского усмотрения. — Вестник Пензенского государственного университета, 2014, № 2 (6) — с. 30—31

8 Некрасов С.Ю. Инициатива суда и судейское усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. — ГлаголЪ правосудия. 2017. № 2 (14). С. 20, 23

укажем на применение судьей аналогии права; в этом случае усмотрение всегда связано с этико—правовыми законодательными принципами¹. Установленные принципами добросовестности и разумности границы судебного усмотрения держат баланс встречных интересов гражданско—правового спора², а с учетом модуса законности — справедливости (см. § 1.2.1), судебное усмотрение осуществляет и эту справедливость в своей деятельности³.

Объяснение современного российского института судебного усмотрения находится под влиянием инородческой доктрины, претендующей на тоталитарную универсальность, которая определяет судебское усмотрение как неосознанное создание нового права судьей с уточнением отделов юридических фактов, анализа и метода законодательной нормы. Осознанный аспект создания права заключается в осуществлении стандартов, установленных для судебной деятельности. Верховная судебная инстанция обладает законодательными функциями усмотрения. При этом добрая воля и аксиология отвергаются, усмотрение ограничивается морально—расплывчатыми принципами, аналогией, традицией и «дисциплиной системы». Личность судьи привязывается к этике долга и соответствия «человека справедливого». Справедливость по модусу приравнена к процессуальному поведению судьи, которое распространяется вовне судебной деятельности, на весь образ жизни судьи. Разумность при рассмотрении дела именуется материальным фактором, при этом абсурдно излагается позиция некоего идеально—разумного арбитра. Интерпретация усмотрения обосновывается наличием идеи в писаной юридической норме публичной политики и невозможностью рассматривать эту всегда сжа-

1 Фомина Л.А. Добросовестность при преодолении пробелов в гражданско—правовом регулировании. — Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, 2008, № 2 — с. 136; Федина А.С. Внедрение принципа добросовестности в законодательство о гражданском судопроизводстве. — Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 3. С. 135; Кораблина О.В. Усмотрение в правоприменительной деятельности: общетеоретический и нравственно—правовой аспекты. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Саратов, 2009 — с. 17

2 Кузнецова О.А. Системное толкование принципов гражданского права. — Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета, 2014, № 101 — с. 7—8

3 Артемова Д.И., Куканова И.А. Указ. соч. — с. 30

тую законодательную норму. Законодательство — сборник «неочищенного потенциала права», настоящий закон — судебное решение, принятое с учетом сохранения власти политических органов; «разумность» решения зависит от судьи, эмпирической оценки его личности, образования и уровня эмоциональности. Внутреннее убеждение навеяно интуицией, которая становится главной, поскольку во внутреннем созерцании «справедливости», отрицающей внешние знания об истине, ничего другого остаться не может. Господство права равно господству государственной власти, где судебская ветвь стоит ниже законодательной и исполнительной и поэтому призвана «воспитывать» людей в духе подчинения внешне сложившейся системе. Несмотря на то, что центральным элементом судебного усмотрения заявлено «общественное доверие»¹, в целом, приведенная доктрина примитивна, схоластична, приводит к религиозному иррационализму и не подходит для отечественных правовых отношений, насчитывающих, вместе с опытом римской юриспруденции, тысячи лет развития.

Под правом личности некоторые современные исследователи понимают свободу поведения, в гражданских отношениях называемых диспозитивностью. Это субъективное право подразделяется в материалистической идеологии на обладание социальным благом, которое обязует действовать как себя, так и других; государство в этой формуле необходимо как дубинка принуждения. Изначально гражданские правомочия искусственно переносятся в сферу уголовного права, и, обогатясь следственной практикой, возвращаются в цивилистику. В цивилистике субъективное право судьи заключается, в т. ч., в том, что он творит закон ввиду отсутствия законодательной нормы². Такая концепция искажает категорию свободы и личного правового поведения доброй воли, но, между тем, применимо к властным полномочиям судьи, кото-

1 Барак А. Судейское усмотрение. — Москва: Норма, 1999 — с. 4, 309, 145, 297 —298, 20—25, 32—37, 75, 142, 158, 162—180, 183—184, 187—188, 192, 204, 276, 287, 293, 301—302

2 Судебная власть (ред. И.Л. Петрухин). — Москва: Проспект, 2003 — с. 287, 648

рый обладает и реализует, в силу своих профессиональных обязанностей, это изуродованное право личности.

Судебное право есть обычай правового сознания судьи¹. Власть судеб-ского усмотрения представляет собой односторонний тип власти императивно—публичного характера. С увеличением судебного усмотрения публично—императивный тип власти превращается в частно—императивный тип вла-сти², что соответствует однобоко понимаемому праву личности и введению в цивилистику обязательственных норм, что рассмотрено выше.

Сегодня в отечественной доктринально—комментаторской юридиче-ской мысли существует мнение о разном значении терминов «усмотрение» и «дискреция». Дискреция — выбор судьи в рамках предложенных законом ва-риантов, усмотрение — право личности судьи, главным элементом которого является внутреннее убеждение. Российское законодательство исключает усмотрение, но допускает дискрецию, полагают авторы. Усмотрение присут-ствует в гражданском судопроизводстве при применении этико—правовых принципов, аналогий и обычая, связанных с оценочными юридическими ка-тегориями. Точное соотношение права и усмотрения указать невозможно. В содержание усмотрения входит применение юридических норм с выяснением обстоятельств, на которые ссылаются стороны гражданского спора, а также:

— исследование и оценка доказательств, дополнение и конкретизация юридических фактов (стт. 55—61, 67—69, 71—73, 86, 181, 183, 186, 285, 293 ГПК РФ) и

— соотнесение фактических и процессуальных обстоятельств дела (стт. 79, 86—87, 134, 139, 215—216, 220, 222, 446 ГПК РФ).

Исключение следственного элемента из гражданского процесса (истре-бование судом доказательств по собственной власти) приближают судебную систему романо—германского типа к судам англо—американской системы

1 Азаревич Д.И. Судостроительство и судопроизводство по гражданским делам. Том 1. Выпуск 1. — Варшава, 1891 — с. 93—94

2 Папкова О.А. Усмотрение суда. — Москва: Статут, 2005 — с. 203—204

права, в которых действует принцип полной «свободы» состязательности (т. е. каждая сторона самоответственна за исход дела; проигрыш — не результат судебного постановления, а собственная слабость, не сумевшая привести достаточных аргументов для победы). Обычай делового оборота при толковании способен перекрыть все прочие правовые условия, становясь, тем самым, основой теоретического обоснования усмотрения. В этих условиях этико—правовые принципы изначально задуманы как неясные, двусмысленные, с целью гибкости в выборе судьями «подходящего» решения. Мотивация судебной деятельности, стоящая в центре усмотрения, регулируется стг. 195, 198, 225 ГПК РФ, которые фиксируют нормы судебной обоснованности и законности. Справедливость каждый понимает по—своему, поэтому она не входит в назначение судейского усмотрения. Законность усмотрения выражает универсальные идеалы ценностного прогресса общества. Критерии законности устанавливаются государством в позитивном праве¹. Задача законодателей—чиновников, составителей официальных нормативно—правовых сборников — постоянно редактировать писаное право, приближая его к естественному праву.

Усмотрение — правотворчество прецедента. Прецедентный характер усмотрения обусловлен доктриной «*stare decisis*», при которой судья уверен априори в своей правоте и творит правосудие в соответствии со своим профессионализмом и знанием законодательства². Это гуманитарное творчество личности противопоставлено строгой математической сущности законодательных норм. Таким образом, имеет место единство разума (разумности, доброй воли) и чувства³ (интуитивного начала любого знания по Т. Риду). По причине того, что усмотрение — всегда выбор юридических норм и правовых нормативов, этот отбор открывает сферу правосознания в судопроиз-

1 Там же — с. 5, 10—17, 40, 43, 57—58, 90—91, 212—222, 233, 263

2 Артемова Д.И., Куканова И.А. Указ соч. — с. 31

3 Мерзликина Р.А., Бойко Д.В. Соотношение свободы, правовой инициативы и усмотрения. — Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3 (38). С. 17

водстве¹. Культура права порождает культуру правоприменения, а правоприменение порождает право личности судьи. Все перечисленные категории носят нравственную оценку. Право личности судьи есть этика судьи². Осуществление права личности судьи зависит от его воспитания и образования³ — элементов доброй воли. При учете оценочных понятий права проявляется диспозитивность цивилистики и выходит на первый план проблема коллизии. В связи с тем, что из законодательных принципов наиболее близко к доброй воле стоит дефиниция разумности, то при соотношении права и доброй воли соблюдается законность, понимаемая не как формализм, а как подконтрольность целесообразности, т. е. усмотрение не изменяет правовую норму, но правильно ее использует⁴. Моральный аспект усмотрения влияет на принятие решения, но локализован юридическими нормами. Совокупность юридического и морального (соотношения доброй воли и права) называется правосознанием. Для его регуляции необходим Кодекс Чести судьи⁵ (сейчас действует Кодекс судейской этики). По сути, даже при самом узком значении судейского усмотрения (выбор между законодательными нормами), как и всякий выбор, усмотрение аффективно⁶, случайно, выстраивание схоластических классификаций не объясняет процессы мышления, влияющих на личные предпочтения судьи. В итоге, усмотрение — сенсуальный, а не раци-

1 Мережкина М.С. Принцип добросовестности как вектор обновления гражданского законодательства. — Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 4 (21). С. 80

2 Мухортов А.А. Соотношение правовых и нравственных начал при реализации права на судейское усмотрение. — Вестник экономической безопасности, № 11, 2011 — с. 95

3 Ведерников А.В. Судейское усмотрение в российском арбитражном и гражданском процессе: правовые и социальные аспекты. — Известия Байкальского государственного университета, 2017, т. 17, № 3 — с. 423

4 Артемова Д.И., Куканова И.А. Указ соч. — с. 33. Обратное мнение: Маслов В.А. Судейское усмотрение в решениях Верховного суда Российской Федерации. — Вестник Казанского юридического института МВД России, 2019, № 2 (36) — с. 224

5 Кораблина О.В. Усмотрение в правоприменительной деятельности: общетеоретический и нравственно—правовой аспекты. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Саратов, 2009 — с. 3, 8—9, 11, 19

6 Назаров И.Д. Этико—философский анализ факторов судебного усмотрения. — Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2017 — с. 118

ональный аспект мышления, в который входит интуиция, эмоции, воля, интеллектуальные способности¹.

Итак, судебное усмотрение — это модус юрисдикционной формализованности, что в единстве являет законообоснованный судебный процесс.

2.2. Постановления высших судебных органов, раскрывающие этико—правовые категории, применяемые в судебной деятельности

Особое внимание следует обратить на акты Верховного и Конституционного судов, которые своей прецедентной² силой определяют характер соотношения доброй воли и права. Высшие судебные инстанции создают новый закон и ограничивают нижестоящие суды. Таким образом, судьи подчиняются не только закону, но и вышестоящему начальству³. В Постановлении Пленума ВС РФ от 19. 12. 2003 г. N 23 (ред. от 23. 06. 2015) "О судебном решении" указано:

«Если имеются противоречия между нормами процессуального или материального права, подлежащими применению при рассмотрении и разрешении данного дела, то решение является законным в случае применения судом в соответствии с частью 2 статьи 120 Конституции Российской Федерации, частью 3 статьи 5 Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации" и частью 2 статьи 11 ГПК РФ нормы, имеющей наибольшую юридическую силу. При установлении противоречий между нормами права, подлежащими применению при рассмотрении и разрешении дела, судам также необходимо учитывать разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данные в Постановлениях от 31 октября 1995 г. N 8 "О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия" и от 10 октября 2003 г. N 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации"».

1 Мухортов А.А. Указ. соч. — с. 96

2 Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. — Москва: Статут, 2010. — с. 210—218; Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. — Москва: Проспект, 2017 — с. 372—377

3 Папкова О.А. Указ. соч. — с. 377

Императивные решения высших судебных инстанций порождают правовые нормы и регулируют общественное мнение благодаря распространению принятых положений средствами массовой информации⁴. Решения Конституционного суда обязательны для исполнения всеми судами России (ст. 6 ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации"). Судья Конституционного суда приносит нравственно—возмездное обещание — клятву: «"Клянусь честно и добросовестно исполнять обязанности судьи Конституционного Суда Российской Федерации, подчиняясь при этом только Конституции Российской Федерации, ничему и никому более"» (ст. 10 ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации"). Таким образом, правовое регулирование Конституционный суд осуществляет в соответствии с моральным императивом.

Нравственные проблемы при заключении сделки затронуты в Постановлении КС РФ от 21. 04. 2003 N 6—П "По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации...":

«...в силу статей 15 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (части 1 и 3) Конституции Российской Федерации и исходя из общеправового принципа справедливости защита права собственности и иных вещных прав, а также прав и обязанностей сторон в договоре должна осуществляться на основе соразмерности и пропорциональности, с тем чтобы был обеспечен баланс прав и законных интересов всех участников гражданского оборота — собственников, сторон в договоре, третьих лиц. При этом возможные ограничения федеральным законом прав владения, пользования и распоряжения имуществом, а также свободы предпринимательской деятельности и свободы договоров также должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, пропорциональными, соразмерными, носить общий и абстрактный характер, не иметь обратной силы и не затрагивать существо данных конституционных прав, т.е. не ограничивать пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм. Сама же возможность ограничений, как и их характер, должна обуславливаться необходимостью защиты конституционно значимых ценностей, а именно основ конституционного строя, нрав-

4 Петрунина А.А. Проблемы соотношения единства судебной практики и судебного прецедента. — Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2016, № 1 (108) — с. 40—41

ственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Далее судебный орган ссылается на нормы международного права, что указывает на их идеологическую ориентацию в системе мировоззрения «прав человека», т. е. переноса биологического равенства в социальную плоскость с диктатом государственной власти определять, что является неотчуждаемо биологическим, а что нет. Поскольку эта концепция изначально технически противопоставлена этике доброй воли, судьи—конституционалисты в этом же постановлении «для объективности» добавляют к международно—правовым образцам отсылку на соблюдение в сделке «доброй воли, разумной осмотрительности и осторожности»:

«применение последствий недействительности сделки в форме двусторонней реституции не ставится в зависимость от добросовестности сторон».

«содержащиеся в пунктах 1 и 2 статьи 167 ГК Российской Федерации общие положения о последствиях недействительности сделки в части, касающейся обязанности каждой из сторон вернуть другой все полученное по сделке, — по их конституционно—правовому смыслу в нормативном единстве со статьями 166 и 302 ГК Российской Федерации — не могут распространяться на добросовестного приобретателя, если это непосредственно не оговорено законом, а потому не противоречат Конституции Российской Федерации».

Названное правовое регулирование отвечает целям обеспечения стабильности гражданского оборота, прав и законных интересов всех его участников, а также защиты нравственных устоев общества, а потому не может рассматриваться как чрезмерное ограничение права собственника имущества, полученного добросовестным приобретателем, поскольку собственник обладает правом на его vindикацию у добросовестного приобретателя по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 статьи 302 ГК Российской Федерации. Кроме того, собственник, утративший имущество, обладает иными предусмотренными гражданским законодательством средствами защиты своих прав». Третьим элементом в постановлении суда назван «конституционные принципы свободы экономической деятельности и свободы договоров».

Дополнительно нравственные реитерации закреплены в Определении КС РФ от 08. 06. 2004 N 226—О:

«Понятия "основы правопорядка" и "нравственность", как и всякие оценочные понятия, наполняются содержанием в зависимости от того, как

их трактуют участники гражданского оборота и правоприменительная практика, однако они не являются настолько неопределенными, что не обеспечивают единообразное понимание и применение соответствующих законоположений. Статья 169 ГК Российской Федерации указывает, что квалифицирующим признаком антисоциальной сделки является ее цель, т.е. достижение такого результата, который не просто не отвечает закону или нормам морали, а противоречит — заведомо и очевидно для участников гражданского оборота — основам правопорядка и нравственности. Антисоциальность сделки, дающая суду право применять данную норму Гражданского кодекса Российской Федерации, выявляется в ходе судопроизводства с учетом всех фактических обстоятельств, характера допущенных сторонами нарушений и их последствий».

Определение КС РФ от 03. 02. 2010 N 136—О—П касается категории «доверия», которая, как нами установлено во Введении, аналогична доброй воле; итак, доверие «гражданин к закону и действиям государства, предполагающий правовую определенность, сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм и предсказуемость законодательной политики, с тем чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действительности их государственной защиты».

Моральный аспект судопроизводства затронут в Постановлении КС РФ от 21. 04. 2010 N 10—П:

«...принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3), — это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты путем восстановления нарушенных прав и свобод, которая должна быть обеспечена государством. Иное не согласуется с универсальным во всех видах судопроизводства требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости, умаляет и ограничивает право на судебную защиту, в рамках осуществления которого возможно обжалование в суд решений и действий (бездействия) любых государственных органов, включая судебные (Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 года N 4—П, от 3 февраля 1998 года N 5—П, от 28 мая 1999 года N 9—П, от 11 мая 2005 года N 5—П и др.).»

«3. Гарантированное Конституцией Российской Федерации право на судебную защиту подразумевает создание государством необходимых условий для эффективного и справедливого разбирательства дела именно в суде первой инстанции, где подлежат разрешению все существенные для определения прав и обязанностей сторон вопросы. Допущенные же судом первой инстанции ошибки должны исправляться судом второй инстанции в проце-

дурах, наиболее приближенных к производству в суде первой инстанции. При этом, поскольку право на справедливое разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом предполагает также окончательность и стабильность судебных актов, вступивших в законную силу, и их исполнение, основное бремя пересмотра решений суда первой инстанции переносится на обычные (ординарные) судебные инстанции — апелляционную и кассационную (Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года и от 17 ноября 2005 года N 11—П)».

Обоснование судьейского усмотрения содержится в Постановлении КС РФ от 19. 03. 2010 г. N 7—П:

«Конституционный Суд Российской Федерации, раскрывая конституционное содержание права на судебную защиту (Постановления от 2 февраля 1996 года N 4—П, от 3 февраля 1998 года N 5—П, от 5 февраля 2007 года N 2—П и др.), пришел к выводу, что — поскольку в рамках судебной защиты прав и свобод возможно обжалование в суд решений и действий (бездействия) любых государственных органов, включая судебные, — отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным правилом эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, умаляет и ограничивает данное право. Институциональные и процедурные условия пересмотра ошибочных судебных актов во всяком случае должны отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты, прозрачности осуществления правосудия, исключать возможность затягивания или необоснованного возобновления судебного разбирательства и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения и вместе с тем — правовую определенность, включая признание законной силы судебных решений, их неопровержимости (res judicata), без чего недостижим баланс публично—правовых и частноправовых интересов.

3. Закрепляя на основе Конституции Российской Федерации порядок судебной проверки решений судов по жалобам заинтересованных лиц, федеральный законодатель, пределы усмотрения которого при установлении системы судебных инстанций, последовательности и процедуры обжалования, оснований для отмены или изменения судебных постановлений вышестоящими судами, полномочий судов вышестоящих инстанций достаточно широки, должен осуществлять соответствующее регулирование исходя из конституционных целей и ценностей, общепризнанных принципов и норм международного права и международных обязательств Российской Федерации.

Реализуя указанные дискреционные полномочия, федеральный законодатель предусмотрел в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации способы пересмотра судебных постановлений: производство в суде апелляционной и кассационной инстанций — для не вступивших в законную силу судебных постановлений (главы 39 и 40), а также производство в

суде надзорной инстанции и пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам решений, определений суда, постановлений президиума суда надзорной инстанции, вступивших в законную силу (главы 41 и 42).

Поскольку вторжение в сферу действия принципа стабильности судебного решения, вступившего в законную силу, может повлечь существенное изменение правового положения сторон, уже определенного таким решением, в том числе в сторону его ухудшения, закрепление в законе экстраординарных, чрезвычайных по своему характеру способов обжалования вступивших в законную силу судебных постановлений требует установления специальной процедуры открытия соответствующего производства, ограниченного перечня оснований для отмены таких судебных постановлений, которые не могут совпадать с основаниями для отмены судебных постановлений в ординарном порядке, а также закрепления особых процессуальных гарантий для защиты как частных, так и публичных интересов от их необоснованной отмены».

Несложно заметить, что позитивистские трактовки Зорькина¹ являются средством управления, сам же родоначальник современной российской правовой доктрины придерживается религиозной теории права. Отсюда

«ходатайство о разъяснении не подлежит удовлетворению, если поставленные в нем вопросы не требуют какого—либо дополнительного истолкования решения» (Определение КС РФ от 16. 12. 2010 N 1650—О—О).

Зорькин, чье научно—юридическое мировоззрение формировалось в 70—80 гг., т. е. в эпоху отказа от культа Ленина и утверждения «перестроечных» тенденций, и по вопросу о доброй воле наиболее близок к «неопротестантским» трактовкам, идеологически близкими к классическому марксизму².

Итак, постановления Конституционного суда носят религиозно—потайной, а следовательно, алогичный, «семиотический» характер; поэтому эти решения как отрицают правовое регулирование материальных отношений,

1 Неправовой взгляд на позитивное право в трактовке Зорькина отмечен: Бабурин С.Н. Современное общество между несправедливым законом и справедливым беззаконием. // В сб.: Социальная справедливость и право: проблемы теории и практики Материалы международной научно—практической конференции. Под общей ред. Т. А. Сошниковой. 2016. С. 24

2 Ср. упоминания «неопротестантизма» в словарях по этике 1981 и 1989 гг. и приписывание Лютеру в последнем авторство теории морального добра: Словарь по этике (ред. И. С. Кон). — Москва: Издательство политической литературы, 1981 — с. 73; Словарь по этике (ред. А. А. Гусейнов, И. С. Кон). — Москва: Издательство политической литературы, 1989 — с. 198

так и требуют для своего уяснения знания религиозных особенностей мышления, что не подходит для юридической сферы, и, тем более, для этики доброй воли в праве.

Обратимся к постановлениям Верховного суда России по нравственно —юридической тематике.

Ключевая модель воли при заключении сделки отмечена в Постановлении Пленума ВС РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29. 04. 2010 (ред. от 23. 06. 2015). Согласно а. 2 п. 39, *«Недействительность сделки, во исполнение которой передано имущество, не свидетельствует сама по себе о его выбытии из владения передавшего это имущество лица помимо его воли. Судам необходимо устанавливать, была ли воля собственника на передачу владения иному лицу».*

И далее в а. 2 п. 42: *«Если доля в праве общей долевой собственности возмездно приобретена у лица, которое не имело права ее отчуждать, о чем приобретатель не знал и не должен был знать, лицо, утратившее долю, вправе требовать восстановления права на нее при условии, что эта доля была утрачена им помимо его воли. При рассмотрении такого требования по аналогии закона подлежат применению статьи 301, 302 ГК РФ. На это требование распространяется общий срок исковой давности, предусмотренный статьей 196 ГК РФ».*

Юридическое действие добросовестности содержится в Постановлении Пленума ВС РФ от 23. 06. 2015 N 25:

«Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации».

«Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались (статья 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), статья 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ)).

Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие

защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (пункт 2 статьи 10 ГК РФ), например, признает условие, которому недобросовестно воспрепятствовала или содействовала эта сторона соответственно наступившим или ненаступившим (пункт 3 статьи 157 ГК РФ); указывает, что заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения (пункт 5 статьи 166 ГК РФ)».

Приведенные трактовки не только привязаны к «знаниевой» интерпретации понятий «совести» и «добросовестности», но, главным образом, продвигают торговый характер «цивилистических» отношений. Так, в а. 2 п. 2,

«Подлежит применению обычай как зафиксированный в каком—либо документе (опубликованный в печати, изложенный в решении суда по конкретному делу, содержащему сходные обстоятельства, засвидетельствованный Торгово—промышленной палатой Российской Федерации), так и существующий независимо от такой фиксации».

«25. Применяя положения статьи 53.1 ГК РФ об ответственности лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица, следует принимать во внимание, что негативные последствия, наступившие для юридического лица в период времени, когда в состав органов юридического лица входило названное лицо, сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности и (или) неразумности его действий (бездействия), так как возможность возникновения таких последствий связана с риском предпринимательской и (или) иной экономической деятельности».

«50. По смыслу статьи 153 ГК РФ при решении вопроса о правовой квалификации действий участника (участников) гражданского оборота в качестве сделки для целей применения правил о недействительности сделок следует учитывать, что сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (например, гражданско—правовой договор, выдача доверенности, признание долга, заявление о зачете, односторонний отказ от исполнения обязательства, согласие физического или юридического лица на совершение сделки).

51. Согласно пункту 2 статьи 154 ГК РФ односторонней считается сделка, для совершения которой в соответствии с законом, иными правовыми актами или соглашением сторон необходимо и достаточно выражения воли одной стороны. Если односторонняя сделка совершена, когда законом, иным правовым актом или соглашением сторон ее совершение не предусмотрено или не соблюдены требования к ее совершению, то по общему правилу такая сделка не влечет юридических последствий, на которые она была направлена.

52. Последствия недобросовестных действий (бездействия) стороны сделки, способствовавших наступлению или ненаступлению условия, уста-

новлены пунктом 3 статьи 157 ГК РФ. Если наступлению условия недобросовестно воспрепятствовала сторона, которой наступление условия невыгодно, то условие признается наступившим. Если наступлению условия недобросовестно содействовала сторона, которой наступление условия выгодно, то условие признается ненаступившим».

С другой стороны, высший судебный орган России перестраховывается, оставляя гражданское право в оккупации торгового права, но исключая из этой области объяснение воли и совести по концептам знание—незнание (взгляд Петражицкого). В Постановлении Пленума ВС РФ от 23. 06. 2015 N 25 отмечено:

«72. Сторона сделки, из поведения которой явствует воля сохранить силу оспоримой сделки, не вправе оспаривать эту сделку по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать, когда проявляла волю на сохранение сделки (пункт 2 статьи 166 ГК РФ)».

«85. Согласно статье 169 ГК РФ сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна.

В качестве сделок, совершенных с указанной целью, могут быть квалифицированы сделки, которые нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои. К названным сделкам могут быть отнесены, в частности, сделки, направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте (соответствующие виды оружия, боеприпасов, наркотических средств, другой продукции, обладающей свойствами, опасными для жизни и здоровья граждан, и т.п.); сделки, направленные на изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду; сделки, направленные на изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг; сделки, нарушающие основы отношений между родителями и детьми.

Нарушение стороной сделки закона или иного правового акта, в частности уклонение от уплаты налога, само по себе не означает, что сделка совершена с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности.

Для применения статьи 169 ГК РФ необходимо установить, что цель сделки, а также права и обязанности, которые стороны стремились установить при ее совершении, либо желаемое изменение или прекращение существующих прав и обязанностей заведомо противоречили основам правопорядка или нравственности, и хотя бы одна из сторон сделки действовала умышленно».

«87. Согласно пункту 2 статьи 170 ГК РФ притворная сделка, то есть сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, в том

числе сделку на иных условиях, с иным субъектным составом, ничтожна. В связи с притворностью недействительной может быть признана лишь та сделка, которая направлена на достижение других правовых последствий и прикрывает иную волю всех участников сделки. Намерения одного участника совершить притворную сделку для применения указанной нормы недостаточно».

Обобщающие замечания на этико—правовые принципы гражданского права сформулированы в Обзоре судебной практики разрешения дел по спорам, возникающим в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости (утв. Президиумом ВС РФ 19. 07. 2017):

«Требование добросовестности и разумности участников гражданского оборота является общим принципом гражданского права, применимым и к положениям о расторжении договора, что подтверждается пунктом 4 статьи 450 Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающим, что сторона, которой данным кодексом, другими законами или договором предоставлено право на одностороннее изменение договора, должна при осуществлении этого права действовать добросовестно и разумно в пределах, предусмотренных данным кодексом, другими законами или договором.

Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации».

Как мы видим, Верховный суд отправляет дела на пересмотр нижестоящим судам и указывает им, как надо применить давно установленные законодательные нормы, словно учитель младших классов двоечникам, что иначе как позорищем назвать нельзя. Цифровизация законодательства, организованная в контру советской закрытости и секретности нормативно—правовых актов, основные этапы которой произошли в 1985 (внедрение единых информационных систем), 1992 (официальное основание «Консультант Плюс»), 1994 (автоматизация экономико—правовой информации через системы «Артикс»), 2000 (Указ и. о. Президента РФ от 15. 03. 2000 N 511 "О классификаторе правовых актов", согласно которому рубрикатор правовых актов первичен по отношению к Собранию законодательства Российской Федерации) и

2002 (появление классификатора правовых актов) годах, продолжилось в 2015 г., с ведением Судебным департаментом при Верховном суде систематизации банка законодательства (пп. 16 п. 1 ст. 6 ФЗ "О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации"), с переносом классификатора правовых актов в рубрикатор «Консультанта Плюс», генерированием «государственного задания» и информационно—правовым обеспечением судебной деятельности (пп. 16.1—16.2 п. 1 ст. 6) означает не только диктат определения законного поля информации в ведение клерков при Верховном суде, но и утверждение истока законодательства в интернет—паутине. Вкупе с диктатом доктрины процессуальной истины это уравнивает естественно—правовые, исторические и позитивистские нормы нынешнего российского права. «Перечень позиций высших судов к ст. 10 ГК РФ "Пределы осуществления гражданских прав"»¹ — кодификационный сборник, составленный специалистами «Консультанта Плюс», свидетельствует, что законодательные этико—правовые нормы актуально вводят в электронно—информационный оборот интернета.

Таким образом, констатирование высшими судебными органами России очевидных известных положений Гражданского кодекса подтверждает боязнь нижестоящих судов применять действующее законодательство без прямого указания вышестоящего начальства.

2.3. Проблема судебного усмотрения при недобросовестном поведении сторон в гражданском процессе

Перед тем как завершить наше исследование высшим элементом соотношения доброй воли и права — внутренним убеждением судьи — рассмотрим поставленную тему под углом противодействия, которое оказывают до-

¹ Перечень позиций высших судов к ст. 10 ГК РФ "Пределы осуществления гражданских прав". URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PPVS&n=46#ux6klhSvv5SMoHJ4>

брая воля и право вредоносным действиям участников гражданских отношений (шикана) и недобросовестному поведению сторон (эстоппель).

Шикана и эстоппель — инструменты этико—правовых принципов¹. Шикана близка к деликту; с этой точки зрения запрет злостного поведения закономерен как ограничение эгоизма для прочности правового порядка². Государство принуждает, запрещая нанесение вреда, законодательно противодействуя недобросовестному поведению частных субъектов³, но не судей, о чем ниже, сейчас укажем лишь, что таким неправильным образом судьи наделяются правом личности, а у остальных право личности отнимается, но провоцируется недобросовестность с целью вернуть право личности. Элемент деликта есть и в эстоппеле, который позволяет закрепить исполнение договорных обязательств⁴. В связи с тем, что демонстрацией воли в гражданском праве является сделка⁵, этико—правовой характер эстоппеля проявляется в том, что ст. 169 ГК РФ устанавливает ничтожность сделки, противной добрым нравам, что подтверждено в Определении КС РФ от 08. 06. 2004 № 226—О.

Введение эстоппеля в российское законодательство образует рамку предсказуемых отношений при совершении сделок, где ключевым элементом становится воля по стт. 153, 167, 179 ГК РФ. В этих статьях воля есть механизм сознания, который создается юридической дееспособностью и выбором ответственности⁶, поэтому дефект воли, недееспособность, ведет к ничтож-

1 Воднев А.Н. К вопросу о доктрине эстоппель в российском праве. — Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 2. С. 77

2 Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. — Петроград, 1917 — с. 96—97

3 Пустомолотов И.И. Категория «недобросовестность» в гражданском законодательстве. — Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки, 2012 — с. 121

4 Богданов Д.Е. Справедливость как основное начало гражданско—правовой ответственности в российском и зарубежном праве. — Москва: Проспект, 2015. — с. 92—93

5 Лазарева О.В. Дефекты воли субъектов в гражданском законодательстве: вопросы теории и практики. — Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 4. С. 61

6 Там же. С. 60—61

ности сделки¹. С другой стороны, занижение разумности — распространенный прием, позволяющий делать стандартом поведения заведомо глупые, мошеннические поступки. Если п. 4 ст. 450 предполагает добросовестное поведение стороны, от чьей личной воли зависит изменение, то в других пунктах в этой же статье утвержден приоритет общей воли договаривающихся сторон.

Эстоппель ограничивает свободу договора и набор защитной аргументации². В ГК РФ на сегодняшний день эстоппель в материальных отношениях не применяется до тех пор, пока суд не установит факт нарушения добрых намерений и действий, т. е. эстоппель — процессуальный аспект. Нельзя забывать, что, согласно п. 1 ст. 168 ГК РФ, любая сделка является оспоримой, что противоречит презумпции добросовестности.

Механизм действия доброй воли зафиксирован в ст. 428 ГК РФ³, по которой договор заключается в одностороннем порядке, при этом осведомленная сторона разумно учитывает интересы контрагента, т. е. имеет место признание универсальности мышления. Таким образом, гражданские институты — это институты доверия между людьми⁴, т. е. доброй воли. Подача иска — есть акт доброй воли⁵ в том смысле, что в схеме защиты гражданских прав используется эстоппель — запрет отрицать то, что ранее признавалось в соответствии с древнеримской категорией *bona fides*⁶. Отказ в защите прав недобросовестных уравнивает их с добросовестными в силу законодательной

1 Мельник С.В., Мальбин Д.А. Эстоппель в Гражданском кодексе Российской Федерации. — Юрист—Правоведь. 2017. № 4 (83). С. 147—148

2 Роор К.А. Понятие и сущность эстоппеля. — Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92). С. 72—73

3 Сазанова И.В. К проблеме судебной коррекции свободы договора в гражданском праве РФ. — Научный альманах. 2015. № 7 (9). С. 1151

4 Лескина Э.И. Эстоппель в российском цивилистическом процессе. — Российский юридический журнал. 2018. № 1 (118). С. 108

5 Адамович В.И. Очерк русского гражданского процесса. — С.—Петербург, 1894 — с. 130

6 По доктрине *venire contra factum proprium*, см.: Грибов Н.Д. Доктрина запрета противоречивого поведения. — Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3 (112). С. 128—135

презумпции добросовестности¹. Неправовым инструментом добрую волю делает то обстоятельство, что эстоппель есть утрата права², привилегии судебного поединка, в котором можно защищать себя любыми способами (как, например, неограниченная процессуальная защита закреплена в ст. 47 УПК РФ). Утрата презумпции добросовестности происходит в соответствии с п. 5 ст. 166 ГК РФ о недействительности сделки, п. 2 ст. 431.1 о недействительности договора и п. 3 ст. 432 о запрете признания договора не заключенным на основании противоречия принципу добросовестности. Определяется эстоппель при внесении соответствующих сведений о действиях и поведении сторон в протокол судебного заседания³. Признак противоречивого поведения, отказ от взятых обязательств по договору, также прописан в п. 5 ст. 450.1 ГК РФ. Судья, внося в мир процессуальных фактов сообщение о недобросовестности частного субъекта, осуществляет инквизиционные полномочия⁴, что противоречит нынешним судебным принципам, согласно которым судья беспристрастен, но субъективен⁵. В судопроизводстве признаками злоупотребления правом являются нанесенный вред (уничтожение благ) и причинение убытков (ущерб или упущенная выгода). Злоупотребление может быть умышленным (по злему умыслу) и по неосторожности. При нарушении процессуальных прав судья лично определяет факт злоупотребления в каждом конкретном случае, руководствуясь принципами доброй воли — добросовестностью и разумностью. В этом заключается часть судейского усмотрения. При злоупотреблении правами они используются не по целевому назна-

1 Роор К.А. Указ соч. С. 75

2 Воднев А.Н. Указ. соч. С. 70—71

3 Куликов К.А. Принцип объективной и субъективной добросовестности и механизм его реализации в гражданском праве России. — Право. Законодательство. Личность. 2016. № 2 (23). С. 45; Ивкова А.В., Кротова Е.С. Некоторые особенности применения доктрины «эстоппель» в гражданском судопроизводстве Российской Федерации. — Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 3. С. 168

4 Ананьин Д.М. Процессуальная активность суда в противодействие злоупотреблениям процессуальными правами. — Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 4. С. 90

5 Вавилин Е.В., Чекмарева А.В. Некоторые проблемы добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей: материальный и процессуальный аспекты. — Вестник Томского государственного университета, 2020, № 451. С. 200

чению, а как инструмент торможения и искажения установления процессуальной истины. В эти недобросовестные способы входят:

- заведомо необоснованное обращение за судебной защитой,
- изменение подсудности, извращение порядка правильной процедуры подачи иска, связанное с выбором места подсудности (Глава 3 ГПК РФ) и с пределами ответственности арбитражных и судов общей юрисдикции в неисковом производстве по п. 4 ст. 21 и ст. 22.1 ГПК РФ,
- перманентное затягивание рассмотрения дела, в т. ч. механическими ходатайствами, заявлениями, требованиями, вызовом новых и новых свидетелей, которое, повторимся, не имеет целью достигнуть существенного результата процесса.

В случае установления перечисленного, суд накладывает ответственность за потерю времени (ст. 99 ГПК РФ). В ГПК РФ также установлен ряд норм, определяющих понятие злоупотребления гражданскими правам в судопроизводстве. Ч. 2 ст. 284 подсказывает судьям, что необходимо взыскать издержки со злоумышленника, который пытался объявить дееспособного человека недееспособным. Общая подсказка этого рода содержится в ч. 2 ст. 319, а прочие вопросы, связанные со взысканием издержек с недобросовестного сутяжника, изложены в ст. 98. Моральный компонент здесь состоит в том, что поведение стороны в процессе в глазах судьи должно выглядеть правдивым; если судья усмотрит, что человек использует законодательные нормы добросовестно, делу будет дан позитивный ход; если же судья на уровне «внутреннего убеждения» сочтет, что одна сторона его обманывает во вред другой стороне процесса, те же законодательные нормы станут трактоваться как злоупотребление правом¹.

Однородное соотношение доброй воли и права происходит при оценке поведения самого судьи квалификационной комиссией: судья, как безоговорочно юридически грамотный субъект, способен, формально оставаясь в рамках закона, нарушить процессуальные возможности сторон путем затягива-

1 Папкова О.А. Усмотрение суда. — Москва: Статут, 2005 — с. 122—145

ния и игнорирования своих обязанностей; квалификационная комиссия, при рассмотрении жалоб на судебские действия и бездействия, анализирует именно нравственный характер интересов и прав пострадавших от недобросовестности судьи. В неправой внутрикорпоративной межсудейской борьбе соответствие не только профессиональной компетенции, но и доброй воле становится критерием для вытеснения судей недоброй воли со своих должностей и продвижения в высшие и контрольные органы добросовестных судебных работников. Подчеркнем, что в этом случае добрая воля есть не результат нравственной осознанности, а удобный инструмент конкуренции в условиях запрета репрессий номенклатурщиков. Сделанный вывод говорит о деградации судебной системы, следующим провалом в которой будет юридическая безграмотность судей¹. Так судебным аспектом недобросовестности становится отказ в защите прав. Отсутствие добросовестности у судьи влечет нарушение истины — суд принимает решение, руководствуясь недобросовестным поведением частных субъектов, ложными доказательствами² и коррупционным наймом — выполнением обязанностей вместо заинтересованной некомпетентной стороны³.

Эстоппель классифицируется на:

- заверение в добрых намерениях,
- обязанность действовать справедливо и ответственно,
- осознание, что сделка завершена и ее условия не могут быть изменены в рамках заключенных условий,
- преюдицию истинности судебного решения,

1 «...так как эта громадная власть должна была где—либо выступить из своих пределов, появился другой род тирании, не столь явный. Место смертных казней заняли неправедные суды — формы правосудия, которые, по—видимому, отдаляли смерть только для того, чтобы покрыть позором жизнь» — Монтескье Ш. Размышления о причинах величия и падения римлян. — Москва: Кучково поле, 2002 — с. 350

2 Вавилин Е.В., Чекмарева А.В. Указ. соч. С. 198—199

3 Юдин А.В. Широкое и узкое понимание категорий «добросовестность» и «злоупотребление правом» в гражданском судопроизводстве. — Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2014. № 1 (15). С. 41

— запрет изменения первоначальных материальных оснований иска⁴.

Если недобросовестность может быть объективной (стт. 157, 1103 ГК РФ) и субъективной (ст. 1109 ГК РФ)², заведомой или неосознанной³ (ср. со злонамеренностью и небрежностью (незнанием)⁴), то эстоппель делится на частный и юрисдикционный. Частный эстоппель — обжалования действий судьи и ходатайства об отложении дела, а юрисдикционный — установленные судьей обстоятельства, которые впоследствии не обсуждаются; сюда, в т. ч., входит запрет на тождественность исков согласно стт. 61, 134, 135, ч. 2 ст. 209, 220, 222 ГПК РФ⁵. Таким образом, стороны в процессе и судья изначально поставлены в неравные правовые условия.

Процессуальный эстоппель заключается в том, что он закрепляет структурные элементы судебного разбирательства:

1. Подведомственность и подсудность: не заявленные требования не рассматриваются.

2. Компетентность судей: если в ней есть сомнения — сторона процесса должна сразу заявить отвод, если этого не сделано — в будущем нельзя ссылаться на то, что суд вел себя предвзято (классическая логическая ловушка: до процесса заявить о недоверии судье невозможно, потому что ничего о нем не знаешь и не знаешь, как он будет вести дело).

3. В апелляции нельзя заявлять новые требования и заключать мировые соглашения, согласно с ч. 2 ст. 322 ГПК РФ и ч. 4 ст. 327.1 ГПК РФ.

4 Ефремов Е.Н. Принцип «эстоппель» в современном гражданском праве России: основные положения и особенности применения. — Гуманитарные и политико—правовые исследования. 2018. № 1 (1)

2 Новикова Т.В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Ростов—на—Дону, 2009 — с. 21

3 Рудов М.В. Проблемы нормативной коннотации гражданско—правового понятия «добросовестность». — Имущественные отношения в Российской Федерации, 2015, № 9 (168) — с. 96

4 Рыженков А.Я. Принцип добросовестности в обновленном гражданском законодательстве. — Право и образование. 2013. № 9. С. 68

5 Лескина Э.И. Эстоппель в российском цивилистическом процессе. — Российский юридический журнал. 2018. № 1 (118). С. 109

4. В ходе самого судебного заседания сторона должна вести себя в соответствии с доброй совестью, не только отстаивая свои права, но и придерживаясь взятых на себя обязательств¹, — совокупность перечисленного процессуального фундамента при его исполнении и составляет соотношение доброй воли и права в судебной деятельности в современном российском гражданском законодательстве, т. е. эстоппель равен по модусу доброй воле.

Поэтому эстоппель, рассматриваемый как главный инструмент судебного усмотрения, требует критериев для своего применения, которых на сегодняшний день в законодательстве нет². Добрая воля, исследуемая в этой диссертации, призвана определить и внедрить критерии судебного усмотрения.

Впервые законодательно установленный при организации НЭПа в 1922 г. с целью ограничения торгашского произвола³, эстоппель, по гегельянской логике, превратился в свою противоположность. Нынешняя российская доктрина стоит на страже установившихся торговых отношений, оккупировавших гражданское право. Так, оправдываются заведомые постановления и копирование решений суда по похожим делам тем, что гражданский (торговый) оборот одинаков в соответствии с «рыночными отношениями», сложившимися между людьми⁴. В этом контексте неслучайно и средневековое уни-

1 Ивкова А.В., Кротова Е.С. Некоторые особенности применения доктрины «эстоппель» в гражданском судопроизводстве Российской Федерации. — Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 3. С. 169

2 Катъко А.А. Условия применения и пределы действия принципа эстоппель в процессуальном праве. — NovaUm.Ru. 2019. № 21. С. 98—99. См. доп.: Юдин А.В. Вопросы обеспечения добросовестности в цивилистическом процессе (итоги десятилетнего применения ГПК РФ и АПК РФ). — Актуальные проблемы правоведения. 2013. № 3 (39). С. 118—128

3 Мерзликина Р.А. Принцип «добросовестность» в гражданском законодательстве. — Юридические исследования. 2013. № 3. С. 51

4 См.: Трезубов Е.С., Щеглова Е.С. Фиктивность гражданского процесса: конституирующие признаки и механизмы запрета злоупотребления процессуальными правами в Российской Федерации. — Вестник Кемеровского государственного университета, 2013, № 3 (55). Т. 1. С. 290. Торговый принцип эстоппеля, утвержденный высшими арбитражными инстанциями России, изложен в: Митрахович А.С. Добросовестность при защите прав участников гражданско—правового сообщества. — Отечественная юриспруденция. 2019. № 1 (33). С. 31

чижение воли до части интеллектуальной деятельности¹, и общность Гражданского кодекса как для Гражданско—процессуального, так и для Арбитражно—процессуального кодексов.

В иностранной доктрине эстоппель связывается с понятиями справедливости и чести².

Таким образом, юристы—практики на местах воспринимают свое образование как коммерческий инструмент обхода закона с целью наживы (фиктивные иски, направленные на сокрытие отмыывание денег, ложные кредиты и многое другое). Находящиеся в той же социальной страте судьи провинциальных инстанций содействуют в этом. Выходом из этой ситуации сегодня становятся решения высших судебных инстанций, которые сущность проблемы не изменяют: отправленные на пересмотр дела вновь и вновь саботируют гражданский процесс. Замкнутость и запрет критики судебных структур оставляет проблему без решения.

Итак, эстоппель как механизм доброй воли занимает одно из ключевых положений в соотношении доброй воли и права в гражданском процессе.

2.4. Внутреннее убеждение судьи

Для начала рассмотрим законодательные нормы о нравственных требованиях к судьям.

Еще до принятия основных федеральных законов о судебных органах был принят Закон РФ "О статусе судей в Российской Федерации" от 26. 06. 1992 N 3132—1. В п. 2 ст. 3 этого закона от судей требуется следить за своей доброй репутацией, быть «справедливыми» и беспристрастным (религиозный термин; далее я использую синонимичный термин «отрешенный»), что рассматривается нами как призыв к чести. Запрет эмоциональности, во—пер-

1 Жиленкова Т.В. Понятие и соотношение воли, риска и вины в гражданском праве России. — Сибирский юридический вестник. 2015. № 3 (70). С. 40

2 Ивкова А.В., Кротова Е.С. Указ соч. С. 167

вых, отражает скандинавский источник нравственного идеала поведения в обществе, и, во—вторых, подчеркивает, что эмоции все—таки присутствуют и играют главенствующую роль, которая способна изменить исход дела. Для судей высших судебных органов ст. 14.1 первым условием для прекращения полномочий ставит совершение бесчестного поступка, затрагивающего «достоинство» высокопоставленного судейского чина. В ст. 8 указывается обязанность судьи при вступлении в должность произносить присягу, в которой разведены понятия добросовестности и совести, справедливости и беспристрастности. По п. 5 ст. 8.1 в случае, если судья при предоставлении отчетности о доходах врет, он «может быть привлечен к дисциплинарной ответственности», т. е. не к административной и не к уголовной. Таким образом, законодательно судейская ложь считается не преступлением, а мелким проступком. Ст. 20.2 устанавливает, в числе прочих, требования к нравственным качествам судьи, по которым проходит квалификационная аттестация.

После 2000 г. привилегии судьям были уточнены и дополнены в ФЗ "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации" от 14.03.2002 N 30—ФЗ. Судейские привилегии стали основой морального облика российских судей. В ст. 4 задачи судейского сообщества сводятся к нравственно—материальному обеспечению судей. Ст. 17, устанавливающая полномочия Высшей квалификационной коллегии судей, требует от коллегии проводить проверки о публикациях журналистами сведений об аморальном «не авторитетном» поведении судей (пп. 2.2 ч. 2).

В ст. 5 ФКЗ от 31. 12. 1996 N 1—ФКЗ (ред. от 08. 12. 2020) "О судебной системе Российской Федерации" единство судебной системы обеспечивается, среди прочего, финансированием, но не общими этическими правилами. Для нравственно—материального обеспечения судейского корпуса отдельно издан ФЗ "О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации" от 08. 01. 1998 N 7—ФЗ. В связи с положениями о судейской этике в 2003 г. выпущено Постановление Совета судей РФ N 101 «Об утверждении

Типовых правил внутреннего распорядка судов». Внутренние распоряжения Совета судей носят полузакрытый характер, направлены на свое сообщество и подчеркнуто игнорируют существование прочих частных субъектов. В 2012 г., принят новый Кодекс судейской этики¹. В первом же абзаце Преамбулы Кодекса разделены понятия личной и корпоративной чести и достоинства, что указывает на понимание судьями фикции юридического лица и частносубъектном подходе к праву личности. Категории «честного и добросовестного» слиты вместе через союз, что говорит об их синонимичности. Результат судебных решений поставлен в прямую зависимость от нравственно—материального обеспечения судей. Политико—социальные права добавлены как довесок к целям правосудия — таким образом, в Преамбуле мы видим изначально умышленно—ложную трактовку права и законодательного выражения, когда задуманные дефиниции скрыты как для формальной защиты привилегий, так и для закрепления законодательной конструкции, которую невозможно реформировать. Если законодатель вдруг задумается об изменении государственного обеспечения клерков, то ему придется все законы писать с нуля. В последнем абзаце преамбулы заявлено об «общественном доверии». Таким образом, добрая воля узко—религиозно понимается как интеллектуально—волевое подчинение решениям судебных органов, что перекликается с религиозными интерпретациями Конституционного суда, рассмотренными в § 2.2.

П. 4 ст. 1 Кодекса ставит этические требования выше конституционных, таким образом, устанавливая главенство моральных норм над законодательными. П. 3 ст. 4 уравнивает соблюдение Кодекса с «правилами жизни» и внутренним убеждением. Здесь же вновь повторяется тезис об общественном доверии (корень «вер» повторен дважды в одной синтаксической связке, т. е. веру подтверждает вера — религиозная аргументация); добрая воля общества, по мысли этого пункта, обеспечивается профессиональной компетенци-

¹ Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 08.12.2016)

ей, отрешенностью, юрисдикционностью и «независимостью» (т. е. материальным обеспечением, см. выше) судей.

П. 1 ст. 6 повторяет положения Закона «О статусе судей» о чести, честности и достоинстве. Мораль и нравственность в этой статье раскрываются в запрете конфликта интересов.

П. 2 ст. 8 устанавливает баланс соотношения обстоятельств дела и внутреннего убеждения судьи при принятии им решения. В п. 3 ст. 8 внутреннее убеждение становится опорой для исполнения закона и изолированию права личности судьи от чужого права личности.

В ст. 9 повторяется постулат об общественном доверии, и в п. 2 доверие противопоставляется «сомнению» (также религиозное влияние). В п. 1 ст. 10 справедливость (юрисдикционность) поставлена в производное к равенству, «объективности» и отрешенности.

В п. 4 ст. 10 «корректность» сведена к уважению к нормам, принятым в различных социальных группах. Таким образом, обыкновенная принадлежность к человеческому роду и государственное гражданство поставлены ниже групповых негосударственных объединений.

В ст. 11 профессионализм и добросовестностью судьи слиты. В п. 7 ст. 11 законодатель вспомнил о «высокой культуре» процесса, которая выражается в порядке, «достоинстве», терпении, вежливости, что отдаленно напоминает четыре античные добродетели (*fortitudo, iustitia, temperantia, prudentia*).

П. 6 ст. 12 говорит об избегании председателем суда использования патронажа, «семейственности», протекции; председатель должен «терпимо относиться к критике» и не преследовать за нее, что свидетельствует об обратной практике. По п. 7 ст. 12 судья «вправе требовать» «соблюдения надлежащей этики поведения» от своих аппаратчиков.

В п. 2 ст. 13 указывается важность формирования правосознания «общественного доверия» (доброй воли) через средства массовой информации; здесь наблюдается современная концепция о государстве как управлении

значимой информацией («Главное назначение государства — политическое, правовое и моральное регулирование информации, определяющей поступки индивидов», § 1.2.1.). Приведенный пример в очередной раз демонстрирует, что судьи обладают правом личности.

По п. 5 ст. 13, *«Личное обращение судьи в правоохранительные органы с целью защиты чести и достоинства или в средства массовой информации для публичного ответа на критику целесообразно тогда, когда иные способы реагирования исчерпаны или прибегнуть к ним не представляется возможным»* — при этом не уточняется, какие это «иные способы».

В п. 3 ст. 15 закреплён принцип лояльности (преданности) судьи судебной власти. В п. 1 ст. 18 «высказывание собственной позиции, основанной на личном опыте и знаниях в той области, в которой он специализируется» противопоставляется сомнению, которое может возникнуть при осуществлении взаимодействия с органами публичной власти.

В п. 2 ст. 18 судье запрещено выражать свое мнение о руководителях органов публичной власти, что в отношении к судебной власти противоречит п. 6 ст. 12 и ст. 22.

П. 2 ст. 19 разрешает судьям быть рантье, получая прибыль от аренды недвижимости, а в п. 3 рекомендуется воздержаться от частых «деловых» сделок, в чем видится стремление законодателя сделать из судейского корпуса феодальный класс.

Таким образом, внутреннее убеждение законодательно стало главным элементом судейской этики, судебной деятельности и судебных решений. Само принятие Кодекса важно, потому что вводит и признает этический императив в судебной деятельности, этика становится выше права. Требования к судейской этике есть требования к идеальному человеку флегматического психотипа, флегматик, по сути, объявлен образцом добропорядочного поведения.

Подытожив обзор законодательных норм о нравственных требованиях к судьям, подчеркнем их ярко—выраженный религиозный характер, который мешает действию этических принципов в правовом поле.

Переходим к судебнo—волевым аспектам внутреннего убеждения.

Введение диктата усмотрения суда наблюдается в Постановлении КС РФ от 25. 01. 2001 N 1—П:

«Применяя общее правовое предписание (норму права) к конкретным обстоятельствам дела, судья дает собственное толкование нормы, принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения (иногда весьма значительной) и зачастую оценивает обстоятельства, не имея достаточной информации (иногда скрываемой от него).

При столь большой зависимости результата осуществления правосудия от судебской дискреции разграничение незаконных решений, принятых в результате не связанной с виной ошибки судьи и его неосторожной вины, представляет собой трудновыполнимую задачу. Поэтому участник процесса, в интересах которого судебное решение отменяется или изменяется вышестоящей инстанцией, может считать, что первоначально оно было постановлено не в соответствии с законом именно по вине судьи. В этих условиях обычное для деликтных обязательств решение вопроса о распределении бремени доказывания и о допустимости доказательств вины причинителя вреда могло бы парализовать всякий контроль и надзор за осуществлением правосудия из—за опасения породить споры о возмещении причиненного вреда».

Оговорка, указанная в п. 2 ст. 1070 ГК РФ, исключает ответственность судьи за умышленно вредные действия¹. Механизма привлечения судьи к ответственности не существует, право личности судьи называется «ненадлежащим использованием права»², и, тем самым, выводится из—под защитных действий закона. Методами права личности судьи выступают слитность требований к участникам процесса верить в «независимость» и «беспристрастность» судей³. Разбирая п. 2 ст. 1070 ГК РФ судьи—конституционалисты заявили:

«Специфический характер оспариваемого положения как исключения из общих правил, регламентирующих условия возмещения причиненного вре-

1 См. об этом: Казанцев В. Гражданско — правовая ответственность за вред, причиненный действиями судьи. URL: <https://web.archive.org/web/20210818132918/https://www.lawmix.ru/comm/5429>

2 Папкина О.А. Усмотрение суда. — Москва: Статут, 2005 — с. 157, 160

3 Ференс—Сороцкий А.А. Аксиомы и принципы гражданско—процессуального права: Дисс... канд. юр. наук — Ленинград: ЛГУ, 1989 — с. 76. Весьма показательно, что далее автор приводит «презумпцию» «суд сам знает законы, стороны в процессе не обязаны их доказывать», которая после принятия новой редакции ст. 56 ГПК РФ в 2018 г. перестала существовать.

да, позволяет прийти к выводу, что в нем под осуществлением правосудия понимается не все судопроизводство, а лишь та его часть, которая заключается в принятии актов судебной власти по разрешению подведомственных суду дел, т.е. судебных актов, разрешающих дело по существу. Судебный процесс завершается принятием именно таких актов, в которых находит выражение воля государства разрешить дело, отнесенное к ведению суда. <...> положение о вине судьи, установленной приговором суда, не может служить препятствием для возмещения вреда, причиненного действиями (или бездействием) судьи в ходе осуществления гражданского судопроизводства, в случае если он издает незаконный акт (или проявляет противоправное бездействие) по вопросам, определяющим не материально — правовое (решение спора по существу), а процессуально — правовое положение сторон. В таких случаях, в том числе в случае противоправного деяния судьи, не выраженного в судебном акте (нарушение разумных сроков судебного разбирательства, иное грубое нарушение процедуры), его вина может быть установлена не только приговором суда, но и иным судебным решением. При этом не действует положение о презумпции вины причинителя вреда, предусмотренное пунктом 2 статьи 1064 ГК Российской Федерации. <...>

Суды, рассматривая иски о возмещении государством вреда, причиненного лицу незаконными действиями (или бездействием) суда (судьи) в гражданском судопроизводстве, если они не относятся к принятию актов, разрешающих дело по существу, не должны увязывать конституционное право на возмещение государством вреда непременно с личной виной судьи, установленной приговором суда. Уголовно ненаказуемые, но незаконные виновные действия (или бездействие) судьи в гражданском судопроизводстве (в том числе незаконное наложение судом ареста на имущество, нарушение разумных сроков судебного разбирательства, несвоевременное вручение лицу процессуальных документов, приведшее к пропуску сроков обжалования, неправомерная задержка исполнения) должны, исходя из оспариваемого положения пункта 2 статьи 1070 ГК Российской Федерации в его конституционно — правовом смысле, выявленном в настоящем Постановлении, и во взаимосвязи с положениями статей 6 и 41 Конвенции по защите прав человека и основных свобод, рассматриваться как нарушение права на справедливое судебное разбирательство, что предполагает необходимость справедливой компенсации лицу, которому причинен вред нарушением этого права»¹.

Утверждение, что судебное усмотрение — это выбор между законодательными нормами, означает, что одни нормы игнорируются в пользу других. Если судья выбирает из законодательных норм, то закон плох. Признание нормативистами усмотрения выдает слабость и глупость их позиции. Причины судейского произвола следует искать в голове судьи, в его личном

1 Постановление КС РФ от 25.01.2001 N 1—П

взгляде на мир, — мы переходим к феномену внутреннего убеждения судьи. Известный еще с дореволюционных времен, термин «внутреннего убеждения судьи» в советский период широко применялся в годы репрессий 20—30—х гг.¹ Внутреннее убеждение с тех пор служит оправданием для непривлечения судьи к уголовной ответственности за незаконный приговор. Сегодня ст. 67 ГПК РФ первым критерием при оценке доказательств, т. е. определения того, что является фактом и истиной, устанавливает внутреннее убеждение судьи. В юридических трактовках внутреннее убеждение приобретает сакральный смысл личного осознания знания абсолютной истины². Отметим, что такая формулировка является антропо—богословской и широко применялась в средневековье и последующие эпохи интеллектуального мистицизма.

В судебной деятельности добросовестность может рассматриваться как ограничитель свобод и мера ответственности судейского усмотрения³. Поэтому злоупотребление правом происходит благодаря внутреннему убеждению судьи⁴.

Поведение сторон в гражданском процессе — всегда тема нравственности, как и методы ограничения судебного произвола и недобросовестных действий; такими свойствами в деятельности судьи является уважение чести и достоинства, беспристрастность, умение при установлении юридической истины неформализовывать состязательные элементы процессуальной борьбы⁵. Вследствие отсутствия в кодификациях определений дефиниций нрав-

1 Голунский С.А. О «внутреннем убеждении» в советском суде // Социалистическая законность. — Москва, 1936. — № 5 (май). — С. 24–28

2 Марина Е.В. Значение внутреннего убеждения судьи при применении судейского усмотрения. — Вестник Оренбургского государственного университета, 2014, № 3 (164) — с. 34, 36

3 Гаврилов Ю.В. Значение принципа добросовестности в системе принципов российского гражданского права. — Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 9. С. 92

4 Вавилин Е.В., Чекмарева А.В. Некоторые проблемы добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей: материальный и процессуальный аспекты. — Вестник Томского государственного университета, 2020, № 451. С. 198

5 Мельник С.В. Нравственные требования к деятельности судебной власти: международные принципы и национальное регулирование. — Вестник Московского университета МВД России, 2018, № 2 — с. 218

ственности, моральное усмотрение становится объектом для определения и применения судьей решения с соответствием с его внутренним убеждением.

Нормативистский взгляд продвигает мнение, что при столкновении нравственных и юридических норм судья применяет законодательные нормы, игнорируя этические правила. Ограничить судебское усмотрение может только судебная этика, носящая морально—правовой характер. Усмотрение ограничивается интеллектуальным уровнем судьи, и тогда на первый план выходит внутреннее убеждение. Внутреннее убеждение судьи заменяет понятия истины, лжи, веры, свободы, интуиции, знания¹, являясь самостоятельным юридическим и мировоззренческим феноменом волевой сферы.

Понятие морали сводится к узко—мещанским определениям «доброго имени», и торговой «репутации» по ст. 17 ГК РФ, в чем, наблюдается, с одной стороны, советская практика коллективистского осуждения, и, с другой стороны, обезличивание, свойственное участникам торгового оборота и внедренное в гражданское законодательство в наше время, в 90—е гг.²

Безусловное исполнение официальных «рекомендаций» нижестоящими судами говорит о корпоративной (торговой) этике судебского корпуса, в которой политическим режимом, как и в любой другой корпорации, является тоталитаризм, а форма власти олигархия. При таких сложившихся отношениях внутри института иными суды быть не могут. Обратное сопротивление судов первой инстанции состоит в дублировании однотипных дел под эгидой уникальности каждого дела — так первичная структура, являясь слабее, всегда на один маленький шаг опережает более сильную верховную структуру («Ахиллес и Черепаха»).

1 Папкова О.А. Усмотрение суда. — Москва: Статут, 2005 — с. 194, 244—246, 368—372

2 Связь советского и неолиберального, ведущее к обоснованию внесудебной и внеюридической смертной казни, замечена: Держивицкий Е.В., Ларионов И.Ю., Перов В.Ю. К вопросу об этике права. — Вестник Санкт—Петербургского университета. Филология и конфликтология, 2016. Сер. 17. Вып. 4 — с. 39

Внутреннее убеждение — мораль судьи¹, а значит, оно может быть как злой, так и доброй. Для применения внутреннего убеждения судьи необходимы критерии раскрытия содержания оценочных понятий права, очерченные законодательно². Судья, трактуя оценочные категории, содержащиеся в гражданском законодательстве, руководствуется социальными ценностями, которые необходимо защитить и на которых держится государственный порядок. Критерием для определения этих ценностей являются общие правила поведения в обществе, по этой причине судебскому сообществу приходится соблюдать моральные нормы и оглядываться на мнение сограждан³; как разобрано выше, нравственные нормы судебного сообщества сводятся к вежливости и юридической пунктуальности.

По одной из современных марксистских концепций, которую стоит принять во внимание, ни законодатель, ни судья не являются не авторами, не исполнителями права; «гражданские» (т. е. торговые) законы формируют торговцы, которые затем сингулярным способом навязывают правила договорного оборота в «позитивные», «материальные» сборники; с учетом религиозного поклонения марксистами перед «экономическими факторами», такая схема превращается в апологию торгового миропорядка⁴.

Торговый характер Гражданского кодекса отрицает право личности, заменяя его свободой договора. Таким образом, отрицая всеобщую этику, юристы вводят вместо нее коммерческую этику. В этой морали достижение обогащения оправдывает любой тип недобросовестного поведения, что подтверждается судьями в соответствии с шаткими представлениями о внутреннем

1 Русакова Н.Г. Правовое и моральное регулирование как целостная система. — Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2016, № 4 (36) — с. 28

2 Лысенко Е.С. К вопросу об оценочных понятиях в гражданском праве. — Правовое государство: теория и практика, 2015, № 2 (40) — с. 106

3 Рясина А.С. Оценочные категории в российском праве: современные подходы. — Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3 (52) — с. 32

4 Спирин М.Ю. Материалистическая юридическая доктрина о материальном истоке и волевом источнике права. — Теория государства и права. 2019. № 4 (16). С. 171

убеждении. Мера усмотрения в этом случае будет свободой, вывернутой наизнанку, свободой как ограниченной направленности¹.

Категория внутреннего убеждения связана с верой судьи в свое мировоззрение; судебское убеждение — это порядок усмотрения, рассмотренный выше. В силу того, что этико—правовые принципы трактуются современными юристами неправильно, упускается возможность даже поверхностного изучения внутреннего убеждения. При применении судами этико—правовых принципов следует не рассматривать «разумность как средний уровень добросовестности при общей справедливости», а помнить о единстве морально—правовых принципов в рамках этики доброй воли, влияющей на право и исполнение/не исполнение участниками гражданских отношений своих прав и обязанностей (относится и к другим отраслям права). Так же и судья в процессе усмотрения и при применении внутреннего убеждения выбирает, действовать в соответствии с соотношением доброй воли и права, или нет, руководствуясь произволом и нормативизмом.

Обращение за судебной защитой требует изначального устойчивого положения частного субъекта, в первую очередь — устойчивого волевого состояния; поэтому судебный поединок всегда является разрушением моральной устойчивости, выраженной в скрытой эмоциональной составляющей судебного обряда.

Добросовестность судей — это профессионализм судей². Добросовестность — умышленно открытая норма, предусмотренная законодателем как способ судебного усмотрения³. Основываясь на положениях предыдущей главы, необходимо подчеркнуть, что внутреннее убеждение исходит от интуитивного предзнания, а значит, и правовая система в России есть не преце-

1 Приведенный тезис сформулирован под влиянием обратной апологетики в кн.: Папкина О.А. Усмотрение суда. — Москва: Статут, 2005 — с. 200—202

2 Ульянищев В.Г., Бадаева Н.В. «Принцип добросовестности» и идея «справедливости» в гражданском праве // Юридические исследования. — 2018. — №9. URL: https://web.archive.org/web/20210727151809/https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27240

3 Якубчик М.М. Комплексное понятие добросовестности: соотношение с доктриной злоупотребления правом. — Журнал российского права, 2012, № 10 — с. 108

дентная и не романо—германская, а предзаконодательная. Иными словами, судья при принятии решения руководствуется не прецедентами, ибо рекомендации высших судебных инстанций есть набор пожеланий профессионализма, и не научной доктриной, которую никто всерьез не воспринимает, — судья, полагаясь на внутреннее убеждение, обращается к моральным и обязательственным категориям, заложенным правящим классом; поскольку такого рода информация юридически не формализована, то и внутреннее убеждение оказывается всего лишь представлением судьи о мировоззрении верховных политических группировок. Профессионализм адвокатов и прокуроров позволяет им приблизиться к праву личности судей; уровень знаний и умение применить их смягчает судейский произвол — так через разумность реализуется право. Вернуть судьям функции судебной власти — и они не будут ориентироваться на прочие ветви власти — известный метод разделения властей.

Судья — полумонах, который отказывается от любой внесудебной деятельности¹. Когда правом личности обладает судья, но не обладает народ, с которым он работает, право личности судьи становится неполноценным, загнивающим, и неизбежно скатывается к произволу, чем и становится «внутреннее убеждение» судьи.

Дорвавшиеся до судебных должностей ничтожества, пришедшие на эту службу, чтобы демонстрировать окружающим отсутствие у себя права личности, закономерно вытесняются со своих кресел, в чем проявляется еще один аспект соотношения доброй воли и права. Внутреннее убеждение в добром смысле (доброй воле) есть признание человеком своей доброй совести, которая заставляет его действовать в соответствии с естественно—правовыми понятиями, в т. ч., с истиной. По опыту можно сказать, что добросовестное исполнение судейскими работниками своих профессиональных обязанностей возможно либо добросовестно, либо путем внутреннего давления.

1 Мельник С.В. Соотношение правовых и нравственных начал поведения судей РФ. — Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2015, № 5 (68) — с. 360

К примеру, адвокат фактически является частью юрисдикционного механизма, и его действия признают; чтобы таковым стать не судебному чиновнику, а обыкновенному участнику процессуального спора, ему необходимо идти путем околоритуального давления, потому что в судебном процессе за субъект признают только юридически осознанного субъекта, имеющего эмоциональный заряд для того, чтобы доказать, что с ним необходимо считаться. Таким образом, степень внутренней эмоциональности судьи влияет на внутреннее убеждение, внутреннее убеждение — нравственно—чувствительный феномен.

Итак, внутреннее убеждение судьи есть добрая воля только в том случае, если отсутствует элемент судебной власти, но присутствует признанная всеми участниками процесса естественность соотношения доброй воли и права — вариант, возможный при равенстве понятий свободы (,) совести и добра.

В итоге, в совокупности параграфов второй главы мы приходим к выводу, что личное право судьи — внутреннее убеждение — находится в противостоянии в мировоззрением и императивными решениями высших судебных институтов России, которые стремятся подчинить нижестоящие суды своей воле.

Выводы по второй главе:

Ключевым элементом при соотношении доброй воли и права в гражданском процессе является судебное усмотрение, которое раскрывается нами в следующей последовательности:

— судебное усмотрение есть воля судьи правового характера, этой волей обладает только судья и ее нет у остальных участников процесса;

— таким образом, судьи обладают правом личности, которым в рамках судебной деятельности остальные не обладают;

— поэтому судебное решение справедливо в модусе юрисдикционности и не может быть справедливым в модусе индивидуальной оценки заинтересованных лиц;

— судебное решение есть совокупность мировоззрения судьи — внутреннего убеждения — гуманистической категории, которая противопоставлена математической методологии законодательства;

— ввиду отсутствия гуманитарного образования (воспитания) внутреннее убеждение становится необоснованным произволом;

— в целях унификации общего сознания судейского сообщества высшие судебные инстанции издают акты, в которых излагается обязательный к исполнению стандарт судебного правоприменения;

— избранные специалисты в официальных интернет—публикациях создают кодификационно—принципарные сборники этико—правовых норм, претендующие на универсальность правоприменения и призванные организовать слитность мышления судейского сообщества;

— внутреннее убеждение судьи, оставаясь частью права личности, не поддается тоталитарному влиянию указаний вышестоящих структур, и, выбирая ответственность за исход дела, опирается на интуицию (предзнание).

Отделяя общественное мнение высоких юристов от общественного мнения всех остальных, правящие правоведа создают священно-избраннический стандарт юридического мышления, отличный от мышления как обывателей, так и неофициальных юристов. Проблема внутреннего убеждения судьи заключается в том, что при вывернутом государственном положении полного суверенитета верховных органов управления судья реализует право личности, которое отнято у всего общества, а в цивилистическом процессе даровано только судье, но не прочим участникам гражданского слушания; если же реализовать идею разделения властей, при которой судебная ветвь будет независимой от всех остальных политических субъектов, судебный произвол станет ничем не ограничен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государство призвано ограничить естественный произвол, лишенный морали, с помощью правового порядка. Право личности, выражающее естественный индивидуализм человека, сталкивается с социальным произволом, порожденным несовершенством общественного порядка. Право, рассматриваемое через призму доброй воли, уравнивает естественное и социальное, государственное и личностное. Добрая воля, совесть и естественный закон — три единые абсолютные идеи, властвующие в человеческом мироздании.

Подойдя к концу исследования соотношения доброй воли и права, мы приходим к выводу, что добрая воля — это правовой порядок, не требующий государственного принуждения, т. е. возможный только в гражданской юрисдикции. На практике это единство, взаимодополняемость и невозможность абсолютизации доброй или злой воли. Достижение этого возможно в процессуальной плоскости, на основе этического воспитания (образования) юристов собственно правовой этике доброй воли, а не религии или психологии (светской религии). Этика здесь может быть только одна — этика доброй воли. Добрая воля в общем оценивается нами как противоположность злему умыслу, в частном плане на примере судебной деятельности — как положительная сторона внутреннего убеждения, противопоставленная произволу судебного усмотрения, противоречащего закону и логическому мышлению.

Сегодня в первой статье Гражданского кодекса России первым принципом названа добросовестность, и только к ней последовательно следуют разумность и справедливость (п. 2 ст. 6). Совокупность этих принципов есть добрая воля, *bona fides*, по-разному понимаемая и переводимая, отражающая все многообразие материальной и судебной практики, юридических состояний. Таким образом, добрая воля — есть единство этико-правовых категорий гражданского законодательства России.

Добрая воля в современном российском гражданском законодательстве разбита на дефиниции справедливости, добросовестности и разумности, ко-

торые применяются в зависимости от конкретных обстоятельств разрешения цивилистического конфликта. Выражение доброй воли в праве через оценочные понятия отвечает законодательной задаче унификации юридических отношений.

Из трех российских правовых принципов справедливость наиболее далека от предмета доброй воли, но необходима как единственное самостоятельное обоснование государственного порядка и права (юрисдикционности). Справедливость — доброе пожелание. Неисполнимость справедливости исключает ее из права, но аксиологически идентифицирует ее. Добросовестность близка к доброй воле, имеет с ней одинаковое происхождение, но, разнясь в историческом развитии и, юридически пересекаясь со справедливостью, теряет изначальное универсальное значение морального добра, хотя и сохраняет юридино—практические аспекты регулирования общественных отношений. Таким образом, из этико—правовых принципов в наибольшей степени к доброй воле в российском гражданском праве стоит разумность¹, и это неслучайно: именно совокупность интеллекта и воли предоставляет сумму, необходимую для правильного, в соответствии с доброй волей и законом, судебного усмотрения.

Добросовестность в западных странах формировалась в Средневековье, и его основой были сословно—купеческие отношения личной верности. В России добросовестность также формировалась в Средневековье, но ее основой были государственные гарантии, направленные на федеративную организацию общества, и сословные свободы, честь общества. Восстановление принципа добросовестности в законодательстве 2013 г. произошло в соответствии с объявленной в Преамбуле Конституции возрождением суверенной государственности России.

1 И подтверждено разумием законов, вспомнить: Montesquieu C. *Défense de L'esprit des loix.* — Geneve, 1749 – 326+398 p. Пер.: Монтескье Ш. О разуме законов. — С. —Петербург, 1775 — 424 с.

Авторы, стремящиеся ввести справедливость в качестве юридической нормы, неизбежно сталкиваются с необходимостью связывать этот принцип с двумя остальными коренными этико—правовыми принципами — разумностью и добросовестностью, фактически понимая под справедливостью нечто «доброе», забывая, что справедливость зачастую являлась обоснованием таких явлений как рабство и смертоубийство. Поэтому корректней, на наш взгляд, использовать категорию «добрая воля», которая включает и видовую человеческую разумность, и синонимичную себе добросовестность, и справедливость как первое условие нормальных правовых отношений, юридической культуры и социального функционирования. Итак, справедливость — злой модус права, добрая воля — добрый модус права.

Отсутствие определенности в гражданско—кодификационных нормах со сведение права — к принципам права, вкупе с императивностью рекомендаций Верховного суда, касающихся судопроизводства, говорит о приверженности высших юрисдикционных органов к концепции процессуальной истины, которая отвергает истину материальную. Расплывчатость и свободное диспозитивное усмотрение Гражданского кодекса связаны с желанием ввести естественное право в формальные рамки. В конвергентных условиях слияния нормативизма и естественного права принятие закона является всего лишь первой стадией юридической нормы, которая в течение последующего времени может измениться до своей противоположности или быть полностью отмененной. Таким образом, правовое поле неписаного права становится шире и действенней писаного законодательства.

Законодательство всегда обращено к прошлому; бесконечные корректуры кодификаций только подтверждают приоритет судебной практики; органы государства не в состоянии угнаться за меняющимися условиями гражданского оборота.

Законодательство является результатом столкновения и взаимодействия видов воли:

- воли правящего слоя,
- воли народа,
- воли составителей писаного права.

Сплочённость воли народа и правящей верхушки достигается через внедрение этико—правовых принципов, практически осуществляется в судебной деятельности, а формой ассоциации выступает федеративная, т. е. волевая форма устройства государства — единственный известный сегодня тип правления, который может совместить противоположные тенденции и силы. Это и есть правовая этика доброй воли, противопоставленная мистицизму монархической теории единства суверенитета царя с народом.

Идеальная модель соотношения доброй воли и права недостижима так же, как и ненарушимость законов и общественного порядка.

Судебное усмотрение, строясь на внутреннем убеждении судьи, осложнено тем, что законодательные определения понятий внутреннего убеждения и усмотрения отсутствуют (и не могут быть, трактовки даются в таких исследованиях, как это), как и добрым нравам и доброй воли, которые вовсе отсутствуют в кодификациях.

Фактический переход судебных процедур на устный режим подталкивает ко все большему использованию этико—правовых принципов, которые вводят нравственное понимание и обоснование правовых норм.

Исполнимость юридических процедур целиком зависит от добросовестности участников гражданского оборота — законодательный нормативизм тут однозначно вторичен.

У судей нет исполнительной власти, но есть право личности, которое позволяет им разрешать чужие конфликты. Обладание правом личности наделяет судей правами, которыми в позднем феодализме владели аристократы. Сохранение в статусе судьи права личности неслучайно: таким правом обладал каждый свободный человек, за что его именовали сударем или сударыней, т. е. в обращении подчеркивалась личная воля, которая находится в

соотношении и столкновениях с другими такими же свободными правовыми добрыми волями, которые также обладают способностью «судить», оценивать других по праву равенства воли. Игнорирование судебных решений по гражданским делам говорит о праве личности лиц, участвующих в деле, которое не согласно с волей судьи и презирает ее.

Юридическое образование, основанное на этико—правовом положении доброй воли, способно воспитать профессионального судью, а не казуальные рекомендации высших судебных органов, которые, оставляя нижестоящие суды безнаказанными, поощряют неформальный отбор судей и способствуют отпискам.

Предложения:

Ввести в область юридического мышления и метода, наравне с логикой, добрую волю как основу частносубъектных отношений с последующим юридическим просвещением студентов—юристов и пропагандой этой правовой идеи. Возвращение к концепции совести и воли выгодно государству для организации лучшего управления — весь технологический, инфраструктурный и промышленный прогресс связан с тоталитарной волей государства, опирающейся на учет демократического консенсуса.

Рекомендации:

1. В связи с тем, что осуществление доброй воли в правовых процессуальных процедурах осложняется индивидуальным произволом судьи, предлагаем, в соответствии с цивилизационной тенденцией к разделению властей создать в области судебной деятельности для контроля и равновесия при разрешении гражданских споров во исключение произвола, помимо судебной власти, власть исполнительную, представленную прокурорами, и власть коллегиальную, представленную парламентскими коллегиями. Такой принцип соответствует федералистскому суверенитету современного российского государства. В связи с этим, призываем признать за прокурорами, обладающими в нашей стране военизированной структурой в государстве, в котором ис-

торически, со времен Петра Великого, признана прерогатива военной организации, контрольные функции над судьями. Такими же функциями наделить и специализированные думские комиссии.

2. Сократить штат инстанций апелляционного и кассационного порядков в силу заформализованности и фактического отсутствия изменений в решениях первой инстанции, одновременно разветвив и умножив число судей первой инстанции для наилучшего разбора дела и принятия обоснованного, с учетом всех обстоятельств, решения. Укрупнить департаменты Верховного суда, наделив их полномочиями для заочного контроля и пересмотра решений провинциальных судов.

3. Возродить институт «добросовестных». «Добросовестный» — государственный наблюдатель, который следит за гражданским процессом и поведением сторон и имеет право указывать суду на противоправные действия и действия, руководимые не в соответствии с доброй волей. Это предложение, невозможное в рамках системы государственного законодательства, возможно в силу права личности, которое неминуемо разовьется при политических условиях имперского федерализма. Добросовестными могут быть как общественные контролеры, заслужившие эту должность безупречной жизнью, так и бывшие судьи, которые сложили с себя полномочия в связи с ограничением занятия должности судьи 15 годами.

4. Учредить Совет по проверке соответствия Конституции и другим законам нормативно—правовых актов, принимаемых на федеральном и региональном уровнях. Запретить частным организациям издавать уставы и распоряжения, не прошедшие такую проверку; провести ревизию действующих локальных документов регламентно—юридического характера, таких как коллективные трудовые договоры, уставы, корпоративные кодексы на предмет наличия нарушений действующего законодательства, прав человека и принятых в противодействие доброй воле.

5. Исключить из Гражданского кодекса нормы, пришедшие в него из практики торговых отношений и перенести их в отдельный Торговый кодекс.

6. Изменить порядок формирования Совета Федерации, перенаправив его деятельность на правотворческую и контрольно—юридическую функции; состав этой палаты парламента комплектовать из бывших судей, рекомендовавших себя с лучшей стороны в профессиональном и научном плане. Тем самым избранной части судейского корпуса будут даны властные полномочия, что создаст фактическое разделение властей.

7. Ввести уголовное наказание за невыполнение судьями гражданско—процессуальных норм; это позволит как упорядочить формальную сторону производства, так и уменьшит элементы обычного права в отношениях судей со своими начальниками.

Исполнение законодательства возможно только в соответствии с доброй волей исполнителей, будь то судьи, прочие чиновники или обычные люди. Смысл профессиональной подготовки юристов заключается в умении отстаивать право личности, т. е. право личности — юридическая правоосознанность, способность жить в соответствии с законом — вот чем является соотношение доброй воли и права в судебной деятельности.

Власть — явление социального характера, право личности — естественного. Разделением властей политическое устройство не ограничивается. Добросовестные, обладающие правом личности — лучшие общественные контролеры и носители высшей формы демократического управления. Уравнение в отечественном правосознании справедливости и законности говорит о естественности и уважении людей к судебному институту, желанию и доброй воле решать конфликты в правовом порядке. Поэтому и институт добросовестных так же естественен и юридически обоснован в нашей стране, как и государственный институт коннетаблей в Англии.

Спор между человеком правовым и разумным и человеком внутреннего убеждения и веры есть конфликт мировоззрений, сражающихся на протяже-

нии многих тысяч лет, и не на страницах этой диссертации его разрешать, если вообще возможно эту проблему решить.

В рамках государственной теории моя работа внесла вклад в исследование понятия народного суверенитета, служа отправным этапом для последующих изысканий.

Сведение доброй воли к гражданско—правовым отношениям достаточно точно и не претендует на вселенский охват.

Необходимость единства этики и права в гражданском праве обусловлено каждодневным бытовым опытом, который не может постоянно разрешаться в исключительно нормативных процедурах. Этико—правовые принципы, т. е. единство нравственных и юридических правил, помогут внедрить в обыденное правосознание привычку правового порядка.

Итак, объединив результаты изучения о соотношении доброй воли и права с примером из отечественной цивилистики, мы завершаем фазу исследований о судебном усмотрении в гражданском процессе и открываем новый этап работ о соотношении доброй воли и права в рамках феномена внутреннего убеждения судьи, что станет предметом для разыскания других научных юридических трудов.

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Нормативно—правовые акты (с сайтов sudact.ru, consultant.ru и др.)

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. ФКЗ от 05.02.2014 N 3—ФКЗ (ред. от 02.08.2019) "О Верховном Суде Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019)
3. ФКЗ от 21.07.1994 N 1—ФКЗ (ред. от 01.07.2021) "О Конституционном Суде Российской Федерации"
4. ФКЗ от 31.12.1996 N 1—ФКЗ (ред. от 08.12.2020) "О судебной системе Российской Федерации"
5. Гражданский кодекс РФ: (часть первая) от 30.11.1994 N 51—ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021); (часть вторая) от 26.01.1996 N 14—ФЗ (ред. от 09.03.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2021); (часть третья) от 26.11.2001 N 146—ФЗ (ред. от 18.03.2019); (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230—ФЗ (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2021)
6. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 N 138—ФЗ (ред. от 01.07.2021)
7. Жилищный кодекс РФ от 29.12.2004 N 188—ФЗ
8. Кодекс внутреннего водного транспорта РФ от 07.03.2001 N 24—ФЗ
9. Кодекс торгового мореплавания РФ от 30.04.1999 N 81—ФЗ
10. ФЗ "О государственных и муниципальных унитарных предприятиях" от 14.11.2002 N 161—ФЗ
11. ФЗ "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок" от 30.04.2010 N 68—ФЗ
12. ФЗ "О прокуратуре Российской Федерации" от 17.01.1992 N 2202—1
13. ФЗ "О рекламе" от 13.03.2006 N 38—ФЗ
14. ФЗ "О рынке ценных бумаг" от 22.04.1996 N 39—ФЗ
15. ФЗ "О связи" от 07.07.2003 N 126—ФЗ
16. ФЗ "О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации" от 08.01.1998 N 7—ФЗ
17. ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" от 31.05.2002 N 63—ФЗ
18. ФЗ "Об ипотеке (залоге недвижимости)" от 16.07.1998 N 102—ФЗ
19. ФЗ "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации" от 14.03.2002 N 30—ФЗ
20. ФЗ от 08.02.1998 N 14—ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. от 24.02.2021) "Об обществах с ограниченной ответственностью"
21. ФЗ от 26.12.1995 N 208—ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. от 24.02.2021) "Об акционерных обществах"

22. Закон РФ "О статусе судей в Российской Федерации" от 26.06.1992 N 3132—1

23. Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 N 96 (ред. от 10.07.2017) "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" (вместе с "Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов", "Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов")

24. Определение КС РФ от 03.02.2010 N 136—О—П

25. Определение КС РФ от 08.06.2004 N 226—О

26. Определение КС РФ от 13.06.2006 N 275—О

27. Определение КС РФ от 16.12.2010 г. № 1580—О—О

28. Определение КС РФ от 16.12.2010 N 1650—О—О

29. Постановление КС РФ от 19.03.2010 г. N 7—П

30. Постановление КС РФ от 21.04.2003 N 6—П

31. Постановление КС РФ от 21.04.2010 N 10—П

32. Постановление КС РФ от 22.04.2013 N 8-П

33. Постановление КС РФ от 22.06.2017 N 16—П

34. Постановление КС РФ от 25.01.2001 N 1—П

35. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62

36. Постановление Пленума ВС РФ от 03.10.2017 N 30

37. Постановление Пленума ВС РФ от 19.12.2003 г. N 23 (ред. от 23.06.2015) "О судебном решении"

38. Постановление Пленума ВС РФ от 20.12.1994 N 10 (ред. от 06.02.2007)

39. Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 N 25

40. Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 07.02.2017)

41. Постановление Пленума ВС РФ от 25.12.2018 N 49

42. Постановление Пленума ВС РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015)

43. Постановление Президиума ВС РФ от 28.09.2016 по делу N 203—ПЭК16, А43—25745/2013

44. "Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления" (утв. Президиумом ВС РФ 01.10.2014)

45. "Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от граждан по искам государственных органов и органов местного самоуправления" (утв. Президиумом ВС РФ 25.11.2015)

46. Обзор судебной практики разрешения дел по спорам, возникающим в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости (утв. Президиумом ВС РФ 19.07.2017)

47. Обзор судебной практики ВС РФ (2019) (утв. Президиумом ВС РФ 24.04.2019)

48. Обзор судебной практики ВС РФ N 2 (2016) (утв. Президиумом ВС РФ 06.07.2016)
49. **Важнейшая практика по ст. 10 ГК РФ (с сайта consultant.ru)**
50. **Перечень позиций высших судов к ст. 10 ГК РФ "Пределы осуществления гражданских прав" (с сайта consultant.ru)**
51. **Позиция КС РФ, ВС РФ по п. п. 1, 5 ст. 10 ГК РФ (с сайта consultant.ru)**
52. Бангалорские принципы поведения судей. URL: https://web.archive.org/web/20210806164054/https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml
53. Ведомственные нормативные правовые акты Судебного департамента // судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=301>
54. Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации. Правовые основы. URL: <http://www.vkks.ru/category/15/>
55. Документы Совета судей Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/law/authority/sovet—sudei—rf/>
56. Инкотермс 2010 (публикация МТП N 715). URL: <http://incoterms.iccwbo.ru/>
57. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 08.12.2016)
58. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли—продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980)
59. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 N 124(1))
60. Концепция информационной политики судебной системы на 2020 — 2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019)
61. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009)
62. Постановление ФАС Центрального округа от 27.05.2008 N Ф10—2210/08 по делу N А08—581/08—2"Б"
63. Пояснительная записка "К проекту Федерального закона "О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации"
64. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИ-ДРУА)
65. Проект ФЗ "О нормативных правовых актах в РФ" (подготовлен Минюстом России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.12.2014) (разработка проекта прекращена)

66. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. — Prepared by the Study Group on a European Civil Code and the Research Group on EC Private Law (Acquis Group), 2009 — 643 s.

67. Central List of Principles, Rules and Standards of the Lex Mercatoria. URL: [https://www.trans—lex.org/principles/of—transnational—law—\(lex—mercatoria\)](https://www.trans—lex.org/principles/of—transnational—law—(lex—mercatoria))

Б. Диссертации, монографии, статьи

68. Агibalова Е.Н. *Принцип справедливости в гражданском праве.* — *Юридический вестник ДГУ.* 2019. Т. 30. № 2. С. 65—76

69. Азаркин Н.М. *Всеобщая история юриспруденции.* — Москва: Издательство «Юридическая литература», 2003 — 604 с.

70. Азаркин Н.М. *История юридической мысли России.* — Москва: Издательство «Юридическая литература», 1999 — 525 с.

71. Азаров А., Ройтер В., Хюфнер К. *Права человека.* — Москва: Московская школа прав человека, 2003 — 550 с.

72. Азарова Е.С. *Понятие «усмотрение суда» в праве.* — *Legal Concept,* 2019, т. 18, № 2 — с. 69—73

73. Александров А.Ю. *Принцип справедливости в гражданском процессе.* — *Вестник Российского университета кооперации.* 2016. № 2(24) — с. 140—143

74. Ананьин Д.М. *Процессуальная активность суда в противодействие злоупотреблениям процессуальными правами.* — *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу.* 2019. № 4. С. 87—91

75. Андреева Л.А., Трухина И.Н. *Проблема справедливости в философии, праве и гражданском обществе.* — В сборнике: *Актуальные проблемы юриспруденции Сборник статей по материалам VII международной научно—практической конференции.* 2018. С. 77—78

76. Антропов В.Г. *Правоприменительное усмотрение.* — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Волгоград, 1995. URL: <http://www.dslib.net/teoria—prava/pravoprimeritelnoe—usmotrenie.html>

77. Анциферова Э.Ю. *Принципы разумности, добросовестности и справедливости как основополагающие категории частного права.* — *Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки»,* Т. 2. № 2 (6), 2016 — с. 42—45

78. Артемов В.М. *Право на перепутье: поиски стратегии развития в парадигме нравственности.* — *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина,* 2016, № 4 — с. 42—47

79. Артемова Д.И., Куканова И.А. *Пределы применения судебного усмотрения.* — *Вестник Пензенского государственного университета,* 2014, № 2 (6) — с. 30—34

80. Архангельский Л.М. *Марксистская этика.* — Москва: Мысль, 1985 — 238 с.

81. Бабаев В.К. *Презумпции в советском праве.* — Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1974 — 123 с.

82.Бабурин С.Н. Нравственное государство. — Москва: Норма, 2020 — 535 с.

83.Бабурин С.Н. Современное общество между несправедливым законом и справедливым беззаконием. // В сб.: Социальная справедливость и право: проблемы теории и практики Материалы международной научно—практической конференции. Под общей ред. Т. А. Сошниковой. 2016. С. 19—25

84.Байков А.М. Понятие и значение категории «добросовестность» в гражданском праве. — Актуальные проблемы правоповедения. 2018 Международная научная конференция, посвященная 25—летию со дня принятия Конституции Российской Федерации. Ответственный редактор: В. Е. Егоров. 2018. С. 13—22

85.Балашова И.Н. Проявление нравственных основ при отправлении правосудия по гражданским делам. — Гражданское право, гражданское и административное судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики Материалы III Всероссийской научно—практической конференции. Под ред. Н.В. Корниловой. 2018. С. 99—102

86.Барак А. Судейское усмотрение. — Москва: Норма, 1999 — 364 с.

87.Баранов В.М. Истинность норм советского права. — Саратов: Саратовский университет, 1989 — 398 с.

88.Барихин А.Б. Большая юридическая энциклопедия. — Москва: Книжный мир, 2010 — 959 с.

89.Белов В.А. Кодекс европейского договорного права. — Москва: Юрайт, 2020 — 308+312 с.

90.Берг Л.Н. Судебное усмотрение и его пределы: общетеоретический аспект. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Екатеринбург, 2008 — 22 с.

91.Бердичевский Б. Добросовестный приобретатель похищенного или утраченного имущества (К ст. 60 Гражданского Кодекса) // Вестник Советской Юстиции. — Харьков, 1925. — № 19 (1 октября). — С. 744 – 745

92.Беребенья Н.В. Понятие добросовестности как правовой категории. — Вестник экономической безопасности, 2008, № 3 — с. 131—134

93.Беседкина Н.И. Разумность в системе оценочных понятий гражданского права: некоторые методологические аспекты перехода от понятия к категории. — Право и государство: теория и практика. 2015. № 3 (123). С. 76—81

94.Беседкина Н.И. Разумность как принцип, категория, целевое требование и один из критериев юридической техники. — Государство и право. 2016. № 7. С. 106—110

95.Беседкина Н.И. Разумность, справедливость и добросовестность в системе частного права. — Право и государство: теория и практика. 2015. № 6 (126). С. 81—85

96.Бибик О.Н. Культурологический подход к исследованию государства и права. — Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009, № 2 (19). С. 14—22

97. Бибииков А.И. О понятии добросовестности в гражданском праве. — *Евразийский союз ученых*. 2014. № 8—10. С. 8—11

98. Бибииков А.И. Принцип добросовестности в цивилистической доктрине и судебной практике: проблемы толкования. — *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*. 2015. Т. 21. № 2. С. 195—199

99. Бибииков А.И. Реформирование норм Гражданского кодекса РФ об основных началах гражданского законодательства: концептуальные послышки и проблемы реализации. — *Научный поиск*. 2015. № 1.3. С. 3—9

100. Богданов Д.Е. Справедливость как основное начало гражданско—правовой ответственности в российском и зарубежном праве. — Москва: Проспект, 2015. — 232 с.

101. Богданов Е.В. Проблема выравнивания (сглаживания) фактического неравенства в гражданско—правовой сфере с позиции социальной справедливости. — *Журнал российского права*, 2018, № 3 — с. 28—38

102. Богданова Е.Е. Принципы добросовестности, справедливости и разумности как основные начала гражданского законодательства. — *Российская академия правосудия Минюста России*, 2012. — с. 72—76

103. Бойко В.Н. Пределы субъективной свободы граждан. Справедливость как юридически ценный компонент баланса интересов государства и гражданского общества. — *Вестник Владимирского юридического института*. 2011. № 1 (18). С. 56—60

104. Боловнев М.А., Руф Е.Е. Понятие «Справедливость» в гражданском судопроизводстве: юридико—лингвистический анализ. — *Юрислингвистика*. 2017. № 6. С. 32—40

105. Бондаренко Н.Л. О месте принципа добросовестности и разумности в системе принципов гражданского права. — *Вестник Омского университета*. Серия: Право. 2013. № 1 (34). С. 89—93

106. Боннер А.Т. Применение закона и судебное усмотрение // *Советское государство и право*. — Москва, 1979. — № 6 (июнь). — С. 34 — 42

107. Борисов А.Б. Большой юридический словарь. — Москва: Книжный мир, 2010 — 846 с.

108. Бронникова М.Н. Проблемы применения презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений. — *Вестник Самарской гуманитарной академии*. Серия: Право, 2007, № 1 — с. 55—66

109. Букина В.С. Принципы советского гражданского процессуального права // Дисс... канд. юр. наук. — Ленинград, 1975 — 167 с.

110. Бурцева Д.С., Селезнёва А.А. Категория «справедливость» в гражданском праве. — *Actualscience*. — 2016. — Т. 2, № 4, 2016 — с. 104—106

111. Быкова М.О. Добросовестность как требование, обращенное к участникам вещно—правовых отношений. — *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2018. № 12. С. 88—90

112. *Вабищевич С.С. Добросовестность и невиновность в гражданском праве: вопросы соотношения. — Актуальные вопросы образования и науки. 2017. № 3 (61). С. 11—14*
113. *Вавилин Е.В., Чекмарева А.В. Некоторые проблемы добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей: материальный и процессуальный аспекты. — Вестник Томского государственного университета, 2020, № 451. С. 196—202*
114. *Варвенко А.С., Желонкин С.С., Жукавин В.В. Теоретико—правовые положения о принципе добросовестности в гражданском праве. — Ленинградский юридический журнал. 2020. № 1 (59). С. 105—113*
115. *Василенко Е.В. Некоторые доктринальные подходы к проблемам разумности и добросовестности в гражданском законодательстве России. — Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 93—96*
116. *Василенко Е.В. Понятие и значение добросовестности и разумности в современном гражданском праве. — Власть Закона. 2010. № 4 (4). С. 94—97*
117. *Василенко Е.В. Разработка методологии и создание системы принципов гражданского права как комплексная научная проблема. — Власть Закона. 2011. № 2 (6). С. 132—136*
118. *Васильев А.М. Правовые категории. — Москва: Юридическая литература, 1976 — 264 с.*
119. *Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. — Рига: Зинатне, 1976 — 229 с.*
120. *Ведерников А.В. Судейское усмотрение в российском арбитражном и гражданском процессе: правовые и социальные аспекты. — Известия Байкальского государственного университета, 2017, т. 17, № 3 — с. 419—424*
121. *Верещагин А.Н. Судебное правотворчество в России. — Москва: Международные отношения, 2004 — 341 с.*
122. *Вестов Ф.А., Фаст О.Ф. Реализация принципа справедливости в гражданском праве в условиях авторитарного государства. — Право и правоохранительная деятельность в России, странах СНГ и Европейского союза: законодательство и социальная эффективность Материалы V Международной научно—практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей. 2018. С. 17—21*
123. *Виниченко Ю.В. К вопросу о «разумности» в российском гражданском праве. — Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 145—148*
124. *Виниченко Ю.В. О презумпции добросовестности в российском праве. — Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки, 2018. Т. 160, кн. 2 — с. 285—301*
125. *Виниченко Ю.В. Разумность в гражданском праве Российской Федерации. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — С.—Петербург, 2003 — 23 с.*
126. *Виниченко Ю.В. Разумность и справедливость как принципы гражданского права и начала функционирования системы гражданского оборо-*

та. — *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, № 3 (25) — с. 98—115

127. Витрук Н.В. *Общая теория правового положения личности*. — Москва: Норма, 2008 — 444 с.

128. Власенко Н.А. *Разумность и право: связь явлений и пути исследования*. — *Журнал российского права*, 2011, № 11 — с. 45—56

129. Воднев А.Н. *К вопросу о доктрине эстоппель в российском праве*. — *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право*. 2017. № 2. С. 70—80

130. Волков А.В. *Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотреблением правом в современном гражданском праве*. — *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция*. 2013. № 3 (20). С. 44—50

131. Волос А.А. *Принципы гражданского права и их аксиология*. — *Известия Байкальского государственного университета*, 2017. Т. 27, № 2 — с. 238—245

132. Вольфсон В.Л. *Добросовестность в гражданском праве: категория и принцип*. — *Научные труды Северо—Западного института управления РАН-ХиГС*. 2015. Т. 6. № 3 (20). С. 105—116

133. Вольфсон В.Л. *Принцип добросовестности как легальная презумпция бесконфликтности намерений в осуществлении субъективного гражданского права*. — *Юридическая мысль*. 2018. № 3 (107). С. 62—68

134. Вопленко Н.Н. *Истина и справедливость: проблемы взаимосвязи*. — *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, 2013, № 6 (95) — с. 102—112

135. Вопленко Н.Н. *Механизм формирования представлений о юридической ответственности*. — *Legal Concept*, 2012, Сер. 5, № 2 (17) — с. 7—16

136. Вопленко Н.Н. *Понятие и виды юридической ответственности*. — *Legal Concept*, 2011, № 2 (15) — с. 7—16

137. Вопленко Н.Н. *Понятийный ряд теории справедливости*. — *Legal Concept*, 2010, Сер. 5, № 2 (13) — с. 6—17

138. Воробьев А.С. *Соотношение справедливости и права*. — *Актуальные проблемы российского права*, 2017, № 11 (84) — с. 23—27

139. Воробьева О.А., Чертакова О.М. *Понятие и принципы гражданского права*. — *Балтийский гуманитарный журнал*, 2017. Т. 6, № 4 (21) — с. 469—471

140. Воронов А.Ф. *Принципы гражданского процесса*. — Москва: Городец, 2009 — 494 с.

141. Воронцова И.В. *О категории «разумность» в юридической науке и в гражданском процессуальном законодательстве Российской Федерации*. — *Современное право*. 2009. № 7. С. 3—5

142. Воронцова И.В. *Справедливость как задача гражданского судопроизводства и требование, предъявляемое к решению суда*. — *Саратовская государственная юридическая академия, Журнал «Юрист»*, 2011. — с. 17—21

143. Вышемирский И.О. Принцип добросовестности и субъекты гражданского права. — Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 3. С. 119—124
144. Вышемирский И.О. Соотношение принципа презумпции добросовестности в гражданском праве. — Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 1. С. 134—141
145. Вязов А.Л. Принцип справедливости в научном дискурсе правоприменительной деятельности. — Власть и управление на Востоке России, 2007, № 4 (41) — с. 150—159
146. Вязов А.Л. Принцип справедливости в современном российском праве и правоприменении: Теоретико—правовое исследование. — URL: <https://www.dissercat.com/content/printsip—spravedlivosti—v—sovremennom—rossiiskom—prave—i—pravoprimerenii—teoretiko—pravovoe—>
147. Гаврилов Э. О введении в Гражданский кодекс РФ общих норм, устанавливающих принцип добросовестности. — Хозяйство и право. 2013. № 8 (439). С. 3—9
148. Гаврилов Ю.В. Значение принципа добросовестности в системе принципов российского гражданского права. — Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 9. С. 86—93
149. Гаврилова Ю.А. Право как эτικο—антропологический концепт. — Актуальные проблемы российского права, 2018, № 5 (90) — с. 27—35
150. Гаврилова Ю.А. Смысловое поле права, политики, морали: проблема взаимодействия. — Актуальные проблемы российского права, 2019, № 5 (102) — с. 24—32
151. Голубцов В.Г. Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права. — Lex Russica, 2019, № 8 (153) — с. 37—50
152. Голунский С.А. О «внутреннем убеждении» в советском суде // Социалистическая законность. — Москва, 1936. — № 5 (май). — С. 24 — 28
153. Графский В.Г. Справедливость и право. — Труды Института государства и права Российской академии наук, 2012 — с. 163—174
154. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. — Москва: Статут, 2001 — 411 с.
155. Грибов Н.Д. Доктрина запрета противоречивого поведения. — Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3 (112). С. 128—135
156. Гук П.А. Принципы российского законодательства как технико—юридическое средство ограничения судебного усмотрения. — Юридическая техника, 2020, № 14 — с. 135—139
157. Гурвич М.А. Принципы советского гражданского процессуального права // Советское государство и право. 1974. № 12. — с. 20—26
158. Гусейнов А.А. История этических учений. — Москва: Гардарики, 2003 — 905 с.
159. Дворкин Р. О правах всерьез. — Москва: Российская политическая энциклопедия, 2004 — 392 с.

160. Дёмкина А.В. Добросовестность в гражданском праве РФ. — Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 11. № 3. С. 92—100

161. Дёмкина А.В. Теория преддоговорной ответственности в свете реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации. — Москва: Государственная Дума, 2013 — 126 с.

162. Денисов С.А. Реальное государственное право современной России. Том 3. — Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017 — 520 с.

163. Деревесников А.В. Справедливость как принцип права: Историко—теоретический аспект. — URL: <https://www.dissercat.com/content/spravedlivost—kak—printsip—prava—istoriko—teoreticheskii—aspekt>

164. Деревнин А.А. Учение Цицерона о праве как выражении справедливости // Тезисы докладов на теоретической конференции аспирантов Института государства и права АН СССР и Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова / Академия наук СССР. Институт государства и права. — Москва, 1985. — С. 44 — 46

165. Держивицкий Е.В., Ларионов И.Ю., Перов В.Ю. К вопросу об этике права. — Вестник С.—Петербургского университета. Философия и конфликтология, 2016. Сер. 17. Вып. 4 — с. 33—44

166. Дерюгина Т.В. Добросовестность участников гражданских правоотношений как предел и принцип права. — Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 3 (20). С. 51—55

167. Дерюгина Т.В. Сущность понятия добросовестности в гражданском праве России. — Юрист — Правоведъ, 2010, № 3. — С. 46—49

168. Дерюгина Т.В., Зайцев А.О. Нравственность и право как основы правового воспитания и правомерного осуществления субъективных гражданских прав. — Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 1 — с. 28—33

169. Диденко А.Г. О справедливости в частном праве. — Власть Закона. 2018. № 3 (35). С. 156—163

170. Дождев Д.В. Добросовестность (bonafides) как правовой принцип. URL: https://web.archive.org/web/20210910234159/http://www.igpran.ru/public/articles/Dojdev.Bona_fides.pdf

171. Дождев Д.В. Римское частное право. — Москва: Норма, 1996 — 685 с.

172. Докучаева Т.В. Гражданско—процессуальная доктрина истины в России конца XIX — XX веков: Историко—правовое исследование. — Дисс. канд. юр. наук. — Москва, 1999 — 181 с.

173. Дрезин М.А. Соотношение принципов разумности и добросовестности в системе оценочных категорий частного права. — E—Scio, 2019

174. Дробышевский С.А., Протопопова Т.В. Идея человеческого достоинства в политико—юридических доктринах и праве. — Красноярск: ИПК СФУ, 2009 — 160 с.

175. Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Москва, 2005 — 25 с.

- 176.Евтодьева И.А. Принципы диспозитивности и состязательности советского гражданского процессуального права // Дисс... канд. юр. наук. — Москва, 1983 — 204 с.
- 177.Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. — Москва: Лекс—Книга, 2002 — 160 с.
- 178.Еременко В.И. Принцип эстоппель и судебные прецеденты. — *Изобретательство*. 2013. Т. 13. № 5. С. 15—26
- 179.Есенова В.П. Добросовестность, разумность и справедливость в гражданском праве России. — *Научные труды Северо—Западного управления РАНХиГС*. Т. 6, № 3 (20), 2015 — с. 100—104
- 180.Ефремов Е.Н. Принцип «эстоппель» в современном гражданском праве России: основные положения и особенности применения. — *Гуманитарные и политико—правовые исследования*. 2018. № 1 (1)
- 181.Жиленкова Т.В. Понятие и соотношение воли, риска и вины в гражданском праве России. — *Сибирский юридический вестник*. 2015. № 3 (70). С. 38—43
- 182.Жильсон Э. Философия в средние века. — Москва: Культурная революция, 2010 — 676 с.
- 183.Журавлева А.В. Нравственно—этические категории и гражданское законодательство РФ. — *Colloquium—journal*, 2019, № 19 (43)
- 184.Заботкин А.О. Действие презумпции добросовестности в нормах о виндикации в российском гражданском праве. — *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2017. № 12—3 (86). С. 61—63
- 185.Зарубина Н.П., Иванов В.В. Эволюция принципа добросовестности в гражданском праве. — *Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность*. 2014. № 1. С. 106—110
- 186.Заулочная С.А. Разумность, добросовестность и справедливость в гражданском законодательстве и судебной практике. — *Правотолкование и проблема судебного правотворчества материалы III Всероссийской научно—практической конференции. Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского*. Симферополь, 2020. С. 103—109
- 187.Захаров Г.А. Естественно—правовые категории в частном праве: некоторые аспекты сравнительно—правового исследования. — *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, 2000, № 1 — с. 201—210
- 188.Зорькин В.Д. Конституционно—правовое развитие России. — Москва: Инфра—Ц, 2011 — 720 с.
- 189.Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. — Изд. Моск. унив., 1978 — 268 с.
- 190.Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации. — *"Журнал российского права"*, N 12, 2004
- 191.Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. — Москва: Норма, 2008 — 591 с.

192. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. — Москва: Норма, 2010 — 541 с.
193. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. — Москва: Норма, 2016 — 504 с.
194. Зыбковец В.Ф. Происхождение нравственности. — Москва: Издательство политической литературы, 1974 — 125 с.
195. Иванова С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России. — Автореф. дисс... доктора юр. наук. — Владимир, 2006 — 45 с.
196. Иванова С.А. Феномен развития идей о справедливости в России. — *Евразийская адвокатура*, 2015: № 2 (15) (начало) — с. 42—47; № 3 (16) (окончание) — с. 47—51
197. Иващенко Е.А. Актуальные проблемы судебного усмотрения по гражданским делам. — *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2018. № 8 (24). С. 9—12
198. Ивкова А.В., Кротова Е.С. Некоторые особенности применения доктрины «эстоппель» в гражданском судопроизводстве Российской Федерации. — *Вестник Костромского государственного университета*. 2019. Т. 25. № 3. С. 167—171
199. Игнатышина Е.В. Принцип справедливости права в историческом разрезе. — *Отечественная юриспруденция*, 2017 — с. 5—8
200. Игнатъев А.С. Проблемы усмотрения как общетеоретическая проблема в контексте практики Конституционного суда Российской Федерации. — *Управленческое консультирование*, 2012, № 3 — с. 111—117
201. Ильинский И.Д. Категории «законности» и «справедливости» в советском праве // *Советское право*. — Москва; Ленинград, 1926. — № 2. — С. 3—24
202. Исаев И.А. Теневая сторона закона. — Москва: Проспект, 2015 — 362 с.
203. Исаев И.А. Топос и Номос. — Москва: Норма, 2007 — 415 с.
204. Исаенков А.А. Позитивизм как основа определения основных начал гражданского процессуального права. — *Вопросы российского и международного права*. 2014. № 8—9. С. 70—80
205. Казанцев В. Гражданско — правовая ответственность за вред, причиненный действиями судьбы. URL: <https://web.archive.org/web/20210818132918/https://www.lawmix.ru/comm/5429>
206. Калина В.Ф., Милохова А.В. Гражданско—правовой принцип добросовестности как этическая и правовая категория. — *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*, 2019, № 3 (13) — с. 125—132
207. Карлявин И.Ю. Методологическое значение категорий *fides* (совесть) и *bona fides* (добрая совесть) в римском частном праве. — *Lex Russica*, 2015. Том 48, № 1 — с. 130—139
208. Карташов В.Н., Баумова М.Г. Правовая культура. — Ярославль: ЯрГУ, 2008 — 199 с.

209. Катомина В.А., Санисалова Н.А. Законность и справедливость: единство, различия и взаимодействие. — Вестник Пензенского государственного университета, 2013, № 2 — с. 40—44
210. Катько А.А. Условия применения и пределы действия принципа эстоппель в процессуальном праве. — NovaUm.Ru. 2019. № 21. С. 97—100
211. Кельзен Г. Право, государство и справедливость. — Известия высших учебных заведений. Правоведение, № 2 (307), 2013 — с. 226—240
212. Кириллова А.Д. Пределы судебного усмотрения в процессе реализации дискреционных полномочий. — Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки, 2019 — с. 194—201
213. Кирина Е.О. Добросовестность как одно из начал в гражданском праве: догматические основы понимания. — Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 210—216
214. Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права (очерки по истории). — Москва: Изд. Моск. Уни—тета, 1967 — 118 с.
215. Климова А.Н. Принципы гражданского права. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Москва, 2005 — 24 с.
216. Коваленко К.Е. О некоторых особенностях общих принципов права. — Вестник С.—Петербургского университета МВД России, 2011, № 4 (52) — с. 19—22
217. Коваленко К.Е. Разумность в праве: основные формы проявления: автор. дисс... канд. юр. наук. — Екатеринбург, 2015 — 29 с.
218. Коваленко К.Е. Разумность как мера реализации норм права. — Законность и правопорядок в современном обществе, 2011. С. 123—126
219. Коваленко К.Е. Разумность применения правовых норм как основа построения правового государства. — Вестник С.—Петербургского университета МВД России, 2012, № 3 (55) — с. 21—23
220. Коваленко К.Е. Формы проявления принципа разумности в праве. — Известия Алтайского государственного университета, Серия Право, 2013 — с. 117—119
221. Ковлер А.И. Критерии справедливого судебного разбирательства: международные стандарты и их имплементация в национальном правосудии. — Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, 2017, № 1 — с. 21—25
222. Коллингвуд Р. Идея истории. — Москва: Наука, 1980 — 482 с.
223. Комаров А.С. «Надо следовать принципу добросовестности»: Интервью с членом административного совета Международного института унификации частного права (УНИДРУА) в Риме, завкафедрой ВАВТ, профессором А. Комаровым / беседу вела Ольга Плешанова // Деньги. — Москва, 2005. — № 3 (24 — 30 января). — 17 с.
224. Комарова Т.А. Разумность, справедливость и верховенство права как основные начала гражданского судопроизводства. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Саратов, 2019 — 22 с.

225. Комарова Т.А. Разумность, справедливость и верховенство права как основные начала гражданского судопроизводства. — *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2018. № 3 (122). С. 136—141
226. Комарова Т.А. Реализация принципа справедливости при пересмотре гражданских дел. — *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, № 1 (108), 2016 — с. 140—145
227. Комарова Т.А. Справедливость как морально—правовая и гражданско—процессуальная категория, применяемая при пересмотре судебных актов. — *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*. 2014. № 4 (12). С. 45—49
228. Кон И.С. Словарь по этике. — Москва: Издательство политической литературы, 1981 — 430 с.
229. Кондрат Е.Н. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: от толкования к законодательному закреплению. — *Вестник Московского университета МВД России*. 2015. № 5. С. 58—62
230. Кондратюк Д.Л. Нравственно—правовые принципы в гражданском праве России: На примере справедливости, гуманизма, разумности и добросовестности. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Москва, 2006 — 24 с.
231. Коновалов А.В. Понятие справедливости в гражданском праве. — *Lex russica (Русский закон)*. 2019. № 8 (153). С. 27—36
232. Коновалов А.В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике. — *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. № 4. С. 4—14
233. Коновалов А.В. Принцип разумности в гражданском праве. — *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 8 (105). С. 11—21
234. Конституции зарубежных государств. Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония. — Москва — Берлин: Инфотропик Медиа, 2012 — 640 с.
235. Контимирова Ю.И. Справедливость как основное начало права в трудах Б. Н. Чичерина. — *Омские научные чтения — 2018 Материалы Второй Всероссийской научной конференции*. Ответственный редактор Т.Ф. Ящук. 2018. С. 1113—1114
236. Кораблина О.В. Усмотрение в правоприменительной деятельности: общетеоретический и нравственно—правовой аспекты. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Саратов, 2009 — 22 с.
237. Корецкий Д.А. Категория разумности в гражданском праве, ее соотношение с категорией добросовестности. — *Философия права*. 2020. № 1 (92). С. 20—25
238. Корецкий Д.А. Проблема разграничения категорий «справедливость» и «добросовестность» в гражданском праве. — *Конституционно—правовое регулирование общественных отношений: теория, методология, практика Материалы II международной научно—практической конференции, приуроченной к 25—летию Конституции РФ*. 2018. С. 392—396

- 239.Королевская О.И. Категория «судейское усмотрение» через призму позитивистского и естественно—правового понимания права. — Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, 2017 — с. 219—220
- 240.Костин Ю.В. Проблемы соотношения права и нравственности в современной юридической науке. — Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2008 — с. 218—223
- 241.Котинова Е.И. Эстоппель в гражданском праве Российской Федерации. — Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 227—231
- 242.Кофанов Л.Л. Римское право. — Москва: РГУП, 2019 — 270 с.
- 243.Кофанов Л.Л. Lex и Ius. — Москва: Статут, 2006 — 574 с.
- 244.Крусс В.И. Теория конституционного правопользования. — Москва: Норма, 2007 — 746 с.
- 245.Крусс И.А. Значение презумпции процессуальной добросовестности в современном гражданском процессе: российский и зарубежный опыт. — Юридическая техника. 2010. № 4. С. 290—291
- 246.Кузнецова О.А. Системное толкование принципов гражданского права. — Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета, 2014, № 101 — 10 с.
- 247.Кузьмина И.Д. Соотношение категорий «вина» и «недобросовестность» в российском гражданском праве. — Академический юридический журнал. 2018. № 4 (74). С. 28—35
- 248.Куксин И.М., Мархгейм М.В. Принцип справедливости как атрибут правотворчества: проблемы формализации и реализации в России. // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. — 2016. — №17(238), вып.37.— С. 135—139
- 249.Кулаков В.В. О справедливости в гражданском праве. — Московская академия экономики и права. Т. 3. № 63, 2015 — с. 111—115
- 250.Кулаков В.В. Основные принципы гражданского права как особая форма права. — Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4 (22). С. 185—192
- 251.Куликов К.А. Принцип объективной и субъективной добросовестности и механизм его реализации в гражданском праве России. — Право. Законодательство. Личность. 2016. № 2 (23). С. 44—48
- 252.Купцова С.Н. Судебное и судебское право: Общетеоретические аспекты понимания и различия. — Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки, 2017, № 2 (42) — с. 55—61
- 253.Кучер А.Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. — Москва: Статут, 2005 — 355 с.
- 254.Куява Т.Ю. Принцип добросовестности: современное состояние и тенденции развития. — Тенденции развития науки и образования. 2019. № 56—9. С. 65—68

- 255.Лазарева О.В. Дефекты воли субъектов в гражданском законодательстве: вопросы теории и практики. — *Правовая политика и правовая жизнь*. 2019. № 4. С. 59—65
- 256.Ларионов И.Ю., Перов В.Ю., Севастьянова А.Д. Проблема морального содержания принципа верховенства права. — *Манускрипт*, 2018, № 4 (90) — с. 71—74
- 257.Ласкова В.Г., Салмина С.Г. К вопросу об ответственности за процессуальную недобросовестность в судебном процессе. — *Вестник Югорского государственного университета*, 2016, № 1 (40) — с. 234—236
- 258.Левакин И.В. Исторические закономерности конституционной нравственности. — *Журнал российского права*, 2017, № 3 — с. 21—28
- 259.Легеза Л.А. Гносеологические корни и социально—правовые предпосылки возникновения принципов справедливости, добросовестности и разумности. — *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2019. № 34. С. 160—168
- 260.Лейст О.Э. Сущность права. — Москва: Зерцало, 2002 — 279 с.
- 261.Лескина Э.И. Эстоппель в российском цивилистическом процессе. — *Российский юридический журнал*. 2018. № 1 (118). С. 108—112
- 262.Леценко О.К. Нравственность в древнеримском и современном российском праве: некоторые аспекты проблемы. — *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, 2015, № 6 (107) — с. 98—103
- 263.Липень С.В. Идеи "свободного права" в юридической науке дореволюционной России. — URL: <https://www.dissercat.com/content/idei—svobodnogo—prava—v—yuridicheskoi—nauke—dorevolyutsionnoi—rossii>
- 264.Лисицкая А.Ю. Механизм судебного контроля справедливости условий договора (статья 428 Гражданского кодекса Российской Федерации). — *Евразийский научно—исследовательский институт проблем права*, № 6 (31), 2017 — с. 54—57
- 265.Ллойд Д. Идея права. — Москва: Книгодел, 2009 — 374 с.
- 266.Лопатина Т.М. Судейское усмотрение: теория и практика регионального применения. — *Журнал российского права*, 2016, № 7 — с. 149—156
- 267.Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. — Москва: Статут, 2010. — 423 с.
- 268.Лунина Н.А. Реализация идеи социальной справедливости в законодательстве о рабочем времени и времени отдыха // *Советское государство и право*. — Москва, 1988. — № 9. — С. 124 — 127
- 269.Лысенко Е.С. К вопросу об оценочных понятиях в гражданском праве. — *Правовое государство: теория и практика*, 2015, № 2 (40) — с. 104—107
- 270.Мазур О.В. Требование разумности в механизме гражданско—правового регулирования: краткий сравнительно—правовой анализ. — С.—Петербургский государственный экономический университет: *Журнал Ученые записки юридического факультета*. 2012. № 24—25 (34—35). С. 87—95

271. *Майборода Т.Ю. К вопросу о классификации оценочных понятий в гражданском праве. — Universum: экономика и юриспруденция. 2019. № 8—9 (65). С. 4—8*
272. *Макеева М.В. Справедливость как нормативно—ценностный регулятор общественных отношений. — Преподаватель XXI век, 2010, № 3 — с. 235—240*
273. *Макинтайр А. После добродетели. — Москва: Академический Проект, 2000 — 375 с.*
274. *Малешин Д.Я. Методология гражданского процессуального права. — Москва: Статут, 2010 — 206 с.*
275. *Малофеев А.О. Реализация нравственно—этических категорий в гражданском праве. — Власть Закона. 2015. № 2 (22). С. 194—201*
276. *Мальцев Г.В. Нравственные основания права. — Москва: Норма, 2019 — 398 с.*
277. *Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. — Москва: Мысль, 1977 — 254 с.*
278. *Мамонтов В.А. Проблема реализации принципа разумности в российском гражданском праве. — Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 88—91*
279. *Марина Е.В. Значение внутреннего убеждения судьи при применении судьейского усмотрения. — Вестник Оренбургского государственного университета, 2014, № 3 (164) — с. 34—37*
280. *Марков П.В. Правовая природа и условия осуществления судебного усмотрения. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Москва, 2012 — 29 с.*
281. *Марков П.В. Проблема судебного усмотрения и установление правовых норм. — Труды Института государства и права Российской академии наук, 2010, № 6 — с. 125—136*
282. *Маркова Н.О. Справедливость как критерий обеспечения баланса интересов участников гражданских правоотношений. — Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве материалы международной научно—практической конференции. Ответственные редакторы: Т. А. Сошникова, Е. Е. Пирогова. 2018. С. 132—138*
283. *Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судьейское право. — Москва: Проспект, 2017 — 444 с.*
284. *Марыина А.А. Справедливость и гуманизм как нравственно—юридические принципы. — Социальная справедливость и право: проблемы теории и практики Материалы международной научно—практической конференции. Под общей редакцией Т.А. Сошниковой. 2016. С. 79—83.*
285. *Маслов В.А. Судейское усмотрение в решениях Верховного суда Российской Федерации. — Вестник Казанского юридического института МВД России, 2019, № 2 (36) — с. 219—225*
286. *Матвеев Р.Ф. Правовая культура XXI века. — Москва: МИИТ, 2010 — 244 с.*

287. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. — Саратовская государственная академия права, 2004 — 512 с.

288. Маштаков К.М. *Добрая совесть как нравственная основа частноправовых отношений.* — *Философия права*, 2016, № 1 (74) — с. 13—17

289. Мельник С.В. *Нравственные требования к деятельности судебной власти: международные принципы и национальное регулирование.* — *Вестник Московского университета МВД России*, 2018, № 2 — с. 215—218

290. Мельник С.В. *Соотношение правовых и нравственных начал поведения судей РФ.* — *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 2015, № 5 (68) — с. 358—360

291. Мельник С.В., Демичева Т.С. *Критерии разумности и справедливости при определении размера компенсации морального вреда.* — *Вестник Московского университета МВД России*. 2019. № 5. С. 94—97

292. Мельник С.В., Мальбин Д.А. *Эстоппель в Гражданском кодексе Российской Федерации.* — *Юрист—Правоведъ*. 2017. № 4 (83). С. 147—151

293. Мережкина М.С. *Принцип добросовестности как вектор обновления гражданского законодательства.* — *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция*. 2013. № 4 (21). С. 32—36

294. Мережкина М.С., Цыцылина Т.Л., Широ С.В. *Свобода судебного усмотрения при толковании оценочных категорий.* — *Legal Concept*. 2019. Т. 18. № 2. С. 79—83

295. Мерзликина Р.А. *Принцип «добросовестность» в гражданском законодательстве.* — *Юридические исследования*. 2013. № 3. С. 50—53

296. Мерзликина Р.А., Бойко Д.В. *Соотношение свободы, правовой инициативы и усмотрения.* — *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2016. № 3 (38). С. 16—20

297. Мигачева А.Ю. *Принцип справедливости в гражданском праве: эволюция представлений и современное состояние.* — *Актуальные проблемы гражданского права*, № 1 (3), 2014 — с. 150—167

298. Мигачева А.Ю. *Соразмерность как критерий принципа справедливости в гражданском праве.* — *Журнал Теория и практика общественного развития*, № 14, 2014 — с. 130—132

299. Мигачева А.Ю. *Философская категория «Справедливость» и гражданское право.* — *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2018. № 3 (41). С. 132—135

300. Митрахович А.С. *Добросовестность при защите прав участников гражданско—правового сообщества.* — *Отечественная юриспруденция*. 2019. № 1 (33). С. 28—32

301. Михайлов А.М. *Формирование и эволюция идей юридической догматики в романо—германской традиции (XII – XIX вв.).* — *Дисс... канд. юр. наук.* — Москва: Институт государства и права Российской Академии наук, 2012 — 203 с.

- 302.Моданов В.В. Правовая оценка добросовестности как оценочной категории гражданского права Российской Федерации. — Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 1А. С. 74—82
- 303.Муравьева А.М. Аккультурация принципа разумности в российскую правовую систему. — Юридическая техника, 2020 — с. 637—639
- 304.Муравьева А.М. Механизм заимствования института «эстоппель» в российской правовой системе. — Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2020. № 19 (19). С. 136—141
- 305.Муратов Р.Е. О допустимости использования в Российской Федерации нравственных начал судебной деятельности государств континентальной правовой системы. — Вестник Московского университета МВД России, 2019, № 1 — с. 183—185
- 306.Муратов Р.Е. О кодификации норм деятельности судей в Российской Федерации. — Закон и право, 2018, № 12 — с. 131—134
- 307.Мусихин Г.И. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). — С.—Петербург: Алетейя, 2002 — 241 с.
- 308.Мутасова М.А. Формы выражения принципа справедливости в отраслевом законодательстве. — Вестник экономической безопасности, № 1, 2017 — с. 74—82
- 309.Мухортов А.А. Соотношение правовых и нравственных начал при реализации права на судебское усмотрение. — Вестник экономической безопасности, № 11, 2011 — с. 93—96
- 310.Назаров И.Д. Этико—философский анализ факторов судебного усмотрения. — Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2017 — с. 113—120
- 311.Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории. — Москва: Статут, 2019 — 277 с.
- 312.Нахова Е.А. Принцип справедливости в проекте Кодекса гражданского судопроизводства Российской Федерации. — Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2015 — с. 191—202
- 313.Невзоров А.Н. Принцип добросовестности как новое явление в современном российском гражданском праве в эпоху антропоцена. — Отечественная юриспруденция. 2017. Т. 1. № 5 (19). С. 16—27
- 314.Некрасов С.Ю. Инициатива суда и судебское усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. — ГлаголЪ правосудия. 2017. № 2 (14). С. 19—23
- 315.Некрасов С.Ю., Калиновская Д.С. Справедливость как принцип гражданского судопроизводства. — ГлаголЪ правосудия, 2016, № 2 (12) — с. 14—17
- 316.Непомнящих А.А. Добросовестность в гражданском праве. — NovaUm.Ru. 2017. № 5. С. 168—170

317. *Никитин А.А. Законодательное ограничение судебного усмотрения. — Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1 (132). С. 191—197*
318. *Никитин А.А. Усмотрение в праве и его признаки. — Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2012, № 6 (89) — с. 34—41*
319. *Никифорова О.Б. Этические проблемы правоприменения. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Саратов, 2007 — 22 с.*
320. *Николайченко О.В. Судебное усмотрение в гражданском судопроизводстве. — Юридическая мысль. 2014. № 6 (86). С. 99—103*
321. *Новая философская энциклопедия (рук. проекта В. С. Степин, Г. Ю. Семигин). — Москва: Мысль, 2010 — 744+636+692+735 с.*
322. *Новикова Т.В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Ростов—на—Дону, 2009 — 26 с.*
323. *Новицкий И.Б. История советского гражданского права. — Москва: Всесоюзный институт юридических наук, 1957 — 323 с.*
324. *Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права. — Вестник гражданского права, № 6—8, 1916 — с. (56—90)+(85—106)+(87—108)*
325. *Овдиенко Е.Б. Судебное толкование категории «добросовестность» в гражданском праве. — Успехи современной науки. 2016. Т. 6. № 11. С. 145—148*
326. *Одегнал Е.А. Содержание принципа добросовестности в современном гражданском праве. — Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 6. С. 234—238*
327. *Опалев Р.О. К вопросу о перспективах исследования процессуального усмотрения в рамках науки цивилистического процесса. — Актуальные проблемы российского права, 2008, № 4 — с. 228—236*
328. *Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Екатеринбург, 2008 — 28 с.*
329. *Орлова О.В. Роль государства и права в гражданском обществе. — Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 1. С. 48—61*
330. *Основы советского права. — Под ред. С. М. Корнеева — Москва: Юридическая литература, 1985 — 448 с.*
331. *Паламарчук В.М. Справедливость как принцип правоприменения в правовом государстве. — Вестник Московского университета МВД России, 2010, № 3 — с. 143—146*
332. *Палеха Р.Р. Современное отечественное правопонимание. — Москва: Российская академия правосудия, 2010 — 232 с.*
333. *Панкова О.В. Правосудие в современной России: понятие и признаки. — Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 4. С. 527—546*
334. *Папкина О.А. Усмотрение суда. — Москва: Статут, 2005 — 410 с.*

- 335.Пермяков А.В., Кириллов Д.А. Межотраслевой модельный подход к разграничению добросовестности и невиновности в гражданском праве России. — Вестник Тюменского государственного университета. Социально —экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5. № 2. С. 155—170
- 336.Пермяков А.В., Кириллов Д.А. Сравнение логических конструкций добросовестности в российском гражданском праве и невиновности в российском публичном праве. — Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 192—197
- 337.Пермяков Ю.Е. Философские основания юриспруденции. — Самара: Самар. гуманитар. акад., 2006 — 248 с.
- 338.Петрунина А.А. Проблемы соотношения единства судебной практики и судебного прецедента. — Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2016, № 1 (108) — с. 38—43
- 339.Петручак Л.А. Правовая культура. — Москва: Юриспруденция, 2012 — 393 с.
- 340.Печерская Н.В. Метаморфозы справедливости: историко—этимологический анализ понятия справедливости в русской культуре. — Полис. Политические исследования. 2001. № 2. с. 132—146
- 341.Пирогова Е.Е. Равенство всех перед законом и судом как элемент социальной справедливости. — Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве материалы международной научно—практической конференции. 2017. С. 102—106
- 342.Плешанов А.Г. Развитие принципов цивилистического процесса в свете намечающейся реформы процессуального законодательства России. — Электронное приложение к Российскому юридическому журналу, 2018, № 3 — с. 42—48
- 343.Подмосковный В.Д. Правовая основа судебного усмотрения по российскому законодательству: Вопросы теории и практики. — URL: [https://www.dissercat.com/content/pravovaya—osnova—sudebnogo—usmotreniya—po—rossiiskomu—zakonodatelstvu—voprosy—teorii—i—prakt](https://www.dissercat.com/content/pravovaya-osnova-sudebnogo-usmotreniya-po-rossiiskomu-zakonodatelstvu-voprosy-teorii-i-prakt)
- 344.Политова И.П. О задачах исследования понятий «воля» и «волеизъявление» в цивилистике. — Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2012. № 1 (11). С. 97—101
- 345.Поляков М.А. Развитие принципа добросовестности в праве европейских государств в период от Средневековья до современности. — Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2012, № 18 — с. 202—206
- 346.Помогалова Ю.В. Институт заверений об обстоятельствах как правовой инструмент развития принципа добросовестности в гражданском праве. — Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2015. № 1—2. С. 185—190
- 347.Попова Ю.А., Василенко Е.В. Место принципов разумности и добросовестности в системе принципов гражданского права. — Общество и право. 2012. № 1 (38). С. 84—88

348. Поупкин Р., Стролл А. *Философия*. — Москва: Серебряные нити, 1998 — 497 с.
349. Пресняков М.В. *Конституционная интерпретация принципа справедливости в социокультурном аспекте*. — *Ленинградский юридический журнал*, 2012 — с. 47—58
350. Пресняков М.В. *Конституционная концептуализация формальной и фактической справедливости*. — *Вопросы управления*, 2014 — с. 112—116
351. *Принципы права: проблемы теории и практики*. — Материалы XI Международной научно—практической конференции. Москва: РГУП, 2017 — 488+368 с.
352. Пустарнаков В.Ф. *Университетская философия в России*. — С.—Петербург: Изд—во Русского Христианского гуманитарного института, 2003 — 904 с.
353. Пустомолотов И.И. *Категория «недобросовестность» в гражданском законодательстве*. — *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*, 2012 — с. 120—124
354. Рассказов Н.Ю. *Модельные правила европейского частного права*. — Москва: Статут, 2013 — 617 с.
355. Ревина С.Н., Саменкова С.Е. *Место и роль принципа справедливости в системе принципов российского права*. — *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*, 2018, т. 1, № 2 — с. 125—133
356. Резниченко И.М. *Внутреннее судебское убеждение и правовые чувства // Теория и практика установления истины в правоприменительной деятельности*. Иркутск, 1985 — с. 12—21
357. Рейхель М.О. *О взаимопомощи и добросовестности в гражданском праве // Советское государство и право*, № 10. — Москва, 1948. — С. 62 — 65
358. Рехтина И.В., Боловнев М.А. *Оценочные понятия в гражданском процессе*. — *Юрислингвистика*, № 7—8—2018 — с. 27—34
359. Рогачев Д.Н. *Разумность как общеправовая категория: проблемы теории, техники, практики*. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Нижний Новгород, 2010 — 35 с.
360. Розенгауз В. *Правовое положение добросовестного приобретателя вещи по советскому гражданскому праву // Тезисы докладов / Вторая Московская студенческая научная конференция. Юридическая секция*. — Москва: Издание Московского юридического института, 1948. — С. 30 — 31
361. Розин В.М. *Генезис и современные проблемы права*. — Москва: Nota Bene, 2004 — 211 с.
362. Розин В.М. *Основные этапы формирования права в Западной Европе и России*. — Lambert Publishing, 2012 — 181 с.
363. Роор К.А. *Понятие и сущность эстоппеля*. — *Актуальные проблемы российского права*. 2018. № 7 (92). С. 71—81
364. Рубанов А.В. *Некоторые вопросы теории судебного усмотрения*. — *Общество и право*, 2013, № 3 (45) — с. 314—316

365. Рудов М.В. Проблемы нормативной коннотации гражданско—правового понятия «добросовестность». — *Имущественные отношения в Российской Федерации*, 2015, № 9 (168) — с. 90—97
366. Румянцев О.Г. Конституция Девяносто третьего. - Москва: Библиотечка РГ, 2013 — 334 с.
367. Русакова Н.Г. Правовое и моральное регулирование как целостная система. — *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 2016, № 4 (36) — с. 27—30
368. Рыженков А.Я. Моральное содержание основных начал гражданского законодательства. — *Современное право*. 2014. № 5. С. 47—51
369. Рыженков А.Я. Принцип добросовестности в обновленном гражданском законодательстве. — *Право и образование*. 2013. № 9. С. 62—69
370. Рясина А.С. Оценочные категории в российском праве: современные подходы. — *Актуальные проблемы российского права*. 2015. № 3 (52) — с. 31—37
371. Рясина А.С. Оценочные категории: общетеоретический и нравственно—правовой аспекты. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Саратов, 2013 — 26 с.
372. Рясов А.И. Принцип справедливости в назначении наказания при множественности преступлений: автореф. дисс... канд. юр. наук Ставропольский государственный университет, 2004. — 23 с.
373. Савельева Т.А. Справедливость судебного разбирательства в современном цивилистическом процессе. — *Право. Законодательство. Личность*. 2016. № 2 (23). С. 104—108.
374. Сазанова И.В. К проблеме судебной коррекции свободы договора в гражданском праве РФ. — *Научный альманах*. 2015. № 7 (9). С. 1149—1153
375. Самигуллин В.К. О степени нравственности и права (к постановке вопроса). — *Проблемы востоковедения*, 2017, № 4 (78) — с. 8—13
376. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. — Москва: Бек, 2002 — 333 с.
377. Сапун В.А. Социалистическое правосознание и реализация советского права. — Владивосток: Дальневосточный университет, 1984 — 112 с.
378. Свердлык Г.А. Принципы советского гражданского права. — Дисс... доктора юр. наук // Красноярск: Красноярский университет, 1985 — 428 с.
379. Свит Ю.П. Понятие и значение добросовестности и разумности в современном российском праве. — *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2010. № 9. С. 3—9
380. Семенова Е.В. Правовая природа эстоппеля, его происхождение и понятийное содержание. — *Правовая культура*. 2018. № 1 (32). С. 126—130
381. Сидоров Б.В. Судейское усмотрение: служение закону и совести или стихия беззакония и коррупции. — *Вестник экономики, права и социологии*, 2013, № 2 — с. 176—182

382. Сирик Н.В., Куценко В.О. Принцип эстоппель: опыт использования в РФ. — Вестник Международного юридического института. 2019. № 1 (68). С. 41—46
383. Скловский К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России. URL: <https://web.archive.org/web/20111225091407/http://lawmix.ru/cont/4758>
384. Смецкая А.М. Судейское усмотрение в деятельности суда второй инстанции // Вопросы государства и права развитого социалистического общества. — Харьков, 1975. — С. 127 — 128
385. Смольников С.Н. Социологический взгляд на социальную справедливость как норму права. — Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. № 1. С. 116—123
386. Соболев В.В. Проблемы формирования профессионального правосознания и судейского усмотрения. — Общество и право, 2016, № 4 (58) — с. 186—189
387. Советское гражданское право. — Отв. ред. О. Н. Садилов — Москва: Юридическая литература, 1983 — 464 с.
388. Соломин С.К. Добросовестность в гражданском праве. — Москва: Юстицинформ, 2018 — 143 с.
389. Соломин С.К. Теория добросовестности в российском гражданском праве: становление, развитие, перспективы. — Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 2 (47). С. 75—85
390. Спиринов М.Ю. Материалистическая юридическая доктрина о материальном источнике и волевом источнике права. — Теория государства и права. 2019. № 4 (16). С. 166—172
391. Степин А.Б. Судебное усмотрение в частном праве: Вопросы теории и практики. — URL: <https://www.dissercat.com/content/sudebnoe—usmotrenie—v—chastnom—prave—voprosy—teorii—i—praktiki>
392. Судебная власть (ред. И.Л. Петрухин). — Москва: Проспект, 2003 — 717 с.
393. Султанов А.Р. Ложь, добросовестность в гражданском праве и процессе. — Евразийская адвокатура. 2019. № 5 (42). С. 62—66
394. Сырямкина Е.В. Справедливость как индикатор устройства хорошего общества: путь от теории к практическому воплощению. — Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4—1 (60). С. 204—207
395. Сэндел М. Справедливость. — Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2013 — 338 с.
396. Табаков А.Л. Справедливость и позитивное право: проблемы соотношения в русской философии права второй половины XIX — первой половины XX в. — Актуальные проблемы российского права, 2017, № 6 (79) — с. 64—71
397. Тарусина Н.Н. Проблемы судебного усмотрения по гражданским делам. — Ярославль: Яросл. гос. ун.—т. им. П. Г. Демидова, 2012 — 44 с.

398. Татарников А.В. Классификация принципов гражданского права и место в ней принципов разумности и добросовестности. — Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 1. С. 141—143
399. Татарников А.В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Москва, 2010 — 30 с.
400. Татарников А.В., Голышев В.Г. Соотношение принципов разумности и добросовестности в гражданском праве. — Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6. С. 110—114
401. Терехов В.В. Применение права эстоппель в процессуальных отношениях. — Правоприменение. 2019. Т. 3. № 3. С. 135—140
402. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. — Москва, 1997 — 526 с.
403. Тихонравов Ю.В. Основы философии права. — Москва: Вестник, 1997 — 608 с.
404. Тищенко А.В. Принцип справедливости как стандарт правоприменительной деятельности в механизме отправления правосудия. — Вестник Южно—Уральского государственного университета. Серия: Право, 2017. Т. 17, № 4 — с. 113—117
405. Ткачева С.Г. Конкретизация закона и его судебное толкование: автореф. дисс... канд. юр. наук: Всесоюзный научно—исследовательский институт советского законодательства. — Москва, 1973. — 20 с.
406. Трезубов Е.С., Щеглова Е.С. Фиктивность гражданского процесса: конституирующие признаки и механизмы запрета злоупотребления процессуальными правами в Российской Федерации. — Вестник Кемеровского государственного университета, 2013, № 3 (55). Т. 1. С. 287—291
407. Тулузакова М.В. Социальная справедливость в контексте формирования гражданского общества. — Дыльновские чтения: «Российская идентичность: состояние и перспективы» 2015 — с. 227—230
408. Тупицина Т.Н. Принцип эстоппель в гражданском праве. — Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2017. № 18—3. С. 76—78
409. Ульянищев В.Г., Бадаева Н.В. «Принцип добросовестности» и идея «справедливости» в гражданском праве // Юридические исследования. — 2018. — № 9. URL: https://web.archive.org/web/20210727151809/https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27240
410. Ульянов А.В. Добросовестность в гражданском праве. — Журнал российского права. 2014. № 6 (210). С. 133—140
411. Утевский Б.С. Кризис доверия, судебское усмотрение и проект германского уголовного уложения // Проблемы преступности: Сборник / Под ред. Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича и М. Гернета; Государственный институт по изучению преступника и преступности. — Москва, 1929. — Выпуск 4. — С. 194 — 204

412. Фаст О.Ф. Категория «справедливость» в некоторых гражданских правоотношениях. — Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131). С. 140—143
413. Фаст О.Ф. Проблема справедливости как предмет гражданско—правового исследования. — Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 1 (126). С. 123—127
414. Фаст О.Ф. Проблема справедливости как предмет гражданского права. — Гражданское право, гражданское и административное судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики Материалы III Всероссийской научно—практической конференции. Под ред. Н.В. Корниловой. 2018. С. 71—74
415. Федин И.Г. Добросовестность как правовая категория. — Актуальные проблемы российского права, 2018, № 4 (89) — с. 21—29
416. Федин И.Г. Соотношение добросовестности с категориями «разумность» и «справедливость». — Философия права, 2017, № 4 (83) — с. 22—28
417. Федина А.С. Внедрение принципа добросовестности в законодательство о гражданском судопроизводстве. — Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 3. С. 133—144
418. Ференс—Сороцкий А.А. Аксиомы и принципы гражданско—процессуального права: Дисс... канд. юр. наук — Ленинград: ЛГУ, 1989 — 150 с.
419. Филатова Т.В. К вопросу о морально—этических основах функционирования судебной власти в Российской Федерации. — Социально—политические науки, 2013, № 1 — с. 6—13
420. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. — Москва: Мысль, 2012 — 554 с.
421. Фомина Л.А. Добросовестность при преодолении пробелов в гражданско—правовом регулировании. — Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, 2008, № 2 — с. 136—138
422. Франчози Дж. Институционный курс римского права. — Москва: Статут, 2004 — 422 с.
423. Фуллер Л. Мораль права. — Москва: ИРИСЭН, 2007 — 308 с.
424. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. — Москва: ИРИСЭН, 2006 — 643 с.
425. Харсеева В.Л. Понятие и содержание принципа добросовестности в гражданском праве. — Общество: политика, экономика, право. 2013. № 4. С. 123—126
426. Харт Г. Понятие права. — Изд—во С.—Петербург. ун—та, 2007 — 302 с.
427. Харченко Д.С. Принцип добросовестности в гражданском праве. — Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет". 2020. Т. 4. № 12—2. С. 210—213
428. Хаузер М. Мораль и Разум. — Москва: Дрофа, 2008 — 639 с.
429. Хмелева Т.И., Цыбулевская О.И. Разумность, добросовестность и справедливость в системе конструкций гражданского права: некоторые вопросы теории и практики. — Нижегородская академия Министерства вну-

тренних дел Российской Федерации, Журнал Юридическая техника, № 7—2, 2013 — с. 802—806

430. Храмцов К.В. Категория справедливости в гражданском праве (философско—правовой анализ). — Вестник Омского университета. Серия: Право. № 1 (10), 2007 — с. 34—44

431. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Справедливость в праве: аксиологический подход. — Вестник Поволжского института управления, 2017. Т. 17, № 5 — с. 52—59

432. Чапанов Т.И. О роли справедливости в российском правоведении. — Вестник ПАГС, 2009, № 20 — с. 81—85

433. Чапанов Т.И. Организационно—правовое обеспечение реализации принципа справедливости в гражданском и арбитражном судопроизводстве. — Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Москва, 2013 — 22 с.

434. Чапанов Т.И. Социально—ценностная и правовая природа принципа справедливости в гражданском и арбитражном процессуальном праве. — Общество и право, 2009, № 3 (25)

435. Черных С.Н. Отдельные аспекты взаимодействия категорий «право» и «справедливость». — Вестник Воронежского государственного технического университета, 2012

436. Черных С.Н. Право и справедливость: единство и противоречие в социальном процессе. — Автореф. дисс... канд. философских наук. — Воронеж, 2011 — 26 с.

437. Черняева А.В. Единство принципов законности и справедливости в современном гражданском обществе. — Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. № 1, 2009 — с. 126—134

438. Честнов И.Л. Концепт справедливости в постклассическом понимании. — Известия высших учебных заведений. Правоведение, 2013, № 2 (307) — с. 35—50

439. Чечельницкий И.В. Принцип справедливости в российском праве. — Социально—экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 7. С. 100—104

440. Шахрай С.М. О Конституции. — Москва: Наука, 2013 — 912 с.

441. Швачкина М.В. Судебное рассмотрение дел по заявлениям на нотариальные действия и отказ в их совершении: автореф. дис... канд. юр. наук; [Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ]. — Москва, 2013. — 25 с.

442. Шевцов С.Г. Воля при осуществлении усмотрения в гражданском праве. — Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 56—61

443. Шевцов С.Г. Критерии усмотрения при выборе между добром и злом: цивилистический подход. — Право и государство: теория и практика. 2012. № 3 (87). С. 138—142

444. Шевцов С.Г. Проблема ограничения свободного усмотрения в гражданском праве. — Бизнес в законе. 2012. № 3. С. 56—60

445. Шевцов С.Г. Усмотрение и причинно—следственные связи в гражданском праве. — Современное право. 2012. № 3. С. 78

446. Шевцов С.Г. Усмотрение и произвол: комплексный подход к соотношению понятий. — Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, 2011, № 5 — с. 59—63
447. Шевцов С.Г. Усмотрение как волевой процесс. — Аграрное и земельное право. 2012. № 3 (87). С. 143—146
448. Шелепина Е.А. Принцип добросовестности в гражданском праве: особенности применения в суде и правовые последствия. — Образование и право, 2019, № 11 — с. 112—116
449. Шелухин А.Ф. Осознание в истории принципов нравственности и морали как нормы права. — Наука и Школа, 2016, № 5 — с. 174—181
450. Шмелев Р.В. Реформа обязательственного права в Российской Федерации. — Аграрное и земельное право. 2018. № 3 (159). С. 92—97
451. Щенникова Л.В., Быкова М.О. Категория «добрые нравы» в гражданском законодательстве и цивилистической доктрине зарубежных стран. — Вестник Пермского университета. Юридические науки, 2011. Выпуск 2 (12) — с. 153—159
452. Щенникова Л.В., Быкова М.О. О добросовестности как принципе гражданского права. — Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2014. № 2 (19). С. 4—6
453. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. — Ленинград: ЛГУ, 1980 — 119 с.
454. Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. — С.—Петербург: Талисман, 1995 — 288 с.
455. Юдин А.В. Вопросы обеспечения добросовестности в цивилистическом процессе (итоги десятилетнего применения ГПК РФ и АПК РФ). — Актуальные проблемы правоведения. 2013. № 3 (39). С. 118—128
456. Юдин А.В. Широкое и узкое понимание категорий «добросовестность» и «злоупотребление правом» в гражданском судопроизводстве. — Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2014. № 1 (15). С. 39—44
457. Юридическая энциклопедия (под ред. Б. Н. Топорнина). — Москва: Юрист, 2001 — 1237 с.
458. Юридический энциклопедический словарь (под ред. А. В. Малько). — Москва: Проспект, 2016 — 1130 с.
459. Юридический энциклопедический словарь (под ред. А. Я. Сухарева). — Москва: Советская энциклопедия, 1984 — 415 с.
460. Юрова И.О. Добросовестность при осуществлении гражданских прав. — Евразийская адвокатура. 2017. № 5 (30). С. 53—56
461. Якубчик М.М. Комплексное понятие добросовестности: соотношение с доктриной злоупотребления правом. — Журнал российского права, 2012, № 10 — с. 107—115
462. Schulze R. *Common European Sales Law (CESL). A Commentary.* — ISBN: 9781849463652

В. Классические труды по цивилистике, правоведению и этике

- 463.Абеляр П. Этика, или Познай самого себя. — Москва: Человек, 1995, № 3—5
- 464.Адамович В.И. Очерк русского гражданского процесса. — С.—Петербург, 1894 — 194 с.
- 465.Адорно Т. Проблемы философии морали. — Москва: Республика, 2000 — 239 с.
- 466.Азаревич Д.И. Из лекций по римскому праву. — Одесса, 1885 — 145 с.
- 467.Азаревич Д.И. Судоустройство и судопроизводство по гражданским делам. — Варшава, 1891—1892, 1894, 1896, 1900 — 389+145+76+295 с.
- 468.Алексеев Н.Н. Общее учение о праве. — Симферополь, 1919 — 161 с.
- 469.Алексеев С.С. Проблемы теории государства и права. — Москва: Юридическая литература, 1987 — 445 с.
- 470.Анненков К.Н. Система русского гражданского права Т. 1. — С.—Петербург, 1910 — 703 с.
- 471.Аннерс Э. История европейского права. — Москва: Наука, 1994 — 392 с.
- 472.Аренс Г. Юридическая энциклопедия. — Москва, 1863 — 524 с.
- 473.Аристотель. Сочинения. Т. 4. — Москва: Мысль, 1983 — 829 с.
- 474.Аристотель. Эвдеменова этика. — Москва: Российская Академия Наук, 2005 — 448 с.
- 475.Аристотель. Этика. — С.—Петербург, 1908 — 207 с.
- 476.Астафьев П.Е. Общественное благо в роли верховного начала нравственной жизни. — Москва, 1892 — 38 с.
- 477.Астафьев П.Е. Чувство как нравственное начало. — Москва, 1886 — 84 с.
- 478.Ахелис Т. Этика. — Москва: Либроком, 2011 — 109 с.
- 479.Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI – XVIII веках. — Москва: Издательство иностранной литературы, 1949 — 397 с.
- 480.Баткин Л.М. Итальянские гуманисты. — Москва: Наука, 1978 — 204 с.
- 481.Бекетов А.Н. Нравственность и естествознание. — Из сб.: Вопросы философии, Кн. 6, 1891 — с. 1—67
- 482.Белогруд Н.Е. Римское право. — Киев, 1894 — 220 с.
- 483.Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. — Москва: Российская политическая энциклопедия, 1998 — 189 с.
- 484.Бергсон А. Два источника морали и религии. — Москва: Канон, 1994 — 382 с.
- 485.Бержель Ж.—Л. Общая теория права. — Москва: Nota bene, 2000 — 576 с.
- 486.Бернгефт Ф., Колер И. Гражданское право Германии. — С.—Петербург, 1910 — 407 с.
- 487.Берс А.А. Нравственность как неминувый продукт общественных инстинктов. — Москва, 1908 — 36 с.

- 488.Бертгольдт Г.В. Устав Гражданского Судопроизводства. — Москва, 1915 — 725 с.
- 489.Блюнчли И.К. История общего государственного права и политики. — С.—Петербург, 1874 — 597 с.
- 490.Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. — Москва: Постум, 2015 — 240 с.
- 491.Брагина Л.М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV—XV веков. — Москва: Высшая школа, 1977 — 253 с.
- 492.Бринтон К. Идеи и люди. — Nyköping: Philosophical arkiv, 2016 — 586 с.
- 493.Бринтон К. Истоки современного мира. — Roma: Edizioni Aurora, 1971 — 467 с.
- 494.Бэймкер К. Европейская философия средневековья. — Москва: Либроком, 2015 — 88 с.
- 495.Валла Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. — Москва: Наука, 1989 — 474 с.
- 496.Вальденберг В.Е. Законоведение. — Петроград, 1915 — 184 с.
- 497.Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Т. 1. — Москва, 1913 — 691 с.
- 498.Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. — С.—Петербург, 1894 — 169 с.
- 499.Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. — Одесса, 1901 — 375 с.
- 500.Ваттель Э. Право народов. — Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1960 — 692 с.
- 501.Вебер А. История европейской философии. — Киев, 1882 — 469 с.
- 502.Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. — Москва: Айрис—пресс, 2004 — 576 с.
- 503.Виндельбанд В. История древней философии с приложением истории философии Средних веков и Эпохи Возрождения. — С.—Петербург, 1898 — 399 с.
- 504.Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. — С.—Петербург, 1902, 1905 — 464+421 с.
- 505.Виноградов П.Г. История правоведения. — Москва, 1908 — 223 с.
- 506.Виноградов П.Г. Очерки по теории права. — Москва, 1915 — 153 с.
- 507.Владимирский—Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. — Москва: Территория будущего, 2005 — 798 с.
- 508.Владимирский—Буданов М.Ф. Русская Правда. — Киев, 1911 — 24 с.
- 509.Владиславлев И.А. Общие основания гражданского судопроизводства. — С.—Петербург, 1857 — 119 с.
- 510.Владиславлев И.А. Таблицы гражданского судопроизводства. — С.—Петербург, 1853 — 73 с.
- 511.Вольф Х. Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды. — С.—Петербург, 1765 — 304 с.

512. Вундт В. Введение в философию. — С.—Петербург, 1903 — 310 с.
513. Вундт В. Этика. — С.—Петербург, 1887—1888 — 284+452+255 с.
514. Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни. — Москва, 1869 — 490 с.
515. Гегель Г. Сочинения. — Москва — Ленинград: Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б), 1932: Т. 9 — 311 с.; Т. 10 — 452 с.; Институт философии Коммунистической Академии при ЦИК СССР, 1935: Т. 11 — 528 с.
516. Гегель Г. Философия права. — Москва: Мысль, 1990 — 525 с.
517. Гейне А.Н. О приобретении плодов добросовестным владельцем по т. X ч. I // Вестник Права. — Санкт—Петербург., 1900. — № 8 (Октябрь). — С. 138 — 145
518. Гельвеций К. Сочинения. — Москва: Мысль, 1973—1974 — 644+678 с.
519. Гензель П. Основные проблемы этики. — С.—Петербург, 1905 — 86 с.
520. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. — Москва — С.—Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2013 — 760 с.
521. Геффдинг Г. Этика. — Москва: ЛКИ, 2012 — 400 с.
522. Гильчер М.Э. К вопросу о добросовестности в германском гражданском уложении // Право. Еженедельная юридическая газета. — С.—Петербург, 1899. — № 30. — Стб. 1459 — 1463
523. Гиляров А.Н. Философия в ее существе, значении и истории. — Киев, 1916, 1919 — 644+209 с.
524. Гогоцкий С.С. Философия XVII и XVIII веков в сравнении с философией XIX в. — Киев: В. 1, 1878 — 192 с.; В. 3, 1884 — 139 с.
525. Гольбах П. Избранные произведения. Т. 2. — Москва: Издательство социально—экономической литературы, 1963 — 554 с.
526. Гольбах П. Священная зараза. — Москва: ОГИЗ, 1936 — 343 с.
527. Гольбах П. Система природы. — Москва: Издательство социально—экономической литературы, 1963 — 684 с.
528. Гольденвейзер А.С. Герберт Спенсер. Идеи свободы и права в его философской системе. — С.—Петербург, 1904 — 173 с.
529. Гольмстен А.Х. Русское гражданское право. — С.—Петербург, 1898 — 147 с.
530. Гольмстен А.Х. Юридические исследования и статьи. Т. 1. — С.—Петербург, 1894 — 532 с.
531. Гольцев В.А. Воспитание, нравственность, право. — Москва, 1897 — 162 с.
532. Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII века. — С.—Петербург, 1896 — 164 с.
533. Гольцев В.А. Основные понятия о правоведении. — Москва, 1900 — 70 с.
534. Горюшкин З.А. Руководство к познанию российского законоискусства. — Москва, 1811 — 348 с.

535. Грибовский В.М. Древнерусское право. В. 1. — Петроград, 1915 — 131 с.
536. Grimm Д.Д. Курс римского права. — С.—Петербург, 1904 — 168 с.
537. Grimm Д.Д. Лекции по догме римского права. — С.—Петербург, 1907 — 147 с.
538. Grimm Д.Д. Лекции по истории римского права. — С.—Петербург, 1914 — 414 с.
539. Grimm Д.Д. Соотношение между юридическими институтами и конкретными отношениями. — Москва, 1914 — 18 с.
540. Грот Н.Я. О нравственной ответственности и юридической вменяемости. — Одесса, 1885 — 47 с.
541. Грот Н.Я. Основные вопросы философии XVII и XVIII вв. — Москва, 1891 — 165 с.
542. Гуляев А.Д. Лекции по истории древней философии. В. 1 Основные моменты эволюции греческого мировоззрения до Платона. — Казань, 1915 — 381 с.
543. Гуляев А.Д. Этическое учение в «Мыслях» Паскаля. — Казань, 1906 — 275 с.
544. Гуляев А.М. Русское гражданское право. — С.—Петербург, 1913 — 638 с.
545. Гуманистическая мысль итальянского Возрождения (отв. ред. Л.М. Брагина). — Москва: Наука, 2004 — 352 с.
546. Гуманисты эпохи Возрождения о формировании личности (XIV—XVI вв.) (под. ред. М. П. Крыжановской). — С.—Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018 — 400 с.
547. Гумбольдт В. О пределах государственной деятельности. — Челябинск: Социум, 2009 — 287 с.
548. Гюйо Ж.М. История и критика современных английских учений о нравственности. — С.—Петербург, 1898 — 458 с.
549. Гюйо Ж.М. Нравственность без обязательств и без санкции. — Москва, 1923 — 144 с.
550. Гюйонварх К.—Ж., Леру Ф. Кельтская цивилизация. — С.—Петербург: Культурная инициатива, 2001 — 361 с.
551. Дарест Р. Исследования по истории права. — Москва: Либроком, 2012 — 392 с.
552. Де Роберти Е.В. Прошедшее философии. Опыт социологического исследования общих законов развития философской мысли. — Москва, 1887 — 658 с.
553. Дестют де Траси А. Основы идеологии. — Москва: Академический Проект, 2013 — 331 с.
554. Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях. — Москва, 1859 — 580 с.
555. Долбин В.А. Курс законоведения. — С.—Петербург, 1896 — 307 с.

556. Дубынин В.А. Мозг и его потребности. — Москва: Альпина нон—фикшн, 2021 — 373 с.
557. Дыдынский Ф.М. Латинско—русский словарь к источникам римского права. — Варшава, 1896 — 464 с.
558. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в древней России. Опыты по истории русского гражданского права. — Москва, 1869 — 413 с.
559. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. — С.—Петербург, 1902 — 246+670 с.
560. Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. — Москва, 1884 — 382 с.
561. Ефименко П.С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. — Архангельск, 1869 — 329 с.
562. Ефимов В.В. Догма римского права. — С.—Петербург, 1901 — 636 с.
563. Ефимов Е.Н. Курс законоведения. — Москва, 1916 — 128 с.
564. Жаков К.Ф. Лимитизм: Единство наук, философии и религии. — Рига, 1929 — 226 с.
565. Жаков К.Ф. Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали. — С.—Петербург, 1906 — 88 с.
566. Жане П. Нравственное единство человеческого рода. — Москва: Либроком, 2011 — с. 3—48
567. Жерюзе Е. Курс философии. — С.—Петербург, 1837 — 328 с.
568. Жилин А.А. Из лекций по Энциклопедии права. — Киев, 1910 — 38 с.
569. Загоскин Н.П. История права Московского государства. — Казань, 1877, 1879 — 345+156 с.
570. Загоскин Н.П. Курс истории русского права. — Казань, 1906 — 336 с.
571. Загоскин Н.П. Наука истории русского права. — Казань, 1891 — 527 с.
572. Залеский В.Ф. Власть и право. Философия объективного права. — Казань, 1897 — 297 с.
573. Залеский В.Ф. Лекции истории философии права. — Казань, 1902 — 411 с.
574. Залеский В.Ф. Лекции Энциклопедии права. — Казань, 1902 — 311 с.
575. Зарудный С.И. Охранительные законы частного гражданского права. — С.—Петербург, 1859 — 155 с.
576. Зверев Н.А. Энциклопедия права. — Москва, 1899 — 413 с.
577. Золотницкий В.Т. Общество разнородных лиц. — С.—Петербург, 1766 — 147 с.
578. Ибервег—Гейнце. История новой философии в сжатом очерке. — С.—Петербург, 1898 — 800 с.
579. Иванов Г.А. Новая теория права и нравственности, ее критики и монистическое понимание этики. — С.—Петербург, 1912 — 120 с.
580. Иеринг Р. Борьба за право. — Москва, 1907 — 96 с.
581. Иеринг Р. Дух римского права. — С.—Петербург, 1875 — 309 с.
582. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. — С.—Петербург, 1881 — 412 с.

- 583.Итальянский гуманизм эпохи Возрождения (под. ред. С.М. Стама). Ч. 2. — Саратов: Саратовский университет, 1988 — 190 с.
- 584.Йодль Ф. История этики. — Москва, 1896 — 284 с.
- 585.Кавелин К.Д. Задачи этики. — С.—Петербург, 1885 — 107 с.
- 586.Казанский П.Е. Право и нравственность как явления всемирной культуры. — С.—Петербург, 1902 — 47 с.
- 587.Кант И. Лекции по этике. — Москва: Республика, 2000 — 426 с.
- 588.Капустин М.Н. Очерк истории права в западной Европе. — Москва, 1866 — 214 с.
- 589.Капустин М.Н. Теория права. — Москва, 1868 — 352 с.
- 590.Кассо Л.А. Общие и местные гражданские законы. — Харьков, 1896 — 16 с.
- 591.Каутский К. Этика и материалистическое понимание истории. — Москва: Едиториал УРСС, 2003 — 133 с.
- 592.Кейра Ф. Характеры и нравственное воспитание. — Москва: Либроком, 2015 — 130 с.
- 593.Киреевский И.В. Полное собрание сочинений. Т. 1. — Москва, 1911 — 287 с.
- 594.Кирхнер Фр. История философии. — С.—Петербург, 1895 — 384 с.
- 595.Кирхнер Фр. Этика. — С.—Петербург, 1900 — 303 с.
- 596.Клеванов А.С. Обзорение философской деятельности Платона и Сократа. — Москва, 1861 — 297 с.
- 597.Клобуцкий М.П. Исследование главных положений основных законов Российской империи, в историческом их развитии. — Харьков, 1839 — 139 с.
- 598.Ключевский В.О. О нравственности и русской культуре. — Москва: Дрофа, 2006 — 301 с.
- 599.Ковалевский М.М. Первобытное право. — Москва, 1886 — 167+169 с.
- 600.Козлов А.А. Критический этюд по поводу книги г. Грота «Психология чувствований». — Киев, 1881 — 56 с.
- 601.Колер Й. Право как элемент культуры. — Москва, 1896 — 53 с.
- 602.Колокольцов Л.Ф. Понятие и юридическая природа владения вещами по римскому праву. — Ярославль, 1874 — 51 с.
- 603.Кондорсэ Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. — Москва: Государственное социально—экономическое издательство, 1936 — 258 с.
- 604.Коновалова Л.В. Растерянное общество. — Москва: Мысль, 1986 — 219 с.
- 605.Конт О. Дух позитивной философии. — Ростов—на—Дону: Феникс, 2003 — 247 с.
- 606.Коплстон Ф. История философии. — Москва: Центрполиграф, 2003 — 333+317+493 с.
- 607.Коркунов Н.М. История философии права. — С.—Петербург, 1915 — 502 с.

608. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. — С.—Петербург: Юридический центр, 2004 — 218 с.
609. Коркунов Н.М. Энциклопедия права. — С.—Петербург, 1883 — 464 с.
610. Корнелиус Г. Введение в философию. — Москва: КомКнига, 2011 — 328 с.
611. Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. — Москва, 1915 — 417 с.
612. Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. — Москва, 1912 — 217 с.
613. Кранихфельд А. Начертание российского гражданского права в историческом его развитии. — С.—Петербург, 1843 — 327 с.
614. Кресин А.В. Становление теоретических оснований сравнительно—правовых исследований во второй половине XVIII – первой трети XIX века. — Киев: Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины, 2017 — 676 с.
615. Крживицкий Л. Генезис идей. — С.—Петербург, 1902 — 43 с.
616. Кукольник В.Г. Начальные основания российского частного гражданского права. — С.—Петербург, 1813 — 240 с.
617. Кюльпе О. Введение в философию. — Москва: ЛКИ, 2007 — 284 с.
618. Лавров П.Л. Современные учения о нравственности и ее история. — С.—Петербург, 1904 — 216 с.
619. Лаппо—Данилевский А.С. Общее обозрение (Summa) основных принципов обществоведения. — Москва: Вопросы философии, № 12, 2013 — с. 96—105
620. Леббок Дж. Начало цивилизации и первобытное состояние человека. — Москва: Либроком, 2011 — 384 с.
621. Лебедев С. Краткий курс Русского гражданского права. — Харьков, 1915 — 280 с.
622. Лебон Г. Эволюция цивилизаций. — Одесса, 1895 — 89 с.
623. Лекки У. История возникновения и влияния рационализма в Европе. — Москва: Либроком, 2011 — 318+277 с.
624. Леонтович Ф.И. История русского права. — Одесса, 1869 — 151 с.
625. Летурно Ш. Нравственность. — С.—Петербург, 1908 — 432 с.
626. Лешков В.Н. Несколько слов об отношении гражданского римского права к новым и к русскому и гражданского права к праву оборотов к торговому. — Москва, 1873 — 10 с.
627. Лешков В.Н. Русский народ и государство. — Москва, 1858 — 612 с.
628. Линицкий П.И. Обзор философских учений. — Киев, 1874 — 245 с.
629. Липпс Т. Основные вопросы этики. — С.—Петербург, 1905 — 392 с.
630. Локк Дж. Сочинения. Т. 3. — Москва: Мысль, 1988 — 667 с.
631. Лопатин Л.М. История новой философии. — Москва, 1899 — 484 с.
632. Льюис Дж. История Философии. — С.—Петербург, 1865 — 816 с.
633. Люблинский П.И. Основания судейского усмотрения в уголовных делах // Журнал Министерства юстиции. 1904. № 1 — 34 с.

634. Landes D. The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor. — New York – London: W. W. Norton & Company, 1998 — 650 с.
635. Макензи Дж. С. Этика. — С.—Петербург, 1898 — 320 с.
636. Маковельский А.О. Введение в философию. Ч. 2. — Казань, 1916 — 64 с.
637. Малеванский Г.В. Опыт о свободе воли. — Киев, 1899 — 455 с.
638. Малинин М.И. К вопросу об основных принципах гражданского права и гражданского уложения. — Одесса, 1882 — 21 с.
639. Малинин М.И. Судебное признание в гражданских делах. — Одесса, 1877 — 141 с.
640. Малинин М.И. Убеждение судьи в гражданском процессе. — Одесса, 1873 — 158 с.
641. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. — С.—Петербург, 1876 — 444 с.
642. Малышев К.И. Курс общего гражданского права России. — С.—Петербург, 1878 — 356 с.
643. Мамфорд Л. Миф машины. — Москва: Логос, 2001 — 408 с.
644. Марецолл Т. Учебник римского гражданского права. — Москва, 1867 — 484 с.
645. Мейер Д.И. Русское гражданское право. — Москва, 1873 — 730 с.
646. Мечников И.И. Этюды оптимизма. — Москва, 1917 — 284 с.
647. Миклашевский А.Н. Политика труда и идеалы распределительной справедливости. I – III // Вестник Права. – Санкт—Петербург., 1905. – Книга 8 (Октябрь). – С. 1 – 52
648. Миртов Д.П. Нравственная автономия по Канту и Ницше. — С.—Петербург, 1892 — 66 с.
649. Михайлов М.М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 года. — С.—Петербург, 1848 — 131 с.
650. Михайлов М.М. История русского права. — С.—Петербург, 1871 — 180 с.
651. Михайлов М.М. Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 года до издания Свода законов. — С.—Петербург, 1856 — 202 с.
652. Михайловский И.В. Очерки философии права. — Т.ск, 1914 — 604 с.
653. Монтескье Ш.—Л. О духе законов. — Москва: Мысль, 1999 — 652 с.
654. Муромцев С.А. Из лекций по русскому гражданскому праву. — С.—Петербург, 1899 — 17 с.
655. Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. — Москва, 1886 — 98 с.
656. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. — Москва, 1879 — 240 с.
657. Муромцев С.А. Основы гражданского права. — Москва, 1908 — 102 с.

658. Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права. — Москва, 1877 — 316 с.
659. Муромцев С.А. Право и справедливость. — С.—Петербург, 1898 — 12 с.
660. Муромцев С.А. Суд и закон в гражданском праве. — Юридический вестник, 1880, т. 5, № 11 — с. 377—393
661. Мэн Г. Древнее право. Его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. — С.—Петербург, 1873 — 312 с.
662. Мюрхед Дж. Основные начала Морали. — Одесса, 1905 — 207 с.
663. Немецкая историческая школа юристов. — Челябинск: Социум, 2010 — 528 с.
664. Нефедьев Е.А. Гражданский Процесс. — Москва, 1900 — 463 с.
665. Нефедьев Е.А. Единство гражданского процесса. — Казань, 1892 — 21 с.
666. Нидерле Л. Человечество в доисторические времена. — С.—Петербург, 1898 — 652 с.
667. Никольский Б.В. Опыт эдикта чести. — С.—Петербург, 1901 — 63 с.
668. Новгородцев П.И. (ред.) Проблемы идеализма. — Москва, 1902 — 521 с.
669. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. — Москва, 1896 — 226 с.
670. Новгородцев П.И. История Философии Права. — Москва, 1897 — 269 с.
671. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. — Москва, 1901 — 245 с.
672. Новгородцев П.И. Конспект к лекциям по Истории Философии Права. — Москва, 1908 — 241 с.
673. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. — Москва, 1909 — 393 с.
674. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права. — Москва, 1914 — 87 с.
675. Новгородцев П.И. Учения Нового времени XVI—XVIII в.в. — С.—Петербург, 1904 — 188 с.
676. Новицкий О.М. Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований. — Киев, 1860 — 329+429+362+384 с.
677. Оболенский Л.Е. История Мысли. — С.—Петербург, 1903. — 356 с.
678. Олесницкий М.А. История нравственности и нравственных учений. — Киев, 1882 — 428 с.
679. Ориу М. Основы публичного права. — Москва: Издательство Коммунистической Академии, 1929 — 759 с.
680. Орлов А.И. Полный русско—латинский словарь. — Москва: Либроком, 2020 — 683 с.

- 681.Павлов—Сильванский Н.П. Символизм в древнем русском праве. — Журнал Министерства Народного Просвещения, 1905, июнь — с. 339—365
- 682.Павлов—Сильванский Н.П. Феодализм в Древней Руси. — С.—Петербург, 1907 — 147 с.
- 683.Паделлетти Г. Учебник истории римского права. — Одесса, 1883 — 163 с.
- 684.Пауэлл Т. Кельты. — Москва: Центрполиграф, 2009 — 127 с.
- 685.Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение. — Москва: Радуга. 1983. С. 90 — 101
- 686.Платон. Полное собрание сочинений в одном Т.е. — Москва: Альфа—книга, 2016 — 1311 с.
- 687.Платон. Полное собрание творений в 15 Т.ах. Т. 13, 14 — Петербург: Academia, 1923 — 220+271 с.
- 688.Платон. Собрание сочинений. — Москва: Академия наук СССР, 1990: Т. 1 — 861 с.; Российская академия наук, 1994: Т. 3 — 655 с.; Т. 4 — 829 с.
- 689.Платон. Сочинения. Ч. 3. — Санкт—Петербург, 1863 — 532 с.
- 690.Плутарх. Моралии. — Москва — Харьков: Эксмо — Фолио, 1999 — 806 с.
- 691.Поворинский А.Ф. Систематический указатель русской литературы по гражданскому праву. — С.—Петербург, 1886 — 392 с.
- 692.Поворинский А.Ф. Систематический указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству, гражданскому и уголовному. — С.—Петербург, 1898, 1905 — 834+494 с.
- 693.Познышев С.В. Задачи общественных наук в связи с основами этики. — Москва, 1908 — 165 с.
- 694.Покровский И.А. История римского права. — Петроград, 1917 — 430 с.
- 695.Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. — Петроград, 1917 — 324 с.
- 696.Покровский И.А. Справедливость, усмотрение судьи и судебная опека. — Киев, 1901 — 26 с.
- 697.Полномбецкий А.И. О системе судебных доказательств древнего германского права сравнительно с Русскою Правдою и позднейшими русскими законами, находящимися с ним в ближайшем соотношении. — Харьков, 1844 — 75 с.
- 698.Попов И.В. Естественный нравственный закон. — Сергиев Посад, 1897 — 597 с.
- 699.Преображенский П.Ф. В мире античных идей и образов. — Москва: Наука, 1965 — 393 с.
- 700.Проект Гражданского Уложения Российской Империи. — С.—Петербург, 1809—10 — 174+74 с.
- 701.Проскуряков Ф.И. Руководство к познанию действующих русских государственных, гражданских, уголовных и полицейских законов. — С.—Петербург, 1856 — 326+282+272 с.

- 702.Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. — С.—Петербург: Нестор—История, 2011 — 214 с.
- 703.Пухта Г. История римского права. — Москва, 1863 — 576 с.
- 704.Пухта Г. Курс Римского Гражданского права. — Москва, 1874 — 550 с.
- 705.Пухта Г. Энциклопедия права. — Ярославль, 1872 — 99 с.
- 706.Радбрух Г. Философия права. — Москва: Международные отношения, 2004 — 238 с.
- 707.Рассел Б. История западной философии. — Москва: Миф, 1993 — 506+444 с.
- 708.Рассел Б. Мудрость Запада. — Москва: Республика, 1998 — 477 с.
- 709.Рассел Б. Словарь разума, материи, морали. — Киев: Port—Royal, 1996 — 364 с.
- 710.Ревакина Н.В. Образ человека в зеркале гуманизма. — Москва: Университет Российской Академии Образования, 1999 — 396 с.
- 711.Ревакина Н.В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV — первой половины XV в. — Москва: Наука, 1977 — 271 с.
- 712.Регельсбергер Ф. Общее учение о праве. — Москва, 1897 — 295 с.
- 713.Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. — С.—Петербург: 1889: Т. 1 — 440 с.; Т. 2 — 403 с.; 1890: Т. 3 — 475 с.; Т. 4 — 515 с.; Т. 5 — 492 с.; Т. 6, 1891 — 498 с.
- 714.Рей А. Современная философия. — С.—Петербург, 1911 — 256 с.
- 715.Ренан Э. Собрание сочинений. Т. 3—4. — Киев, 1902 — 219+247 с.
- 716.Рибо Т. Эволюция общих идей. — Москва: ЛКИ, 2007 — 224 с.
- 717.Рид Т. Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла. — С.—Петербург: Алетейя, 2000 — 347 с.
- 718.Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели. — Москва: Эксмо, 2013 — 701 с.
- 719.Риль А. Введение в современную философию. — Москва: Либроком, 2019 — 196 с.
- 720.Риттер Г. История философии древних времен. — С.—Петербург, 1839 — 584 с.
- 721.Росс Э. Кельты—язычники. Быт, религия, культура. — Москва: Центрполиграф, 2005 — 253 с.
- 722.Рулан Н. Юридическая антропология. — Москва: Норма, 1999 — 301 с.
- 723.Савальский В.А. Государственное право. — Варшава, 1912—13 — 190+184 с.
- 724.Савиньи Ф.К. Система современного римского права. Т. 1 — Москва: Статут, 2011 — 510 с.
- 725.Самоквасов Д.Я. Древнее русское право. — Москва, 1903 — 377+56 с.
- 726.Самоквасов Д.Я. Исследования по истории русского права. — Москва, 1896 — 107+170 с.
- 727.Самоквасов Д.Я. История русского права. — Москва, 1906 — 595 с.
- 728.Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. — Москва, 1908 — 616 с.

729. Самоквасов Д.Я. Памятники древнего русского права. — Москва, 1908 — 267 с.
730. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. — Москва: Художественная литература, 1986 — 498 с.
731. Сенека. Философские трактаты. — С.—Петербург: Алетейя, 2001 — 396 с.
732. Сергеев К.А. Ренессансные основания антропоцентризма. — С.—Петербург: Наука, 2007 — 590 с.
733. Сергеевич В.И. Древности русского права. — С.—Петербург: Т. 2, 1908 — 658 с.; Т. 3, 1903 — 496 с.
734. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. — С.—Петербург, 1910 — 666 с.
735. Сергеевич В.И. Русская Правда в четырех редакциях. — С.—Петербург, 1904 — 51 с.
736. Сергеевич В.И. Русская Правда и ее списки. — Журнал Министерства Народного Просвещения, 1899, январь — с. 1—41
737. Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т. 1. — С.—Петербург: Древности русского права, 1902 — 555 с.
738. Синайский В.И. История источников римского права. — Варшава, 1911 — 207 с.
739. Синайский В.И. Русское Гражданское право. — Киев, 1917 — 256 с.
740. Смирнов А.И. История английской этики. Т. 1: Английские моралисты XVII в. Реформа моральных наук и основание научной этики в Англии. — Казань, 1880 — 443 с.
741. Снегирев В.А. Нравственное чувство. — Харьков, 1891 — 54 с.
742. Соколов В.М. Социология нравственного развития личности. — Москва: Политиздат, 1986 — 239 с.
743. Соколов П.П. Философия в современной Германии. — Москва, 1890 — 77 с.
744. Соловьев В.С. Оправдание добра. — Москва, 1899 — 615 с.
745. Соловьев В.С. Право и нравственность. — С.—Петербург, 1899 — 177 с.
746. Соловьев—Андреевич Е.А. Опыт философии русской литературы. — С.—Петербург, 1909 — 374 с.
747. Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). — Москва: Изд. Моск. ун.—та, 1985 — 378 с.
748. Спекторский Е.В. Естественное право у протестантских авторов XVI века. — Ярославль, 1914 — 47 с.
749. Спекторский Е.В. Эргард Вейгель. Забытый рационалист XVII века. — Варшава, 1909 — 69 с.
750. Спенсер Г. Сочинения. Т. 5. — С.—Петербург, 1899 — 211+264 с.
751. Спиноза Б. Этика. — Минск — Москва: Харвест — АСТ, 2001 — 336 с.
752. Стоянов А.Н. Примитивное право и законодательство культурных народов древности. — Харьков, 1897 — с. 32—54

753. Стоянов А.Н. Этюды по всеобщей истории права. — Харьков, 1894 — с. 1—32
754. Струве Г.Е. Самостоятельное начало душевных явлений. — Москва, 1870 — 102 с.
755. Сутерланд А. Происхождение и развитие нравственного инстинкта. — С.—Петербург, 1900 — 407 с.
756. Тарановский Ф.В. Учение об естественном праве // Журнал Министерства Юстиции, № 3, 1916 — 26 с.
757. Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. — Берлин, 1923 — 440 с.
758. Тард Г. Общественное мнение и толпа. — Москва: Ленанд, 2015 — 208 с.
759. Тилле А.А. Советский социалистический феодализм. — Москва: Пробел—2000, 2005 — 260 с.
760. Троицкий М.М. Немецкая психология в текущем столетии. — Москва, 1883 — 408+517 с.
761. Троцина К.Е. История судебных учреждений в России. — С.—Петербург, 1851 — 387 с.
762. Трошин Г.Я. Антропологические основы воспитания. — Петроград, 1915 — 403+958 с.
763. Трубецкой С.Н. История древней философии. — Москва, 1906, 1908 — 208+136 с.
764. Трубецкой С.Н. Собрание сочинений. — Москва: Т. 2, 1908 — 623 с.; Т. 3, 1910 — 467 с.; Т. 5, 6, 1912 — 255+166 с.
765. Тютрюмов И.М. Гражданский процесс. — Юрьев, 1925 — 695 с.
766. Тютрюмов И.М. Гражданское Право. — Юрьев, 1922 — 537 с.
767. Тютрюмов И.М. Законы Гражданские. Т. 1. — Петроград, 1915 — 1413 с.
768. Тютрюмов И.М. Устав Гражданского Судопроизводства. — С.—Петербург, 1912 — 1984 с.
769. Уилсон Э. О природе человека. — Москва: Кучково поле, 2015 — 352 с.
770. Фалькенберг Р. История новой философии. — С.—Петербург, 1898 — 632 с.
771. Фаулер Т. Прогрессивная нравственность. — С.—Петербург, 1896 — 119 с.
772. Филиппов А.Н. Лекции по Истории русского права. — Юрьев, 1904 — 606 с.
773. Философский словарь (под ред. Э. Л. Радлова). — С.—Петербург, 1904 — 284 с.
774. Фихте И. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. — Москва: Канон, 2014 — 389 с.
775. Фойгт Г. Возрождение классической древности. — Москва, 1884—1885 — 538+455 с.

- 776.Форлендер К. Общедоступная история философии. — Москва: Московский рабочий, 1922 — 624 с.
- 777.Фризо Л. История нравственной философии. — С.—Петербург, 1902 — 312 с.
- 778.Фуллье А. История философии. — Москва, 1893 — 489 с.
- 779.Фуллье А. Критика новейших систем морали. — С.—Петербург, 1898 — 404 с.
- 780.Хвостов В.М. История римского права. — Москва, 1907 — 463 с.
- 781.Хвостов В.М. Общая теория права. — Москва, 1905 — 211 с.
- 782.Хвостов В.М. Очерк истории этических учений. — Москва, 1913 — 282 с.
- 783.Хвостов В.М. Система римского права. Общая Ч.. — Москва, 1908 — 204 с.
- 784.Хвостов В.М. Этюды по современной этике. — Москва, 1908 — 207 с.
- 785.Хольцендорф Ф. Роль общественного мнения в государственной жизни. — С.—Петербург, 1881 — 139 с.
- 786.Цветаев Л.А. Начертание Римского Гражданского Права. — Москва, 1824 — 253 с.
- 787.Цветаев Л.А. Первые начала права естественного. — Москва, 1816 — 86 с.
- 788.Цветков С.В. Кельты и славяне. — С.—Петербург: Блиц, 2005 — 196 с.
- 789.Цитович П.П. Русское гражданское право. — Киев, 1894 — 79 с.
- 790.Цицерон. Диалоги. — Москва: Наука, 1966 — 223 с.
- 791.Цицерон. Избранные сочинения. — Москва: Художественная литература, 1975 — 416 с.
- 792.Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. — Москва: Центрполиграф, 2007 — 270 с.
- 793.Черчленд П. Совесть. — Москва: Альпина нон—фикшн, 2021 — 354 с.
- 794.Чиларж К. Учебник институций римского права. — Москва, 1901 — 495 с.
- 795.Чичерин Б.Н. Философия права. — Москва, 1900 — 336 с.
- 796.Швеглер А. История философии. — Москва: Либроком, 2021 — 170 с.
- 797.Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. — Москва, 1911 — 833 с.
- 798.Шлегель Ф. Сочинения. — С.—Петербург: «Quadrivium», 2015 — 812 с.
- 799.Шлосберг Б.Л. Об источниках закона 21 марта 1851 года (О добросовестном владении) // Журнал Министерства Юстиции. — С.—Петербург., 1907. — № 1. — С. 192 — 206
- 800.Шопенгауэр А. Сочинения. — Москва: Терра — Т. 1, 1999 — 494 с.; Т. 3, 2001 — 522 с.; Т. 5, 2001 — 526 с.
- 801.Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. — Москва: Российская политическая энциклопедия, 2008—2009 — 587+846 с.

- 802.Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. — Москва, 1908 — 144 с.
- 803.Штекль А. История средневековой философии. — Москва, 1912 — 307 с.
- 804.Щербина А.М. Методология этики. — Москва, 1914 — 30 с.
- 805.Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. — С.—Петербург, 1907 — 729 с.
- 806.Эсмен А. Общие основания конституционного права. — С.—Петербург, 1898 — 357 с.
- 807.Юм Д. Сочинения. Т. 1. — Москва: Мысль, 1996 — 730 с.
- 808.Юсти И. Существенное изображение законов. — Москва, 1770 — 384 с.
- 809.Юшков С.В. История государства и права России. — Ростов—на—Дону: Феникс, 2003 — 728 с.
- 810.Юшков С.В. Общественно—политический строй и право Киевского государства. — Москва: Государственное издательство политической литературы, 1949 — 537 с.
- 811.Юшков С.В. Русская Правда. — Москва: Зерцало, 2010 — 328 с.
- 812.Яблочков Т.М. Гражданское право и экономическое неравенство. — Ярославль, 1912 — 43 с.
- 813.Яблочков Т.М. Судебное решение и спорное право // Вестник Гражданского права. — Петроград, 1916. — № 7 (Ноябрь). — С. 26 — 62
- 814.Яковенко Б.В. История русской философии. — Москва: Республика, 2003 — 510 с.
- 815.Якушкин Е.И. Обычное право. — В. 1, 2: Ярославль, 1875, 1896 — 249+545 с.; В. 3, 4: Москва, 1908, 1909 — 546+440 с.
- 816.Ян Ф. Кельтская цивилизация и ее наследие. — Прага: Издательство Чехословацкой Академии Наук, 1961 — 154 с.
- 817.Яценко А.С. Теория федерализма. — Юрьев, 1912 — 841 с.
- 818.Яценко А.С. Философия права Соловьева. — С.—Петербург, 1912 — 43 с.